

См. обсуждения, статистику и профили авторов этой публикации по адресу: <https://www.researchgate.net/publication/332031643>

Влияние порнографии на детей и молодых людей: анализ доказательств

Технический отчет · Декабрь 2017 г.

DOI: 10.13140/RG.2.2.16152.11522

ЦИТИРОВАНИЕ

19

ЧИТАЕТ

10 544

3 автора:



Алиссар Эль-Мурр

Австралийский институт семейных исследований

8 ПУБЛИКАЦИИ 36 ЦИТИРОВАНИЕ

[Посмотреть профиль](#)



Антония Квадара

Австралийский институт семейных исследований

14 ПУБЛИКАЦИИ 146 ЦИТИРОВАНИЕ

[Посмотреть профиль](#)



Джей Ар Лэтэм

Университет Дикина

29 ПУБЛИКАЦИИ 332 ЦИТИРОВАНИЕ

[Посмотреть профиль](#)

Некоторые из авторов этой публикации также работают над этими смежными проектами:



Опыт ЛГБТ с деменцией [Посмотреть проект](#)



"НАРКОТИКИ" [Посмотреть проект](#)



Australian Government

Australian Institute of Family Studies

Обнаружение того, что
работает для семей

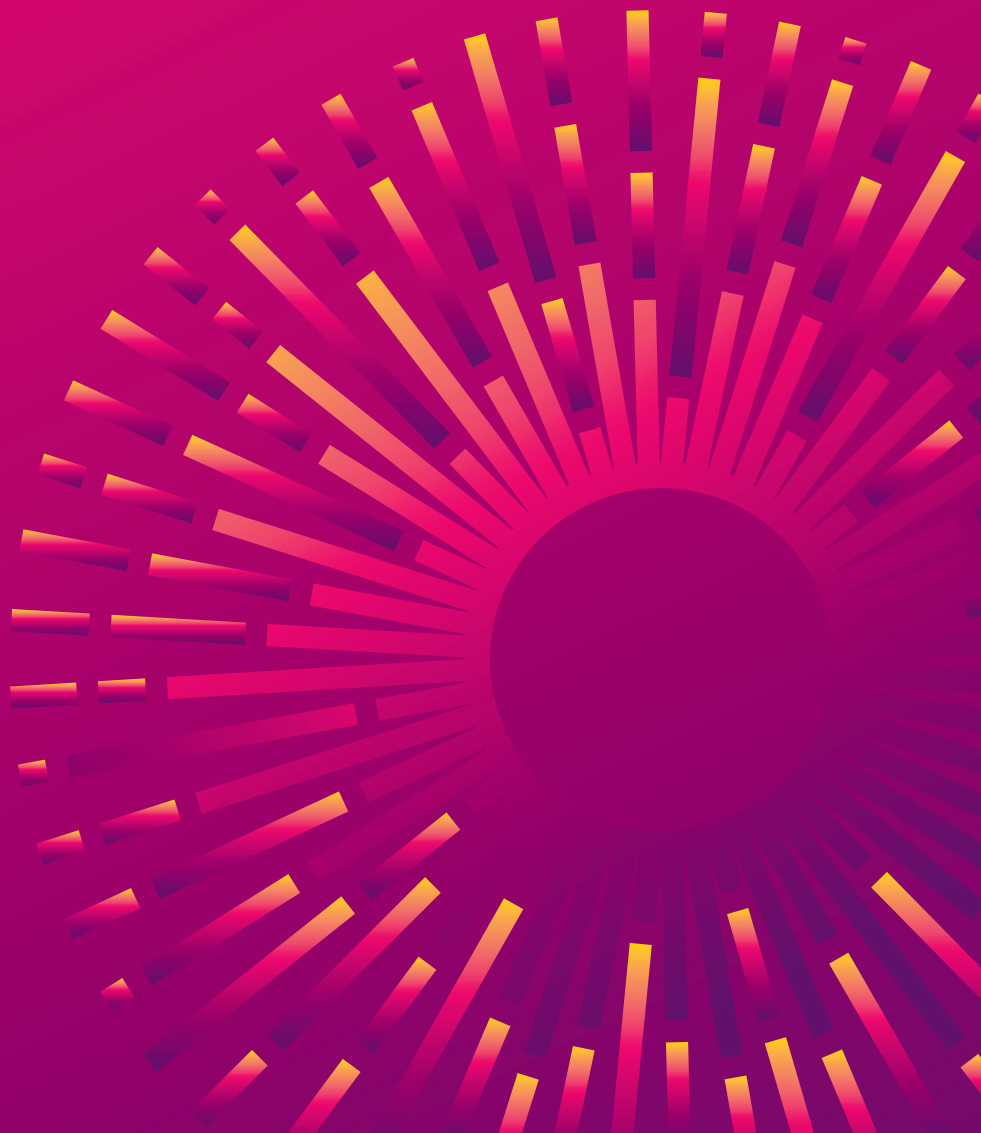
▼
aifs.gov.au

Влияние порнографии на детей и молодых людей

Сканирование доказательств

ОТЧЕТ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ 2017 ГОДА

Антония Квадара, Алиссар Эль-Мурр и Джо Лэтэм



© Содружество Австралии, 2017 г.

За исключением фирменного стиля AIFS, герба Содружества, контента, предоставленного третьими сторонами, и любых материалов, защищенных товарным знаком, все текстовые материалы, представленные в этой публикации, предоставляются по международной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 (CC BY 4.0) < [Creativecommons.org/licenses/by/4.0/](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)>. Вы можете копировать, распространять и использовать эту работу в коммерческих и некоммерческих целях; однако вы должны указать Австралийское Содружество как правообладателя произведения. На контент, авторские права которого принадлежат третьей стороне, распространяются лицензионные соглашения первоначального владельца.



Мнения, выраженные в этой публикации, принадлежат авторам и могут не совпадать с точкой зрения Австралийского института семейных исследований или правительства Австралии.

Предлагаемая цитата:

Квадара А., Эль-Мурр А. и Лэтэм Дж. (2017). *Влияние порнографии на детей и молодых людей: анализ доказательств*. (Исследовательский отчет). Мельбурн: Австралийский институт семейных исследований.

ISBN 978-1-76016-149-1 (онлайн)

ISBN 978-1-76016-150-7 (PDF)

Под редакцией Кэтрин Дэй,
набор текста — Лизы Кэрролл.

Материалы и отчеты/2017/Влияние порнографии на детей и молодежь

Содержание

Обзор.....	4
Подход.....	4
Часть А:Обобщающий отчет.....	6
Ключевые темы в научной литературе.....	7
Понимание воздействия и потребления онлайн-материалов откровенно сексуального характера.....	7
Выводы из литературы.....	10 факторов, опосредующих этот вред.....
Краткое изложение вопросов.....	12
.....	13
Меры вмешательства и инициативы по устранению вреда онлайн-порнографии: обзор.....	14
Вмешательства и инициативы по устранению вреда онлайн-порнографии: Австралия.....	15
Правовые вмешательства.....	15
Образование для детей и молодежи.....	17 Ресурсы для родителей/опекунов.....
Учителя и школы.....	19
Краткое описание подходов в Австралии.....	22
.....	23
Вмешательства и инициативы по устранению вреда онлайн-порнографии: международный.....	24
Закон и управление.....	24
Половое воспитание.....	27
Часть Б:Обзор литературы.....	29
Цифровая жизнь детей и молодежи.....	29
Онлайн-риски.....	35
Молодёжная культура и цифровая культура.....	42
Исследования воздействия порнографии на детей и молодых людей.....	46
Ключевые темы в литературе.....	50
Комплексные взаимодействующие факторы.....	60
Пробелы в литературе и будущих исследованиях.....	61

Обзор

В 2016 году Австралийский институт семейных исследований (AIFS) провел анализ того, что имеющиеся данные исследований говорят нам о влиянии воздействия и потребления онлайн-порнографии на детей и молодых людей.

Растущая доступность порнографии в Интернете вызвала обеспокоенность по поводу того, какое влияние она может оказать на детей и молодых людей:

- л знание секса и отношение к нему;
- л сексуальное поведение и практики;
- л отношения и поведение в отношении гендерного равенства;
- л поведение и практика в их собственных интимных, сексуальных или романтических отношениях; и риск
- л подвергнуться или совершить сексуальное насилие.

Целью этого проекта не было дублирование значительной работы, проделанной другими исследователями, работающими над этими вопросами (например, Flood, 2009; Flood & Hamilton, 2003a, 2003b; Sabina, Wolak, & Finkelhor, 2008; Wolak, Mitchell, & Finkelhor, 2007; Ибарра и Митчелл, 2005). Скорее, цель заключалась в том, чтобы синтезировать недавние исследования и текущие подходы/мероприятия в этом диапазоне областей для информирования будущих инициатив по снижению негативного воздействия порнографии на детей и молодых людей.

Подход

В период с августа по октябрь 2016 года исследовательская группа рассмотрела доступные исследования, касающиеся:

- л влияние порнографии на детей и молодых людей в связи с перечисленными выше проблемами; и
- л современные подходы и меры, разработанные для устранения негативных последствий порнографии и поддержки уважительных отношений.

Приоритетное внимание уделялось исследованиям, проведенным в Австралии, Новой Зеландии, Великобритании, США, Ирландии, Скандинавии и Канаде. Перечисленные здесь международные контексты в той или иной степени имеют некоторое сходство с Австралией, например, политические и законодательные системы. Однако последствия исследования не могут быть полностью перенесены.

Затем литература была синтезирована для:

- л сделать выводы о ключевых эффектах порнографии на детей и молодых людей и как лучше всего понять эту взаимосвязь между порнографией и связанными с ней последствиями;
- л определить факторы, которые могут помочь объяснить или опосредовать отношения между воздействием порнографии и других «сексуализирующих» материалов и воздействием на детей и молодых людей (т.е. факторы риска и защитные факторы); и
- л определить перспективные подходы к решению этой проблемы с детьми и молодежью, включая ключевые уроки.

Терминология, используемая в этом отчете

Термин «порнография» обычно используется в академической и политической литературе, а также в популярных и новостных средствах массовой информации для описания откровенно сексуальных материалов, которые обычно предназначены для сексуального возбуждения аудитории (Flood, 2016). Это может быть полезным сокращением; однако важно отметить, что не существует какого-то одного типа порнографии. Существует разнообразие форм порнографии (например, текста, изображений, аниме, видео), ее содержания (например, представленных сексуальностей и практик) и контекста ее производства. Эту вариацию важно иметь в виду при обсуждении вреда, связанного с онлайн-порнографией, и, возможно, имеет смысл говорить о «порнографии», чтобы признать это разнообразие. Некоторые исследователи использовали термины «Материалы откровенного сексуального характера» (SEM) и «Материалы откровенно сексуального характера в Интернете» (SEIM) для обозначения «онлайн-изображений и видео, которые открыто изображают сексуальные действия и гениталии и обычно предназначены для того, чтобы возбудить зрителя» (Hare, Гахаган, Джексон и Стинбек, 2014, стр. 148).

В то же время *тамявляется* доминирующий стиль и форма порнографии, которые легко доступны через Интернет, в основном ориентированы на гетеросексуальную мужскую аудиторию и составляют большую часть мировой порноиндустрии (Grabbe, 2016). Возможно, именно эта форма порнографии стимулирует современные дискуссии о вреде, связанном с просмотром и потреблением онлайн-порнографии.

В этом отчете термины «порнография» и «онлайн-порнография» преимущественно используются для обозначения:

- л текстовые, визуальные и аудиовизуальные материалы откровенно сексуального характера, которые обычно предназначены для сексуального возбуждения аудитории;
- л господствующие формы порнографии; и
- л порнографические материалы, которые загружаются, просматриваются, передаются и загружаются через онлайн-платформы.

Предостережения

Читателю следует иметь в виду несколько предостережений:

- л Проанализированная литература ограничивалась эмпирическими и другими исследованиями, опубликованными в виде академических, рецензируемых публикаций или исследовательских отчетов, опубликованных в некоммерческой форме, доступной в Интернете (т. е. «серая литература»).
- л Стратегии поиска ограничивали поиск:
 - исследования, опубликованные в период с 2005 по 2016 год; и
 - литература, изданная на английском языке в Австралии и соответствующих международных контекстах: Канада, Новая Зеландия, США, Великобритания, Ирландия и Скандинавия.

Это означает, что научные исследования, опубликованные после 2016 года, обязательно были исключены, а традиционным исследованиям отдавалось предпочтение. Эти исследования часто отстают от проблем, с которыми сталкиваются практики, преподаватели и другие лица в своей работе.

Структура отчета

Отчет состоит из двух частей. В первой части представлен синтез литературы и ее значение для разработки инициатив по устранению вреда, связанного с онлайн-порнографией. Во второй части представлен обзор литературы, легшей в основу сводного отчета.

Библиотека доказательств, собранная и использованная в этом проекте, представлена в виде отдельного приложения к отчету.

Часть А:Обобщающий отчет

В этой части мы синтезируем то, что сообщает нам исследовательская литература с точки зрения:

- л как дети и молодые люди подвергаются воздействию онлайн-порнографии или потребляют ее;
- л характер вреда, связанного с этим воздействием и/или потреблением; и различные факторы,
- л которые могут опосредовать этот вред.

Затем рассматриваются последствия для разработки и реализации инициатив, направленных на устранение вреда, связанного с онлайн-материалами откровенно сексуального характера. Методологический подход, использованный для проведения обзора, описан в Части В, обзоре литературы (стр. 29).

Ключевые темы в исследовательской литературе

Понимание воздействия и потребления онлайн-материалов откровенно сексуального характера.

Прежде чем описывать сами результаты исследования, важно отметить следующие ключевые моменты.

Во-первых, «порнография» как социальный вопрос или проблема *об* глубоко личное *и* глубоко политический. Желание, сексуальность, сексуальное возбуждение, мастурбация — это глубоко личные переживания. В то же время порнография также стала источником интенсивных политических, юридических и философских дебатов о цензуре, гражданских правах, моральных стандартах и ценностях, сексуальной свободе, защите детей, гендерной политике, сексуальной объективации и насилии в отношении женщин. Разнообразные политические и этические точки зрения влияют на понимание воздействия порнографии на детей и молодых людей и на то, как лучше всего с этим бороться.

Во-вторых, появление Web 2.0 существенно изменило то, как люди общаются, подключаются и обмениваются информацией. Веб 2.0 превратил Всемирную паутину из статического хранилища информации в динамичный сайт взаимодействия, сделав возможным использование социальных сетей и других одноранговых и совместных онлайн-платформ (Thomas & Sheth, 2011). Всемирная паутина теперь характеризуется как:

- л персонализированный;
- л интерактивный;
- л конвергентные и взаимосвязанные;
- л управляемый пользователем; и
- л очень мобильный.

Такова современная среда, в которой родилась молодежь. Это ситуация, которая, как отмечают многие комментаторы, предоставляет как возможности, так и риски (Livingstone & Brake, 2010). Эти технологические разработки также произошли и формируются в пересекающихся сферах влияния, а именно:

- л внутриличностный (т.е. индивидуальный);
- л межличностный (семья и сверстники);
- л организационные и институциональные условия (например, школы);
- л контекст сообщества; и
- л более широкий социокультурный контекст.

На рисунке 1 (стр. 8) представлено визуальное представление исследовательской литературы по этим сферам влияния.

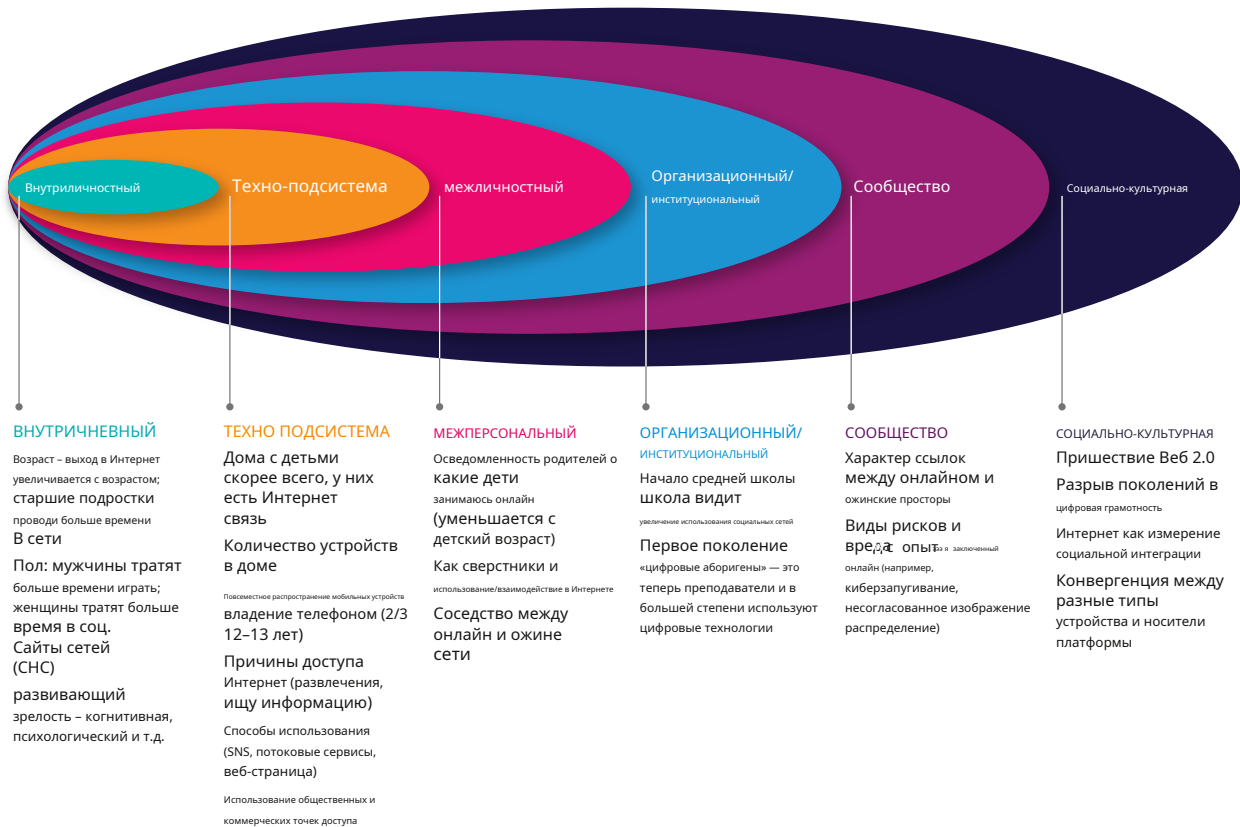


Рисунок 1: Социально-экологический контекст, определяющий доступ/воздействие онлайн порнографии

Наконец, сексуальное насилие, особенно в отношении женщин и детей, широко распространено как в Австралии, так и во всем мире, как показано во вставке 1. потребление порнографии способствует совершению сексуального насилия. В целом, «причинная атрибуция» порнографии не была продемонстрирована. Однако это не означает, что связи нет. Действительно, растущая фактологическая база по предотвращению насилия в отношении женщин и детей путем решения его проблемы *основные детерминанты* или условия приглашают нас посмотреть на:

- л сообщения о гендере, равенстве и (гетеро)сексуальности, которые генерирует мейнстрим онлайн-порнографии; и
- л как эти сообщения могут повлиять на взгляды, убеждения и поведение детей и молодых людей в формировании уважительных, равноправных романтических/сексуальных/интимных отношений.

Вставка 1: Сексуальное насилие

Виктимизация

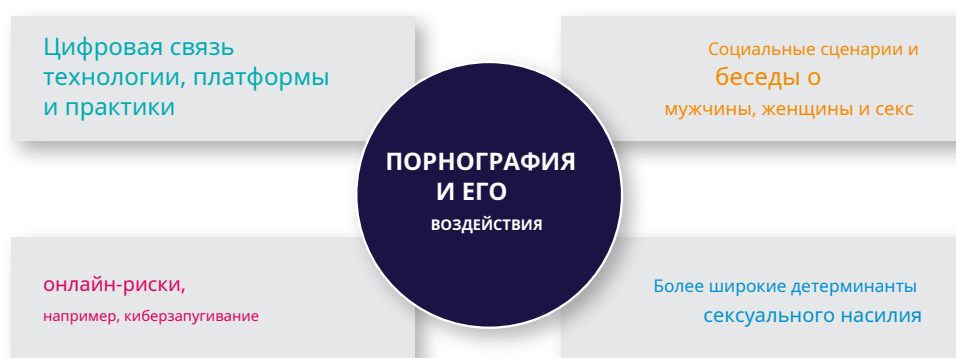
- л Люди в возрасте 19 лет и младше составляют 60% всех жертв сексуального насилия.
- л Девочки и молодые женщины в возрасте от 10 до 14 лет подвергаются самому высокому уровню сексуального насилия в Австралии.
- л Двадцать девять процентов всех жертв сексуального насилия мужского пола имеют возраст от 0 до 9 лет.

Преступление

- л Преступления сексуального характера, совершенные детьми и молодыми людьми в возрасте от 10 до 19 лет, увеличились на 36% с 2012 по 2014 год.
- л На долю девочек и молодых женщин в возрасте 10–17 лет пришлось 58% всех зарегистрированных правонарушений, совершенных женщинами в период с 2012 по 2013 год.
- л Мальчики и юноши в возрасте 10–17 лет совершили 16% всех зарегистрированных сексуальных преступлений с 2012 по 2013 год.

Короче говоря, понимание воздействия порнографии на детей и молодых людей должно начинаться с рассмотрения порнографии, ее потребления и ее воздействия в более широком социокультурном контексте. Как показано на рисунке 2, ключевые аспекты этого включают в себя:

- л Цифровые коммуникационные технологии, платформы и практики в целом. Например, какова роль и значение технологий в жизни детей и молодежи? Как он используется для образования, социальных связей, исследований, развлечений? Как это меняется на разных стадиях развития? Каковы практики и ценности в среде детей и молодежи в отношении использования технологий?
- л Диапазон онлайн-рисков, с которыми сталкиваются дети и молодые люди. Например, какова динамика и распространенность киберзапугивания, эксплуататорских отношений и связей в Интернете? Насколько родители, опекуны и педагоги осведомлены о видах вреда, который может быть нанесен в Интернете?
- л Социальные сценарии и дискурсы о мужчинах, женщинах и сексе, например, «возбужденный мужчина не может контролировать себя», «женщины говорят «нет», когда имеют в виду «да», «женщины часто стараются добиться», «мужская роль — добиваться женщин», «женщинам нужна любовь, чтобы заниматься сексом, мужчинам нужна любовь», секс, чтобы почувствовать любовь», «мужчинам физически нужен секс», «женщины не знают, чего они хотят в сексуальном плане, пока мужчина не покажет им».
- л Более широкие детерминанты сексуального насилия и насилия в отношении женщин, такие как жесткие стереотипы мужественности и женственности, гендерное неравенство в отношении принятия решений и ресурсов в частной и общественной жизни, отношения мужчин со сверстниками, которые оправдывают агрессию, а также минимизация, оправдание и рационализация насилия в отношении женщин.



Фигура 2: Рассмотрение порнографии и ее последствий как проблемы

Выводы из литературы

Контексты воздействия и потребления порнографии

Как ясно видно из рисунка 1 (стр. 8), доступность порнографии и подверженность ей зависят от различных контекстов и, следовательно, могут осуществляться посредством различных механизмов. Ключевые темы национальной и международной исследовательской литературы по воздействию и потреблению порнографии заключаются в следующем:

- л Воздействие весьма вероятно. В Австралии чуть менее половины (44%) детей в возрасте 9–16 лет сталкивались с сексуальными изображениями за последний месяц. Из них 16% видели изображения занимающегося сексом человека и 17% чьих-то гениталий. Изображения такого рода чаще видели подростки, чем дети младшего возраста. Более поздние результаты из Великобритании показывают, что 53% детей в возрасте 11–16 лет хотя бы раз видели онлайн-порнографию, причем подавляющее большинство смотрело порнографию до 14 лет.
- л Воздействие может быть непреднамеренным или преднамеренным. Непреднамеренные пути заражения включают поиск информации о сексуальном здоровье, отношениях или медицинской информации в Интернете и всплывающую рекламу. Преднамеренное может включать отправку ссылок для перехода и намеренный поиск.
- л Степень и частота просмотра порнографии различаются в зависимости от пола: мужчины чаще сознательно ищут порнографию и делают это часто.
- л Отношение и реакция на воздействие также различались в зависимости от пола: женщины имели более негативные взгляды и реакции, такие как шок или стресс, по сравнению с мужчинами, которые с большей вероятностью воспринимают порнографию как забавную, возбуждающую или захватывающую, особенно в старших когортах. Негативные ощущения имеют тенденцию уменьшаться при повторном просмотре (хотя неясно, почему это так).
- л Родители переоценивают воздействие на детей младшего возраста и недооценивают степень воздействия на детей старшего возраста (опять же, неясно, почему это так).

Чтобы выяснить, вредно ли потребление порнографии и каким образом, были проведены два ключевых типа исследований:

- л Экспериментальные исследования Целью исследования является проверка — физиологической, психологической и когнитивной — реакции участников на просмотр порнографии. Их критиковали за искусственность, поскольку неизвестно, как происходит использование порнографии и как она включается в повседневную жизнь.
- л Корреляционные, натуралистические исследования Цель — понять, как происходит использование порнографии и как она включается в повседневную жизнь. Их возможности ограничены, поскольку они не способны проверить причинно-следственные связи между порнографией и ее воздействием. Есть несколько продольных исследований, которые могут предоставить информацию об изменениях с течением времени.

Несмотря на ограниченность исследовательских методологий, появляется последовательность в том, на что порнография может влиять и каким образом. Это:

- л знания, осведомленность и образование по вопросам секса, включая сексуальную практику, сексуальное здоровье и сексуальное поведение;
- л отношения, убеждения и ожидания в отношении секса;
- л взгляды, убеждения и ожидания в отношении гендера;
- л сексуальное поведение и практики;
- л сексуальная агрессия; и
- л психическое здоровье и благополучие.

В Таблице 1 (стр. 11) обобщены основные результаты исследования.

В целом, воздействие и потребление порнографии может иметь целый ряд сопутствующих последствий. Хотя некоторые из них, такие как более снисходительное отношение и убеждения в отношении секса (например, принятие отношения к случайному сексу), знания о сексуальной практике и самой сексуальной практике (например, анальном сексе, сексе с несколькими партнерами) могут оказаться недопустимыми. *по своей сути* проблематична, наиболее доминирующая, популярная и доступная порнография содержит сообщения и модели поведения о сексе, гендере, власти и удовольствии, которые *глубоко* проблематично. Физическая агрессия (пощечины, удушение, рвота, выдергивание волос) и вербальная агрессия, такая как обзывательства, совершаемые преимущественно мужчинами в адрес своих партнерш-женщин, пронизывают порнографический контент (Sun, Bridges, Johnson, & Ezzell, 2016). Кроме того, эта агрессия часто сопровождается взаимным сексуальным взаимодействием (например, оральный секс), при котором согласие предполагается, а не обсуждается.

В следующем разделе обобщаются выводы исследований о факторах, которые опосредуют этот вред.

Таблица 1: Основные выводы исследования

<p>Знания, осведомленность и образование</p> <p>л Порнография может выступать источником информации о сексуальных действиях, сексуальных практиках и различных сексуальных проявлениях. В отсутствие другой явной информации исследования показывают, что порнография может быть основным источником полового воспитания. Влияние только этого элемента неясно.</p>
<p>Отношения, убеждения и ожидания относительно секса</p> <p>л Имеются убедительные доказательства того, что использование порнографии подростками связано с более сильными попустительскими сексуальными установками (например, добрачный секс, случайный секс). Однако неясно, является ли попустительское сексуальное отношение по своей сути проблематичным или вредным.</p> <p>л Исследования показывают, что поведение и практика в порнографии могут влиять на ожидания относительно секса, например, то, что мужчины находят приятным, чего ожидают от своих партнеров, и наоборот. Это может быть источником беспокойства и страха.</p> <p>л Исследования также показывают, что разрыв между ожиданиями и реальностью может привести к «сексуальной неуверенности» в отношении сексуальных убеждений и ценностей, а также может быть связан с сексуальной неудовлетворенностью.</p>
<p>Сексуальное поведение и практики</p> <p>л Некоторые данные свидетельствуют о том, что просмотр порнографии может увеличить вероятность более раннего первого сексуального опыта, особенно для тех подростков, которые чаще смотрели порнографию.</p> <p>л Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что порнография может формировать сексуальную практику. Исследования показывают, что молодые люди могут пытаться выполнять обычные сексуальные действия, наблюдаемые в доминирующей гетеро-порнографии, такие как:</p> <ul style="list-style-type: none"> — анальный секс; — эякуляция лица; — секс с несколькими партнерами; и — глубокий минет. <p>л Порнография также связана с небезопасными практиками сексуального здоровья, такими как отказ от использования презервативов и небезопасный анальный и вагинальный секс.</p> <p>л Некоторые исследования показывают, что сами молодые люди говорят, что порнография формирует их сексуальную практику.</p>
<p>Отношения, убеждения и ожидания в отношении гендера</p> <p>л Исследования показывают, что использование порнографии подростками связано с более сильными убеждениями в гендерных стереотипах, особенно в отношении пола. Эта ассоциация сильнее у мужчин.</p> <p>л Подростки мужского пола, которые часто смотрят порнографию, чаще:</p> <ul style="list-style-type: none"> — придерживаются сексистских взглядов и взглядов на женщин, например, что они «водят мужчин»; и — рассматривать женщин как сексуальные объекты. <p>л Некоторые исследования показывают, что не только содержание порнографии усиливает двойные стандарты активной мужской сексуальности и пассивного женского вместилища, но и ожидания относительно потребления порнографии тоже способствуют этому.</p>
<p>Сексуальная агрессия</p> <p>л Исследования показывают усиление взглядов, поддерживающих сексуальное насилие и насилие в отношении женщин.</p> <p>л Доказательства связи между потреблением порнографии и совершением сексуальных домогательств для мальчиков и сексуальным принуждением для студентов колледжей.</p> <p>л Подростки, которые потребляли жестокую порнографию, при последующем наблюдении в шесть раз чаще вступали в сексуальные отношения. агрессивны по сравнению с теми, кто смотрел ненасильственную порнографию/без порнографии.</p> <p>л Существует целый ряд пересекающихся факторов риска, которые повышают вероятность того, что мужчины-потребители порнографии будут совершать сексуальную агрессию или иметь предрасположенность к сексуальной агрессии.</p>
<p>Психическое здоровье и благополучие</p> <p>л Дистресс или расстройство, особенно среди детей младшего возраста (в возрасте 9–12 лет). Девочки с</p> <p>л большей вероятностью находят порнографию тревожной, унижительной или отвратительной.</p> <p>л Повышенная самообъективация и наблюдение за телом среди подростков как мужского, так и женского пола.</p> <p>л Сексуальная озабоченность, компульсивное потребление и «зависимость» могут быть связаны с частотой просмотра порнографии, а также с целями использования порнографии (например, как способ снятия негативных состояний).</p>

Факторы, опосредующие этот вред

В соответствии с вышеизложенным, потребление порнографии является одним из факторов риска. Например, использование насильственной порнографии связано с реальным агрессивным поведением, включая сексуальное насилие. Это показывает, что содержание (типы) порнографии, к которой осуществляется доступ, имеет значение. Есть также свидетельства того, что уже существующее понимание сексуальных норм (какие виды сексуальной деятельности уместны) влияет на то, насколько болезненным является воздействие порнографических материалов, изображающих другие виды деятельности. Особенно это применимо для детей младшего возраста. И возраст, и культурный контекст влияют на воздействие материалов откровенно сексуального характера. То, как несовершеннолетние читают порнографию, также оказывает различное воздействие, например, если они думают, что порнографические изображения изображают реалистичное или нереалистичное сексуальное поведение. Все эти факторы по-разному взаимодействуют друг с другом и, в частности, имеют тенденцию оказывать разное воздействие на мальчиков и девочек разных возрастных групп, что делает пол и возраст важными моментами, представляющими интерес.

В Таблице 2 выделены некоторые важные факторы, влияющие на восприятие порнографии, взаимодействие с ней и потенциальные последствия. Они сгруппированы под следующими заголовками:

- л Характер/Индивидуальные факторы:личные характеристики, влияющие на восприятие порнографии, взаимодействие с ней и ее последствия;
- л Контекст:ситуации просмотра порнографии, которые влияют на ее понимание; и Содержание:основное
- л содержание порнографического изображения.

Таблица 2:Опосредующие факторы

Характер	Контекст	Содержание
л Пол	л Случайный	л Использование/неиспользование презервативов
л Возраст	л Преднамеренный	л Женщины как сексуальные объекты
л Пубертатное развитие	л Первое воздействие	л Изображения насилия
л Культурный фон	л Частота использования	л Женщины, возбужденные насилием
л Религиозность	л Продолжительность просмотра	л Расистские стереотипы
л Социально-экономический статус (СЭС)	л Цель	л Точка зрения (POV)
л Сексуальная ориентация	л Эмпирическое состояние (например, возбуждение)	л Властные отношения
л Сексуальный интерес	л С сексуальным партнером/сверстниками/в одиночку	л Привязанность
л Сексуальный опыт	л Воспринимаемый реализм	
л История сексуального насилия/насилия	л Сексуальное воспитание	
л Семейное положение	л Критическая грамотность	
л В поисках сенсации	л Семейная ситуация	
л Агрессия	л Родительское общение	
л Отношение к насилию в отношении женщин	л Общение с друзьями	
л Отношение к порнографии	лВозраст друзей	
	лВоспринимаемые нормы сверстников	

В целом, ключевыми моментами доказательств являются:

- л Популярная онлайн-порнография может иметь ряд негативных последствий для знаний, отношения и убеждений о сексе и гендере; сексуальные практики; психическое благополучие и риск сексуальной агрессии.
- л Эти негативные эффекты опосредуются взаимодействием индивидуальных характеристик; контексты, в которых происходит воздействие и/или потребление; и содержание самой порнографии.
- л Опосредующие факторы индивидуальных характеристик, контекста и содержания сами по себе расположены в целом взаимосвязанном, интерактивном и мобильном цифровом мире, а также в социокультурном контексте, который не является гендерно равным и в котором распространены стереотипные представления о женщинах, мужчинах и поле. .

Краткое изложение проблем

В совокупности результаты исследования позволяют предположить, что ключевые проблемы, лежащие в основе вреда, связанного с порнографией, связаны со следующим и их взаимосвязью:

- л накопительный эффект взглядов, знаний, практик и сценариев и нарративы современной порнографии, в которых агрессия, объективация, грубость, невзаимность и предполагаемое согласие на все практики и партнеров являются стандартным выражением гетеросексуала;
- л место этой порнографии в нашем более широком культурном контексте, в котором стереотипы о гендере, сексизме, сексуальной объективации и установках, поддерживающих насилие, также играют роль в социальной экологии в дополнение к нормализации самого потребления порнографии молодыми людьми; и
- л отсутствие альтернативных повествований, сценариев и изображения гетеросексуальности, женской сексуальной активности и желаний, которые отвечают потребностям в развитии и информации детей и молодых людей.

Из этого вытекает важный вывод: вред, связанный с потреблением порнографии, необходимо учитывать как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

На индивидуальном уровне существует целый ряд факторов риска, связанных с потреблением порнографии, которые делают некоторых мужчин более «предрасположенными» к сексуально агрессивному поведению, например, враждебность по отношению к женщинам, низкий интеллект, антисоциальные тенденции и повышенный интерес к безличному сексу и доминированию. Маламут и Хаппин, 2005 г.; Ибарра и Митчелл, 2005 г.):

При рассмотрении в контексте множества взаимодействующих факторов результаты экспериментальных и неэкспериментальных исследований, а также различных групп населения очень согласуются, показывая, что использование порнографии может быть фактором риска сексуально агрессивных последствий, особенно для мужчин с высоким уровнем других факторов риска, и которые часто используют порнографию. (Кингстон, Маламут, Федоров и Маршалл, 2009, стр. 216)

На коллективном уровне три перечисленные выше проблемы по сути создают «эхо-камеру» сексуальной социализации детей и молодежи, особенно мужского пола. Как отметили Сан и его коллеги в своем исследовании:

[Наши] выводы основаны на работе [других исследований], иллюстрирующей взаимосвязь между использованием порнографии и отношением и убеждениями потребителей-мужчин о реальных сексуальных отношениях. Мы тоже считаем, что порнография – это не просто фантазия или индивидуальный опыт мужчин. Вместо этого наши результаты согласуются с теорией, предполагающей, что порнография может стать предпочтительным сексуальным сценарием для мужчин, тем самым влияя на их ожидания в реальном мире. (2016, стр. 8)

Это означает, что инициативы по устранению негативных последствий порнографии должны также решать эти пересекающиеся проблемы. Это рассматривается в следующем разделе.

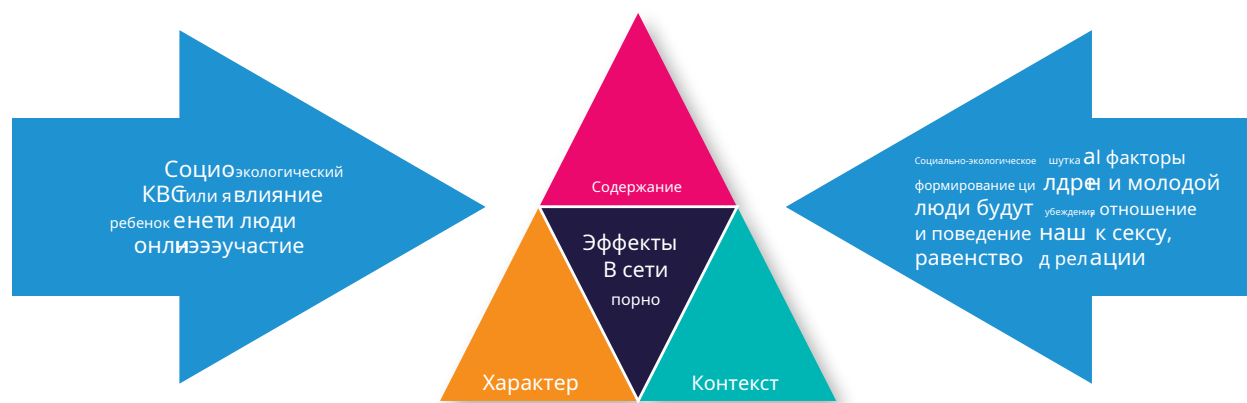


Рисунок 3: Краткое изложение ключевых факторов, влияющих на воздействие порнографии

Меры вмешательства и инициативы по устранению вреда онлайн-порнографии: обзор

Выводы, вытекающие из нашего анализа, заключаются в том, что порнография и ее последствия должны рассматриваться в более широких рамках первичной профилактики и поддержки сексуальной безопасности и благополучия детей и молодых людей. Это предполагает продолжение разработки комплексной системы профилактики, основанной на подходе общественного здравоохранения к предотвращению сексуального вреда, насилия и злоупотреблений, основанном на знаниях о развитии детей, ситуативном предотвращении преступности и обучении по предотвращению (Quadara, Nagy, Higgins & Siegel, 2014).), а также на более третичные меры реагирования, такие как правовые и нормативные стратегии.

В следующих разделах описываются мероприятия и инициативы, которые были реализованы на национальном и международном уровне.

Меры вмешательства и инициативы по устранению вреда онлайн-порнографии: Австралия

Последним вмешательством австралийского правительства стало расследование Сената о вреде, нанесенном австралийским детям в результате доступа к порнографии в Интернете, в результате которого в ноябре 2016 года были опубликованы четыре рекомендации. Сенатский комитет рекомендовал:

- л специальные исследования по изучению воздействия порнографических материалов на детей и молодых людей, главным образом в отношении порнографии в Интернете;
- л создание группы экспертов, состоящей из профессионалов из различных областей, для предоставления политических рекомендаций правительству Австралии;
- л обзор политики правительства штатов и территорий по реагированию на обвинения в сексуальном насилии между сверстниками в школах и учебных материалов для учителей и других лиц, работающих с детьми и молодежью; и
- л оценка правительством Австралии информации, доступной родителям/опекунам и учителям относительно безопасности и рисков в Интернете, включая проверку веб-сайта Управления комиссара по электронной безопасности.

Другие австралийские правительственные и неправительственные службы предприняли шаги по снижению подверженности детей и молодых людей онлайн-рискам, в том числе порнографии, и приняли стратегии минимизации вреда.

Были определены три ключевых типа вмешательства:

- л правовые и нормативные аспекты существующего законодательства в отношении онлайн-порнографии; образование для детей и молодежи; и
- л образование и ресурсы для учителей и родителей.

В этом разделе представлен обзор правительственных и неправительственных мер, уделяя особое внимание тем, которые направлены на родителей/опекунов и учителей. В первом разделе описываются три вмешательства, перечисленные выше, и рассматриваются примеры каждого из них, включая вмешательства, касающиеся сексуального насилия с использованием технологий. Во втором разделе основное внимание уделяется ресурсам, доступным родителям/опекунам, а также обзору советов, которые им дают по поводу посредничества и коммуникации – двух ключевых методов, используемых при обсуждении опыта детей и молодых людей в отношении онлайн-порнографии. В третьем и последнем разделе представлен обзор ресурсов, доступных учителям, и обсуждается общешкольный подход, который рассматривает школу как ключевую среду в обеспечении здорового сексуального развития детей и молодых людей.

Юридическое вмешательство

The *Закон о повышении безопасности детей в Интернете 2015 г.*(Cth) был реализован в Австралии для надзора за решением вопросов, касающихся цифровой деятельности детей и молодежи. Часть его функций заключалась в создании Управления комиссара по электронной безопасности, независимого уставного органа, предназначенного для «обучения онлайн-безопасности австралийских детей и молодых людей», службы подачи жалоб для молодых австралийцев, которые подвергаются серьезному киберзапугиванию, и борьбы с незаконным контентом посредством Схемы онлайн-контента» (Управление комиссара по электронной безопасности, 2016 г.). Схема онлайн-контента ограничивает доступ к незаконным и оскорбительным материалам с использованием мер, предусмотренных Национальной схемой классификации (RC, X18+, R18+, MA15+), а Управление комиссара по электронной безопасности имеет право удалять незаконный или оскорбительный контент в соответствии с *Законом о радиовещательных услугах 1992 года*(C-т).

Сексуальное насилие, поддерживаемое технологиями

Некоторые утверждают, что «необходимо сделать больше как в рамках закона, так и за его пределами» для устранения последствий сексуального насилия с использованием технологий (Funnell, 2015; Генри и Пауэлл, 2016, стр. 398). Критика правового вмешательства обращает внимание на отставание между технологическими разработками и законодательством по управлению

сексуальное насилие, поддерживаемое технологиями (Powell & Генри, 2016b). Действительно, в 2016 году только Виктория и Южная Австралия имели специальное законодательство, регулирующее распространение интимных изображений без согласия. Новый Южный Уэльс (Australian Associated Press [AAP], 2016 г.), Северная территория (Poulson, 2016 г.) и Западная Австралия (Правительство Западной Австралии, 2016 г.) объявили о планах по внедрению такого законодательства, а Тасмания, Австралийская столичная территория и Квинсленд не заявил о своем намерении принять такое законодательство (см. Таблицу 4).

Таблица 4: Правовые подходы

Штат/территория	Специальное законодательство о сексуальном насилии с применением технологий
Виктория	The <i>Поправка к Закону о преступлениях (сексуальные преступления и другие вопросы) 2014 г.</i> (Вик.) ввел новые разделы, касающиеся распространения или угрозы распространения интимных изображений, расширив <i>Закон о суммарных преступлениях 1966 года</i> (Вик.).
Южная Австралия	Текущий: <i>Поправки к Закону о суммарных преступлениях (съёмке преступлений) 2013 года</i> (SA) представил новый раздел, посвященный распространению инвазивного изображения в <i>Закон о суммарных преступлениях 1953 года</i> (SA). Недавно представленный законопроект о поправках 2016 года к суммарным правонарушениям (преступления, связанные с видеосъемкой и секстингом).
Тасмания	Никто
Новый Южный Уэльс	В ожидании
территория столицы Австралии	Никто
Северная территория	В ожидании
Квинсленд	Никто
Западная Австралия	В ожидании

Что касается законодательства Содружества, статья 474.17 *Закон об Уголовном кодексе 1995 года*(Cth) относится к преступлениям в области телекоммуникаций, которые потенциально могут быть использованы для предъявления преступникам обвинений в преступлениях, включая обмен интимными изображениями без согласия. Кроме того, законодательство Содружества также может быть использовано для предъявления обвинения правонарушителем в преступлениях, связанных с детской порнографией, если на изображении интимного характера изображено лицо в возрасте до 18 лет (Генеральная прокуратура, *Представление 28: явление, в просторечии называемое «порноместь»*, 2015). *Закон о повышении безопасности детей в Интернете 2015 г.* «имеет право сообщать веб-сайтам или службам социальных сетей, на которых размещены вредоносные материалы и которые требуют удаления этих материалов» (Справочный комитет Сената по правовым и конституционным вопросам, 2016, стр. 39). Исследователи, юристы и работники социальных служб обычно поддерживают более конкретное законодательство Содружества, чтобы обеспечить юридическое определение и федеральное управление этим важным вопросом (Справочный комитет Сената по правовым и конституционным вопросам, 2016). Другие правовые стратегии включают Австралийскую сеть онлайн-информирования о киберпреступности, которая с момента ее создания в 2014 году обработала около 489 онлайн-жалоб на обмен интимными изображениями без согласия (Справочный комитет Сената по правовым и конституционным вопросам, 2016).

Помимо правовых мер, правительство Австралийского Союза недавно пообещало выделить дополнительные 10 миллионов долларов на борьбу с домашним насилием в Австралии, включая оказание поддержки жертвам сексуального насилия с применением технологий (Cash & Porter, 2016). Финансирование осуществляется из общего бюджета *Национальный план по сокращению насилия в отношении женщин и их детей на 2010–2022 годы*. Ожидается, что государственные средства «улучшат исследования и образование для противодействия риску злоупотреблений с использованием технологий, обеспечивая защиту конфиденциальности и безопасности женщин, а также понимание молодыми людьми последствий своих действий» (Cash & Porter, 2016). В частности, средства предназначены для борьбы с виртуальным насилием путем:

- л создание линии подачи жалоб и поддержки, с помощью которой жертвы могут сообщить о порнографии из мести и получить немедленную и ощутимую поддержку; и
- л предоставление молодым людям информации и образования о порнографии и ее социальных последствиях (Cash & Porter, 2016).

Требуется специальная подготовка для тех, кто работает в сфере уголовного правосудия, для разработки передовой практики управления сексуальным насилием с использованием технологий и обеспечения эффективности средств правовой защиты. Постоянное профессиональное развитие важно и уже реализовано в организациях, специально предоставляющих юридические и/или вспомогательные услуги женщинам (Пауэлл и Генри, 2016; Справочный комитет Сената по правовым и конституционным вопросам, 2016). Специализированная подготовка сотрудников полиции особенно важна для их работы по оказанию помощи жертвам в подаче заявлений и доведении дел до конца (Пауэлл и Генри, 2016; Справочный комитет Сената по правовым и конституционным вопросам, 2016).

Образование для детей и молодежи

В Австралии существует несколько ключевых образовательных ресурсов, предназначенных для детей и молодежи младшего и среднего школьного возраста (перечислены в Таблице 5). В список включены некоторые ресурсы, которые могут не иметь прямого отношения к онлайн-порнографии, но могут быть адаптированы различными способами для предоставления такой информации детям и молодежи.

Таблица 5: Образовательные подходы

Ресурс	Автор(ы)/Организация	Возрастные группы)
Устойчивость, права и уважительные отношения	Департамент образования и обучения (DET) (Виктория)	От фундамента до 12 уровня
Начинаем рано: сексуальное образование в начальных школах Виктории	Департамент образования и обучения (Виктория)	Начальная школа
Наверняка позже: сексуальное образование в средних школах Виктории	Департамент образования и обучения (Виктория)	Средняя школа
Практическое руководство по любви, сексу и отношениям * Включает видео и план уроков о порнографии — «Порно: что вам следует знать» — для учащихся 8-го класса и старше.	Австралийский исследовательский центр секса, здоровья и общества, Университет Ла Троб (Виктория)	Средняя школа
Построение уважительных отношений: выступление против гендерного насилия	Департамент образования и обучения (Виктория)	Средняя школа
На фото: поддержка молодых людей в эпоху откровенных сексуальных образов * Включает ресурсы для поддержки общешкольного подхода к борьбе с влиянием порнографии.	Крэбб, М./Проект «Реальность и риск»	Средние школы; общественные организации
Пришло время поговорить, Веб-сайт	Крэбб М. и Корлетт Д./Проект «Реальность и риск»	Молодежь; родители; школы; сообщество организации
Любовь и секс в эпоху порнографии, транслируемый документальный фильм	Корлетт Д. и Крэбб М./Проект «Реальность и риск»	Общая трансляция аудитория; рейтинг MA15+
Порно-фактор, транслируемый документальный фильм	Крэбб М. и Корлетт Д./Проект «Реальность и риск»	Родители, учителя, молодежные работники и другие; рейтинг MA15+
Ответная реакция: борьба с повседневным сексизмом в австралийских школах	О'Киф, Б. и феминистский коллектив средней школы Фицроя	Средние школы
Борьба с сексуальными домогательствами	Австралийская комиссия по правам человека	Уровни 9 и 10

Национальная школьная программа начинает обучение детей телам, границам и взаимоотношениям на базовом уровне, до 1 и 2 лет (т.е. 6 и 7 лет). Национальная учебная программа предоставляет школам учебные ресурсы, охватывающие различные темы, касающиеся сексуального здоровья, развития тела, уважения, безопасности и идентичности (Австралийское управление по оценке и отчетности учебных программ, 2016). Сфера этого образования расширяется на уровне средней школы и включает в себя сексуальные отношения и побуждает учащихся размышлять о своем опыте работы со средствами массовой информации и ее влиянии на личные отношения, убеждения, решения и поведение (Австралийское управление по оценке и отчетности по учебным программам, 2016).

Самые последние ресурсы — это *Устойчивость, права и уважительные отношения* материалы для школ Виктории. Этот ресурс обеспечивает социальное, эмоциональное и половое воспитание для детей и молодых людей от начальной школы до 12-го класса, охватывая следующие восемь тем в соответствии с возрастом:

- л Эмоциональная грамотность;
- л Личные сильные стороны;
- л Позитивное преодоление трудностей;
- л Решение проблем;
- л Стресс-менеджмент;
- л обращение за помощью;
- л Пол и идентичность; и Позитивные
- л гендерные отношения.

Базовый уровень до уровня 6:Предусмотрено обучение гендерным, социальным и эмоциональным навыкам, но, как и в других школьных программах Викторианской эпохи, обучение сексуальным отношениям (включая обсуждения порнографии) не начинается до уровней 7 и 8.

Уровни 7–8:Ресурс предлагает информацию и мероприятия, касающиеся гендера, гендерной идентичности, гендерного насилия, а также использования технологий и медиа-платформ для гендерных идеологий с целью оказания помощи в развитии критической грамотности и поощрения позитивных отношений. Охватываемые темы включают в себя:

- л Влияние гендерных норм на
- л здоровье; Гендерное насилие;
- л Порнография с акцентом на критическое прочтение гендера и власти; и секстинг
- л с упором на юридические вопросы.

Уровни 9–10:Включены мероприятия по развитию социальных и эмоциональных навыков, которые считаются отправной точкой для обучения позитивным гендерным отношениям, особенно с помощью существующих программ, таких как *Построение уважительных отношений: выступление против гендерного насилия* программа (уровни 8, 9 и 10).

Уровни 11–12:Включены мероприятия и подробная информация по темам гендера, идентичности и позитивных гендерных отношений.

Подразделы темы «Гендер и идентичность» включают:

- л Изучение гендерных стереотипов;
- л Гендерная грамотность и гендерные
- л нормы; Мужские и женские гендерные
- л нормы; Привилегии и пол; и
- л Гендерное равенство.

Подразделы темы «Позитивные гендерные отношения» включают:

- л Что такое гендерное насилие?;
- л Отношения, связанные с гендерным насилием;
- л Утверждение стандартов и границ в отношениях; и
- л порнография, пол и интимные отношения.

В последнем подразделе порнография определяется как «средство распространения информации и формирования норм гендерных отношений, особенно когда эта порнография также включает в себя акты насилия в отношении женщин» (Департамент образования и обучения, 2016, стр. 105). Материалы подсказывают учителям, что в групповых обсуждениях могут быть рассмотрены следующие вопросы:

- л «повышенная агрессия со стороны мужчины и экстремальные действия, причиняющие дискомфорт партнерам-женщинам;
- л женщины-партнеры должны выглядеть довольными этими действиями;
- л женщины-партнеры должны доставлять удовольствие партнерам-мужчинам; принудительный
- л просмотр порнографии через текстовые сообщения или социальные сети;
- л влияние порнографии на то, что, по мнению мужчин, должно происходить между ними и их партнершей; вера в то, что
- л порнография отражает сексуальные ситуации из реальной жизни;
- л эмоциональные манипуляции для обеспечения подчинения;
- л отсутствие возможностей для дискуссий и образования для молодых людей;
- л нормализация порнографических действий;
- л искажение того, что доставляет удовольствие;
- л доступ к порнографии предшествует доступу к заслуживающему доверия и качественному половому воспитанию;
- л потенциальное воздействие на детей младшего возраста; и
- л преимущественное использование порнографии мужчинами и мальчиками». (2016, стр. 105)

Цифровая и сексуальная грамотность

Цифровая грамотность и воздействие откровенного онлайн-контента могут способствовать развитию детей. *сексуальная грамотность* по-разному, чем предыдущие поколения, особенно в ответ на порнографию как современное половое воспитание детей и молодежи (Crabbe, 2016; Fileborn, 2016; Flood, 2016). Здесь использованы два ключевых отчета, чтобы контекстуализировать роль родителей/опекунов и учителей в цифровой и сексуальной грамотности детей и молодежи: *Закон о высоком уровне* (2011 г.) и *Говорите скоро, говорите часто* (путеводитель (2012)). Руководство «Говори скоро, говори часто», в частности, предлагает советы родителям/опекунам, которые могут не знать, как говорить со своими детьми о сексе. Это обращает внимание на тот факт, что, хотя родители/опекуны могут не затрагивать такие темы, дети уже начали «усваивать некоторые важные сообщения, которые заложат основу их сексуального развития» из контекстов, отличных от семейного окружения (Walsh, 2012, стр. 6). Это предполагает, что существует четыре основных контекста, в которых дети и молодые люди развивают ранние представления о теле, отношениях, сексуальности и гендере:

- л **ДОМ;**
- л школьная жизнь;
- л экранное время; и
- л онлайн-отношения.

Говорите скоро, говорите часто поощряет открытое общение между детьми и родителями аналогично *Пришло время поговорить* онлайн-ресурс, в котором говорится, что «молодые люди говорят, что их родители, особенно их матери, являются для них наиболее надежным и используемым источником информации о сексуальных вопросах» (Reality & Risk Project, 2016). Аналогичным образом, школы были названы ключевым местом, которое призвано сыграть важную роль в обеспечении того, чтобы дети и молодые люди осмыслили свое воздействие онлайн-порнографии здоровым образом. *Закон о высоком уровне* утверждает: «Школы находятся в оптимальном положении, чтобы помочь учащимся быть кибербезопасными. Повышение осведомленности молодых людей до или после введения компьютеров в учебную программу может стать профилактическим шагом, гарантируя, что молодые люди будут лучше подготовлены к рискам, с которыми они могут столкнуться в Интернете» (Кибер-Безопасность, АО «О», 2011, стр. 40–1).

Критическое мышление

Пришло время поговорить конкретно просит молодых людей подвергнуть сомнению порнографию, заявляя: «Просмотр порно может показаться нормальным. Но что говорит порно? Кто это делает и почему? И что все это значит для тебя?» (Проект «Реальность и риск», 2016). Задавание таких вопросов побуждает зрителей задуматься над сообщениями, содержащимися в онлайн-порнографии, и способствует дискуссии, уважая при этом свободу воли вовлеченных молодых людей. Это важная альтернатива конструированию молодых людей как пассивных участников потребления онлайн-порнографии.

Вооружение детей и молодых людей инструментами для критического взаимодействия со средствами массовой информации важно для их понимания различий между онлайн-порнографией и их офлайн-сексуальными отношениями. *Пришло время поговорить* дает рекомендации на этот счет:

Нам необходимо научить молодых людей «читать» образы и разработать такие системы, которые позволят им понимать и критиковать то, что они видят. Им необходимо понимать, что средства массовой информации часто создаются для продвижения чего-то как желательного и необходимого и в то же время передают целый ряд других сообщений — например, о власти, гендере, классе и культуре. (Проект «Реальность и риск», 2016)

Ресурсы родителей/опекунов

Родителям/опекунам рекомендуется изучать Интернет и социальные сети, чтобы быть в курсе текущих онлайн-опасностей и возможностей, с которыми сталкиваются их дети (Управление комиссара по электронной безопасности, 2016; Think U Know, 2016). Родители/опекуны с меньшей вероятностью будут запуганы онлайн-рисками, если они будут информированы и будут играть активную роль в цифровой жизни своих детей (Управление комиссара по электронной безопасности, 2016).

В ресурсе Think U Know (2016) говорится, что «понимание того, как молодые люди используют Интернет и чем им нравится заниматься, поможет вам распознать любое подозрительное или неподобающее поведение. Это также поможет вам поговорить с ребенком о его онлайн-деятельности, если он думает, что вы понимаете онлайн-среду».

Управление комиссара по электронной безопасности предлагает родителям/опекунам практические технические советы, которые они могут дать своим детям, например:

- л указание детям «немедленно покинуть или закрыть страницу или свернуть экран, если их беспокоит увиденный материал (нажмите Control-Alt-Delete, если сайт не позволяет вам выйти)»;
- л учить детей «не открывать спам-сообщения и не нажимать на всплывающие окна, предложения призов или незнакомые гиперссылки на веб-сайтах»;

л советуя детям «сообщать об оскорбительном контенте администратору сайта (например, использовать ссылки «пометить» или «пожаловаться» рядом с контентом)» (Управление комиссара по электронной безопасности, 2016).

Другие советы для родителей/опекунов обычно делятся на две категории: минимизация вреда: *посредничеством коммуникация*. Сочетание этих двух факторов предлагает эффективную стратегию, обеспечивающую минимальный уровень воздействия онлайн-порнографии, а также помогающую детям и молодым людям осмыслить свой опыт (Управление комиссара по электронной безопасности, 2016 г.; Reality & Risk Project, 2016 г.); «Думай, что знаешь», 2016). Посредничество включает в себя такие стратегии, как установка программного обеспечения-фильтра для снижения вероятности подверженности риску (Управление комиссара по электронной безопасности, 2016; Think U Know, 2016). Инструменты для поддержки коммуникации включают в себя руководства для родителей/опекунов по обсуждению онлайн-порнографии со своими детьми, а также механизмы поощрения критических рефлексивных навыков у детей (Office of the e-Safety Commissioner, 2016; Reality & Risk Project, 2016; «Думай, что знаешь», 2016). Такое общение также укрепляет доверительные отношения между родителями/опекунами и детьми, что считается защитным фактором здоровья и благополучия детей (Katz, Lee & Byrne, 2015). Кроме того, доверительные отношения между родителем/опекуном и ребенком являются ключом к раскрытию негативного онлайн-опыта, если он имеет место (Управление комиссара по электронной безопасности, 2016).

Посредничество

Управление комиссара по электронной безопасности предупредило родителей/опекунов, заявив: «Вы можете научить своего ребенка стратегиям обращения с оскорбительными материалами, но будьте бдительны, особенно если ваш ребенок склонен к риску или эмоционально или психологически уязвим» (Управление комиссара по электронной безопасности, 2016 г.). Родительский контроль имеет важное значение в стратегиях минимизации вреда, включая подверженность риску, связанному с онлайн-порнографией (Childnet Int., 2016). Ниже перечислены основные тактики посредничества, которые родители/опекуны используют для предотвращения риска и обеспечения онлайн-активности, соответствующей возрасту.

Фильтрация

Родителям/опекунам рекомендуется использовать программное обеспечение для фильтрации как способ управления доступом детей в Интернет (Управление комиссара по электронной безопасности, 2016; Think U Know, 2016). Фильтрация доступна через интернет-провайдеров, а также через отдельные веб-сайты и может быть настроена в зависимости от возраста пользователя. Например, такие веб-сайты, как Google и YouTube, предоставляют взрослым возможность включать фильтры для регулирования контента, доступного для поиска.

Фильтрация хорошо работает на домашних компьютерах, а также на компьютерах индивидуального пользования, принадлежащих детям и молодежи. Однако меняющийся характер доступа детей и молодежи в Интернет с ноутбуков или настольных компьютеров на смартфоны значительно усложняет фильтрацию онлайн-контента (Ofcom, 2015). Ресурс Think U Know (2016) предлагает ссылки на информацию о родительском контроле, утверждая, что он может «позволить вам ограничить доступ к контенту» на смартфонах и планшетных компьютерах. Кроме того, Think U Know утверждает, что ограничение онлайн-доступа «гарантирует, что ваши дети смогут получить доступ только к материалам, соответствующим их возрасту», поскольку детям требуется разрешение родителей для доступа к неизвестным веб-сайтам.

Настройка правил

Большинство ресурсов поощряют установление правил, и как школам, так и родителям/опекунам рекомендуется подписывать контракты с детьми и молодыми людьми, в которых излагаются условия надлежащего использования ими Интернета (Think U Know, 2016). Think U Know (2016) предлагает родителям загружаемый «Контракт о семейной безопасности в Интернете» и гласит:

Важно помнить, что многие модели поведения и проблемы, с которыми мы сталкиваемся в Интернете, ничем не отличаются от тех, с которыми мы сталкиваемся в «реальном» мире. Это означает, что наши ожидания относительно поведения также должны применяться и в Интернете. Будет хорошей идеей поговорить с ребенком о ваших семейных ценностях и о том, как это распространяется на поведение в Интернете. Один из способов стимулировать это обсуждение — совместно заключить семейный договор о безопасности в Интернете, чтобы все знали, чего от них ожидают, когда они находятся в сети.

Другие правила включают публичное и ограниченное использование Интернета, как указано на веб-сайте «Пришло время поговорить»: «Доступ молодых людей к порнографии осуществляется в основном с помощью технологий, поэтому ограничение воздействия потребует ограничения и управления их доступом к технологиям. Например, не допуская попадания устройств в спальни и другие частные помещения и устанавливая ограничения по времени их использования» (Reality & Risk Project, 2016).

Участие в социальных сетях

Управление комиссара по электронной безопасности и Think U Know обсуждают преимущества социальных сетей, а родителям/опекунам советуют ряд способов оказать поддержку своим детям в их использовании социальных сетей. Например:

- л оставаться вовлеченным и помогать детям общаться с друзьями и семьей в Интернете и в реальной жизни (IRL); проверка условий
- л использования и возрастных ограничений сайтов социальных сетей;
- л установление правил, например, что дети сообщают родителям о том, что они присоединяются к новой социальной сети, и/или перед тем, как поделиться личными фотографиями или информацией;
- л помощь детям в создании онлайн-псевдонимов, не указывающих их пол, возраст или местоположение; и
- л обеспечение максимальной безопасности детских профилей в социальных сетях (Управление комиссара по электронной безопасности, 2016).

Кроме того, родителям/опекунам рекомендуется создавать собственные учетные записи на сайтах социальных сетей, чтобы оставаться вовлеченными в деятельность своих детей в социальных сетях и как средство изучения безопасности социальных сетей. Think U Know также предлагает родителям информационные бюллетени о популярных социальных сетях, таких как Snapchat, Instagram, Twitter, YouTube, Tinder и Facebook.

Коммуникация

Понимание и осведомленность родителей/опекунов об онлайн-порнографии имеет решающее значение для того, как они сообщают своим детям о связанном с ней риске причинения вреда. Веб-сайт «Пришло время поговорить» содержит информацию, советы и практические инструменты, начиная от исследований о распространенности онлайн-порнографии и заканчивая советами о том, как инициировать дискуссии. Важно отметить, что этот ресурс подчеркивает ключевую роль родителей/опекунов в информировании о новой реальности онлайн-порнографии и содействии здоровому развитию детей и молодежи (Reality & Risk Project, 2016).

Веб-сайт «Пришло время поговорить», созданный в рамках проекта «Реальность и риск», содержит информацию, специально предназначенную для просвещения молодых людей о порнографии. Другой информационный центр Think U Know разработал *Кибербезопасность и безопасность* руководство, которое поможет родителям/опекунам поговорить со своими детьми о различных онлайн-рисках. Управление комиссара по электронной безопасности собрало советы для родителей/опекунов, желающих обсудить онлайн-риски со своими детьми. Сходным образом, *Пришло время поговорить* предлагает советы о том, как вести беседу об онлайн-порнографии и поощрять критическое мышление, а также информацию для родителей/опекунов о том, как оказывать поддержку и помогать своим детям в постоянном развитии навыков. Более подробно они обсуждаются ниже.

Советы и поддержка

Родительская поддержка детей и молодых людей, подвергшихся воздействию онлайн-порнографии, чрезвычайно важна для их способности перерабатывать полученный опыт здоровыми способами. Под поддержкой обычно понимают способность родителей/опекунов инициировать открытый разговор о своем опыте (Управление комиссара по электронной безопасности, 2016). Комиссар по электронной безопасности предлагает советы по поддержке детей, в том числе:

- л «рекомендуя им поговорить со взрослым, которому они доверяют, если они увидели в Интернете что-то, что их расстроило, обеспокоен или расстроен;
- л заверив их, что им не будет отказано в доступе к Интернету, если они сообщат, что видят неприемлемый контент;
- л говоря им, чтобы они не отвечали, если им пришлют что-то неуместное».
- л (Управление комиссара по электронной безопасности детей, 2016 г., «Что я могу сделать, если мой ребенок увидит оскорбительный контент?», п. 2)

Кроме того, Управление Комиссара по электронной безопасности информирует родителей/опекунов о потенциально разрушительных последствиях секстинга для детей и молодых людей и призывает их обсуждать секстинг всей семьей. Однако большая часть советов, представленных на веб-сайте, обсуждает секстинг с точки зрения осведомленности детской аудитории и цифрового следа. Например, в нем говорится, что родители должны:

- л «Предложите им дважды подумать, прежде чем публиковать фотографии сексуального характера, и принять во внимание тот факт, что другие могут просмотреть то, что они публикуют;
- л напомните им учитывать чувства других при фотографировании и распространении любого контента по мобильному телефону или через Интернет». (Управление комиссара по электронной безопасности, 2016 г., «Поощрение мышления в первую очередь», п. 1)

Цифровой след и коллапс контекста

Правила социальных сетей в значительной степени концептуализируются с точки зрения цифрового следа и часто упоминаются с точки зрения управления репутацией. Например, онлайн-ресурсы предлагают следующую информацию о социальных сетях и цифровых следах:

- л «Молодых людей следует поощрять останавливаться и думать, прежде чем публиковать или делиться чем-либо в Интернете... Многие работодатели, университеты и спортивные группы будут искать кандидатов или потенциальных членов в Интернете, прежде чем дать им работу или контракт» (Think U Know, 2016, стр. 22).
- л «Побуждайте своих детей думать, прежде чем размещать что-либо в Интернете, даже среди доверенных друзей, и напоминайте им, что после того, как ими поделились, информация и фотографии может стать трудно или невозможно удалить, и это может оказать долгосрочное влияние на их цифровую репутацию» (Управление Комиссар по электронной безопасности, 2016 г., «Поощрение мышления прежде всего», п. 1).

Таким образом, эти ресурсы подчеркивают важность осведомленности аудитории в разрушенном контексте интернет-пространства, особенно социальных сетей, которые дают пользователям ощущение символического контроля. Совет родителям/опекунам предупреждать своих детей о коллапсе контекста и цифровом следе, который они создают в результате своего поведения в Интернете, – это способ привлечь внимание к более широкой проблеме безопасности/конфиденциальности в Интернете и влиянию, которое культура обмена информацией может оказать на будущее. деятельности и личности.

Постоянное развитие навыков

Веб-сайт «Пришло время поговорить» предлагает родителям/опекунам практические советы, которые можно использовать для поощрения постоянного развития навыков у детей и молодых людей. В разделе под названием *Оснастите их навыками*, он предлагает «обсудить типы ситуаций, с которыми они могут столкнуться, и изучить варианты того, как они могут на них реагировать» (Reality & Risk Project, 2016, «Оснастите их навыками, пункт 3»). Кроме того, он дает следующие советы:

- л Родители должны творчески и совместно обсуждать любые проблемы, с которыми дети сталкиваются в Интернете, касающиеся давления со стороны сверстников или веб-контента, который заставляет их чувствовать себя некомфортно.
- л Родители и дети могут разработать стратегии для решения сложных ситуаций: «например, если они напишут вам свое имя, вы знаете, что нужно позвонить им и попросить прийти домой, чтобы у них был легкий повод уйти». (Проект «Реальность и риск», 2016 г., «Оборудуйте их навыками», п. 3)

Кроме того, Управление комиссара по электронной безопасности (2016 г.) разработало *Болтун для родителей*, «разговорное практическое руководство», информирующее родителей/опекунов о том, «когда стоит беспокоиться, а когда радоваться преимуществам, которые приносит онлайн-мир». В каждом разговоре рассматриваются конкретные проблемы, правила поведения и основы безопасности, которые помогут вам понять, что происходит за экранами (Управление комиссара по электронной безопасности, 2016).

Учителя и школы

Департаменты образования штатов и территорий разработали специальную политику в отношении управления кибербезопасностью в школах. Управление комиссара по электронной безопасности рекомендовало отдельным школам создать группу по онлайн-безопасности для разработки и реализации политики, способствующей кибербезопасности (Управление комиссара по электронной безопасности, 2016). Школам рекомендуется проводить широкие консультации со школьным сообществом, включая учителей и вспомогательных работников, учащихся и родителей/опекунов, по вопросам онлайн-рисков и минимизации вреда (Управление комиссара по электронной безопасности, 2016). Школам также рекомендуется использовать национальные *Электронные умные школы* ресурс для оказания помощи в создании политики и стратегии кибербезопасности.

Школы как ключевой фактор

Качественное половое воспитание детей и молодежи считается защитным фактором, позволяющим свести к минимуму вред, причиняемый воздействием онлайн-порнографии (Pratt, 2015). На сайте It's Time We Talked отмечается, что: «Школы все чаще должны реагировать на инциденты, связанные с откровенными сексуальными изображениями, включая «секстинг». инциденты, связанные с распространением учащихся сексуальных изображений» (Reality & Risk Project, 2016, «Почему порнография является проблемой для школ?», пункт 1). Действительно, ключевые ресурсы для учителей и школ рассматривают школы как идеальные условия для решения проблемы воздействия молодежи на онлайн-порнографию:

- л «Многие школы уже знакомы с механизмами укрепления здоровья и уже участвуют в сопутствующей и дополняющей работе, такой как программы по уважительным отношениям, кибербезопасности, предотвращению насилия и сексуальному образованию» (Reality & Risk Project, 2016, «Почему школы?», пункт 4).
- л «Школы могут знакомить учащихся с влиянием откровенных сексуальных образов в рамках комплексной учебной программы при участии высококвалифицированных специалистов и доступе к качественным ресурсам» (Reality & Risk Project, 2016, «Почему школы?», параграф 6).
- л «Учителя и другой персонал школы обязаны принимать разумные меры для защиты учащихся от рисков травм, в том числе тех, с которыми можно столкнуться в среде онлайн-обучения» (DET (Виктория), 2017 г., «Надзор», п. 1).

Школе рекомендуется:

- л «организовать отправку политик и кодексов поведения домой на подпись или на просмотр родителям;
- л назначить контактное лицо или несколько человек по вопросам кибербезопасности в качестве первого контактного лица для учащихся, сотрудников и родителей в случае возникновения проблем с кибербезопасностью;
- л ежегодно пересматривайте политику и процедуры, поскольку технологии и их использование быстро развиваются». (Управление комиссара по электронной безопасности, 2016 г., «Разработка и реализация политики», пункты 4–6)

Кроме того, *Закон о высоком уровне* рекомендовали школам внедрить политические рамки и установить интернет-фильтры в соответствии с требованиями правительств штатов или территорий (Кибер-безопасность, АО, 2011). Было высказано предположение, что внимательный надзор за учащимися, использующими компьютеры в школе, помогает обеспечить дополнительную поддержку и защиту (2011).

Половое воспитание

В последнее время раздаются призывы к более современному и качественному половому воспитанию в школах. Недавний национальный опрос 600 молодых австралийских женщин показал, что «более трети» респондентов хотели бы получить доступ к «более всестороннему образованию в области сексуальности и уважительных отношений» (Plan International Australia & Our Watch, 2016, стр. 3). Кроме того, молодые женщины хотели, чтобы такое образование «распространялось на критику и обсуждение порнографии... и того, как жестокая и унижающая достоинство порнография негативно влияет на отношения молодых австралийцев, а также на отношение мальчиков и молодых мужчин к сексу в целом» (Plan International Australia & Our Watch, 2016, с.3).

Общешкольный подход

Общешкольный подход к борьбе с последствиями онлайн-порнографии представляет собой совместную структуру, которая пропагандирует здоровую сексуальность в различных контекстах, а не только посредством занятий по половому воспитанию (Reality & Risk Project, 2016). Все члены школьного сообщества, включая родителей/опекунов, учителей и учащихся, участвуют в таком подходе, как указано в *Пришло время поговорить*. Общешкольный подход обеспечивает передачу последовательных сообщений на всех уровнях школьного сообщества (Reality & Risk Project, 2016). Школы были названы ключевыми источниками информации о родительском контроле онлайн-рисков и связанного с ним вреда от Интернета (Управление комиссара по электронной безопасности, 2016; DET (Виктория), 2016).

The *Ловить повсюду* (Ресурс Министерства образования и развития детей раннего возраста [DEECD] 2008) для школьной программы штата Виктория пропагандирует общешкольный подход к половому воспитанию, способствующий укреплению здоровья, который включает в себя множество контекстов. В нем отмечается, что общешкольный подход состоит из «перекрывающихся и взаимосвязанных областей: учебной программы; учить и учиться; школьная организация; этос и окружающая среда; общественные услуги и родительское партнерство» (DEECD, 2008, стр. 12). Аналогичным образом, ведущий австралийский педагог по вопросам секса Мари Крэбб призывает к использованию общешкольного и общественного подхода для борьбы с воздействием онлайн-порнографии на детей и молодых людей и совместно разработала *На картинке* ресурс для этой цели (Reality & Risk Project, 2016).

Краткое изложение подходов в Австралии

На уровне первичной профилактики ключевым выводом, вытекающим из растущего количества исследований и извлеченных уроков, является то, что рассмотрение последствий порнографии как отдельной проблемы, не связанной с более широкими контекстами, в которых к ней обращаются, потребляют и интерпретируют, вряд ли будет эффективным в снижении его негативного воздействия/влияния на детей и молодежь. Вероятно, будет более эффективно сначала включить проблему онлайн-порнографии в существующие и проверенные учебные программы и подходы для:

- л уважительные отношения и качественное половое воспитание, разработанное и предоставляемое в соответствии с принципами передовой практики; и
- л образование в области медиа и цифровой грамотности.

Эти учебные программы могут предоставить детям и молодым людям целостную основу и набор инструментов в отношении:

- л что способствует уважительным отношениям; как взаимосвязаны власть, гендер и равенство, а также стратегии по оспариванию и переосмыслению доминирующих представлений о (гетеро)поле, гендерных различиях, сексуальном удовольствии и сексуальных отношениях;
- л опосредованные, медиатизированные репрезентации, управление коллапсом контекста между онлайн- и офлайн-мирами, а также способность критически взаимодействовать с репрезентациями средств массовой информации.

Вместе они создают важную основу, к которой можно добавить стратегии онлайн- и кибербезопасности. Также крайне важно наращивать потенциал родителей и учителей по решению проблем гендера, секса и порнографии среди детей и молодых людей, находящихся на их попечении. В настоящее время эта тема беспокоит многих учителей и родителей. В частности, существует ряд ресурсов, предназначенных для родителей; однако, как и в случае с самими детьми и молодыми людьми, важно иметь более широкую основу в отношении гендера, равенства и пола.

Вмешательства и инициативы по устранению вреда онлайн-порнографии: международный

Воздействие онлайн-порнографии на детей и молодых людей все чаще становится проблемой для правительств и законодателей во всем мире (Werrett, 2010; Valcke, De Wever, Van Keer, & Schellens, 2011; Petley, 2014). Австралия и сопоставимые страны внедрили аналогичные меры в различных контекстах, чтобы снизить потенциальный вред, связанный с участием детей и молодых людей в онлайн-порнографии. Общие цели таких мер заключаются в защите несовершеннолетних, содействии развитию здоровой сексуальной и цифровой грамотности, а также поддержке большей согласованности в регулировании онлайн- и офлайн-пространств, а также демонстрируемого в них поведения (Chang, 2010; Laouris, Aristodemou, & Fountana), 2011; Джонс, Том, Даворен и Барри, 2013). В этом разделе будет представлен обзор международных мер, уделяя особое внимание странам с правительствами и социальными структурами, сопоставимыми с Австралией, таким как Новая Зеландия, Великобритания (Великобритания), Канада, Соединенные Штаты (США) и Европа. В разделах ниже обсуждаются ключевые примеры мер, связанных с законодательством и управлением, исследованиями, половым воспитанием и ресурсами для родителей/опекунов в отношении риска воздействия онлайн-порнографии на их детей.

Закон и управление

Законодательство и руководящие принципы направлены на разграничение тех аспектов Интернета, которые могут привести к тому, что дети и молодые люди столкнутся с онлайн-порнографией (Левин, 2010). Хотя руководящие принципы не подкреплены законодательной силой, они предоставляют интернет-провайдерам, сайтам социальных сетей и, в некоторых случаях, операторам мобильных сетей механизмы саморегулирования и протоколы отчетности, которые позволяют проводить стандартизированные мероприятия по оценке (Де Хаан, Ван дер Хоф, Беккерс, и Пайперс, 2013 г.; Ньюман и Бах, 2004 г.; Сарабдин и Де-Мигель-Молина, 2010 г.); Включение промышленности в правительственные инициативы в области электронной безопасности помогает держать правительство в курсе событий и тенденций в области цифровых технологий и вовлекать заинтересованные стороны в процесс принятия важных решений, а также может повысить приверженность отрасли стратегиям безопасности (De Naan et al., 2013; Ньюман и Бах, 2004). Реализация правительственных инициатив, таких как, например, схема семейных фильтров в Великобритании, была бы невозможна без рабочих отношений между правительством и крупными поставщиками интернет-услуг (Leitch & Warren, 2015). Более подробно это будет обсуждаться ниже.

В Таблице 6 показаны важные законодательные акты и соответствующие рекомендации, которые были реализованы для снижения воздействия онлайн-порнографии на детей и молодых людей. Во многих случаях интернет-фильтры играют ключевую роль в этих правилах и применяются с разными эффектами. Недавнее законодательство еще предстоит оценить, да и законодательство Великобритании еще предстоит оценить. *принят*. Руководящие принципы по правам человека включены сюда в связи с их предполагаемым эффектом саморегулирования для сайтов социальных сетей, операторов мобильных сетей и провайдеров Интернет-услуг.

Таблица 6: Законодательство и руководящие принципы

Нация/Регион	Вмешательство	Фильтрация	Оценка
Новая Зеландия	<i>Закон о вредных цифровых коммуникациях 2015 г.</i> Утвержденное агентство в соответствии со статьей 7 Закона: Netsafe.	Нет	Недоступен. Успешное использование в судебных преследованиях, связанных с киберзапугиванием и «порноместью» (<i>Вестник Новой Зеландии</i> , 2016).
Великобритания	Законопроект о цифровой экономике 2016 г. Утвержденное агентство в соответствии с частью 6 законопроекта: Ofcom.	Специально не принять законы о фильтрах но поддерживает правительство партнерства, которые разрешить их выполнение.	Недоступно, поскольку законопроект еще не принят. В 2013 году была широко распространена критика правительственной схемы фильтрации в отношении нарушений прав человека, которые ограничивают свободы и доступный для поиска контент, связанный с различными гендерами и сексуальностями, психическим и сексуальным здоровьем и благополучием (Leitch & Warren, 2015).
Соединенные Штаты	<i>Закон о защите детей в Интернете Да 2000 г.</i> Область компетенции: школы и библиотеки, финансируемые из федерального бюджета.	Да	Успешная реализация. Критика, которая фильтрует, ограничивает права Первой поправки на свободу выражения мнений и доступный для поиска контент, связанный с различными гендерами и сексуальными ориентациями, психическим и сексуальным здоровьем и благополучием (Американская библиотечная ассоциация [ALA], 2006; Родден, 2003).
Канада	Положения общенационального уголовного и гражданского законодательства, касающиеся детской порнографии. Отдельные провинции приняли свои собственные законы в отношении «порноместь» и киберзапугивание (NoBullying, 2015) Нет конкретных законов, касающихся воздействия детей и молодежи на откровенный онлайн-контент.	Нет	Некоторые оценки доступны в законодательстве конкретной провинции, а именно в Законе Новой Шотландии о киберзапугивании. Этот Закон действовал с 2013 по 2015 год, пока не был объявлен утратившим силу из-за нарушения уставных прав на свободу выражения мнения (Ruskin, 2015).
Европа	Рекомендации по правам человека для поставщиков онлайн-игр Рекомендации по правам человека для интернет-провайдеров Принципы более безопасных социальных сетей для ЕС Европейская основа для более безопасного использования мобильных устройств младшими подростками и детьми	Нет	Все руководящие принципы являются саморегулируемыми и не подкреплены законодательной силой. Доступны некоторые оценки. Например, было обнаружено, что для реализации Принципов более безопасных социальных сетей все еще необходима работа. эффективно, особенно в отношении «соответствующих возрасту настроек конфиденциальности и классификации контента» (Де Хаан и др., 2013, стр. 120).

Новая Зеландия

Хотя в Новой Зеландии нет специального законодательства, касающегося воздействия на детей и молодых людей откровенных онлайн-материалов, правительство Новой Зеландии ввело *Закон о вредных цифровых коммуникациях* в 2015 году для борьбы с киберзапугиванием. С момента его принятия он эффективно использовался в судебных преследованиях, связанных с цифровым преследованием и «порноместью» (см. статью). В части 1 Закона говорится, что он был разработан «для установления и поддержания отношений с отечественными и зарубежными поставщиками услуг, хостами онлайн-контента и агентствами» и «для обеспечения образования и консультирования по политике онлайн-безопасности и поведения в Интернете» (Часть 1), подраздел 2, с 8). Закон также назначил утвержденное агентство Netsafe для предоставления информации и ресурсов по электронной безопасности в Новой Зеландии (подробнее об этом будет сказано в последующих разделах, посвященных ресурсам и социальному маркетингу (Netsafe, 2016)). Кроме того, Закон способствовал формализации партнерских отношений между правительством и промышленностью, чтобы обеспечить более эффективное регулирование и соблюдение требований отрасли. *Закон о вредных цифровых коммуникациях* установил партнерские отношения между правительством и такими компаниями, как Google, Facebook и Twitter, что позволило правительству удалять вредоносный контент с этих веб-сайтов.

Великобритания

The *Законопроект о цифровой экономике* Законопроект 2016 года был внесен в Палату общин в июле 2016 года и призван регулировать и расширять цифровую деятельность, а также «обеспечивать важную защиту граждан от спама по электронной почте и назойливых звонков, а также защищать детей от порнографии в Интернете» (Парламент Палаты общин 2016 года). Великобритания, 2016). Часть 3 *Законопроект о цифровой экономике* конкретно занимается вопросами онлайн-порнографии и вопросами защиты детей. В то время как другие части законопроекта касаются таких вопросов, как интеллектуальная собственность и доступ к цифровым услугам, часть 3 установила новый закон о коммерческих порносайтах, который предусматривает строгое соблюдение требований по проверке возраста. Кроме того, правительство планирует сотрудничать с индустрией коммерческой порнографии, поставщиками услуг проверки возраста и платежными системами, такими как Visa и PayPal, чтобы способствовать более строгому соблюдению отраслевыми нормами ограничения потребления порнографии в Интернете среди несовершеннолетних.

Забота правительства о доступе детей и молодежи к онлайн-порнографии также привела к созданию правительственной схемы интернет-фильтрации, которая была внедрена по всей Великобритании через крупных интернет-провайдеров в 2013 году (Leitch & Warren, 2015). Эта схема была частью партнерства правительства и промышленности, в рамках которого четыре крупных провайдера установили автоматические фильтры порнографии через свое интернет-соединение с намерением ограничить доступ к откровенному онлайн-контенту среди несовершеннолетних (Leitch & Warren, 2015). Хотя схема содержала предупреждение о «отказе» для взрослых, фильтр был осужден как нарушение прав на свободу выражения мнений, а именно потому, что он блокировал широко определенный контент сексуального характера, включая информацию о сексуальности, сексуальном здоровье и благополучии, а также ЛГБТКИ-сообщества (Лейтч и Уоррен, 2015).

Соединенные Штаты

США реализовали *Закон о защите детей в Интернете 2000 г.* с целью посредничества во взаимодействии детей и молодежи с откровенными онлайн-материалами. Закон ввел строгую политику фильтрации, которая требовала от школ и библиотек, финансируемых из федерального бюджета, блокировать онлайн-материалы, неподходящие для детей и молодых людей младше 17 лет (Haynes, Chaltain, Ferguson, Hudson & Thomas, 2003). Закон широко критикуется за нарушение прав на свободу выражения мнений, особенно в отношении блокировки информации о сексуальной ориентации, сексуальном здоровье и благополучии, а также о ЛГБТ-сообществах (ALA, 2006; Haynes et al., 2003).

Канада

Как упоминалось выше, в Канаде не существует конкретных законов, касающихся воздействия на детей и молодых людей откровенного онлайн-контента, а также не существует общенационального законодательства по общей электронной безопасности детей и молодежи. Однако неправительственные организации в дополнение к правительствам конкретных провинций разработали свои собственные законы и рекомендации по пропаганде здоровых цифровых привычек. Например, Project Cleanfeed был создан Канадским центром защиты детей в 2007 году для блокировки веб-сайтов, размещающих детскую порнографию (Cybertip, 2016). Кроме того, *Закон Новой Шотландии о киберзапугивании* служит примером безуспешного юридического вмешательства, в результате которого законы о киберзапугивании были признаны нарушающими права на свободу выражения мнения (Ruskin, 2015).

Европа

Отдельные европейские страны разработали собственное законодательство в отношении вопросов электронной безопасности и цифровой деятельности. Однако руководящие принципы для Европы как глобального региона были приняты многими странами в этом регионе и в основном содержат принципы саморегулирования, которыми руководствуется отраслевая практика (Совет Европы, 2008; Европейская комиссия, 2009). Де Хаан и др. (2013, стр. 111) отмечают, что правительства могут предпочитать тактику саморегулирования для цифровых отраслей, отмечая, что:

Государственные чиновники часто полагают, что специалисты отрасли обладают большим опытом и техническими знаниями. Предполагается, что использование этих знаний и опыта приводит к большему соблюдению требований и эффективности, поскольку практические правила легче разрабатывать, а также к большей эффективности из-за меньших затрат на сбор информации для государства.

Большинство крупных социальных сетей в Европе в 2009 году внедрило Принципы более безопасных социальных сетей в качестве механизма саморегулирования. В оценке этой инициативы, проведенной в 2013 году, подчеркивалось, что принципы «необходимо рассматривать в свете продолжающегося диалога по вопросам безопасности детей в Интернете и соответствующих ролей других заинтересованных сторон, таких как родители, правительство, полиция, гражданское общество и сами пользователи социальных сетей» (Де Хаан и др.). др., 2013, с. 118). Как упоминалось выше, реализация была оценена как неэффективная с точки зрения соответствующего возрасту контента и безопасности для детей и молодежи.

Оценка Рамочной программы более безопасного мобильного использования также подчеркнула важность участия многих заинтересованных сторон для успешного решения проблем электронной безопасности. Европейская комиссия пришла к выводу, что реализация этой структуры была эффективной; однако дальнейшие рекомендации по этой схеме включали классификацию

коммерческие материалы для обеспечения соответствующего возрасту контента для несовершеннолетних и родительский контроль для блокировки онлайн-контента на устройствах их детей (De Haan et al., 2013).

Половое воспитание

Фонд народонаселения ООН (ЮНФПА; 2016 г., «Комплексное сексуальное образование – обзор», параграф 2) заявляет, что:

Комплексное сексуальное образование позволяет молодым людям защитить свое здоровье, благополучие и достоинство. А поскольку эти программы основаны на принципах прав человека, они продвигают гендерное равенство, а также права и расширение возможностей молодых людей.

Кроме того, комплексное сексуальное образование, как это отражено в определении Организации Объединенных Наций, должно предоставлять соответствующую возрасту информацию, включающую понимание стадий развития детей и подростков, а также вовлекать родителей/опекунов и более широкую общественность в укрепление здорового сексуального развития в различных контекстах (ЮНФПА, 2016). В то время как многие европейские страны проводят половое воспитание в соответствии с описанием Организации Объединенных Наций, многие штаты США продолжают сопротивляться осуществлению таких программ. В Таблице 7 показаны различия между управлением половым воспитанием, основными структурами и результатами в США, Нидерландах и Швеции, причем последние две страны часто используются в качестве моделей передовой практики полового воспитания. В Таблице 7 описаны аспекты этого образования, включая способы, которыми правительство санкционирует половое воспитание, доминирующую структуру, лежащую в основе программ, и доступные оценки этого образования.

Таблица 7: Программы полового воспитания в школах

Нация	Государственные требования	Доминирующая структура	Оценка
Соединенные Штаты	Конгресс США обеспечивает финансирование программ сексуального здоровья, а в 2015 году также увеличил финансирование обучения молодежи только принципу воздержания (De Melker, 2015). Менее 50% штатов США регулируют обязательное половое воспитание в школах (Jones & Cox, 2015). 24 штата и округ Колумбия требуют, чтобы в школах проводилось половое просвещение, из них 22 штата и округ Колумбия требуют комбинированного образования по вопросам ВИЧ. и программы полового воспитания (Институт Гутмахера, 2016).	Моральные/религиозные основы лежат в основе доминирующих моделей полового воспитания с упором на воздержание и избежание рисков (беременность, болезни) при гетеросексуальных отношениях (Bell, 2009; De Melker, 2015).	37% молодых людей говорят, что занятия по половому воспитанию были бесполезными, а 75% выступают за более всеобъемлющий секс. образовательные программы (Джонс и Кокс, 2015). Молодые люди вступают в первый секс в более молодом возрасте, чем их голландские сверстники, и часто сожалеют об этом (Albert, 2004; De Melker, 2015). Уровень подростковой беременности среди молодых людей в США в пять раз выше, чем в Нидерландах, что считается символом безуспешных мер вмешательства (De Melker, 2015).
Нидерланды	Обязательное половое воспитание требуется для всех учащихся, начиная с дошкольного возраста, а учителя должны изучать программы полового воспитания в рамках своей квалификации (Европейский Союз, 2013; Проект SAFE, 2006).	Основы гендерного равенства и сексуальной этики лежат в основе доминирующих моделей полового воспитания. В программу включены критические навыки и расширение личных возможностей. Рамки поддерживают открытые дискуссии о любви, сексуальности, гендере, здоровье, границах и удовольствии (Проект SAFE, 2006).	Установлено, что они отражают модели общественного здравоохранения, в которых права, ответственность и уважение являются основой сексуального здоровья (De Melker, 2015). Голландские молодые люди имеют превосходные показатели сексуального здоровья по сравнению с США и другими развитыми странами (Currie et al., 2012).
Швеция	Обязательное половое воспитание требуется для всех учащихся, начиная с дошкольного возраста, а учителя должны изучать программы полового воспитания в рамках своей квалификации (Европейский Союз, 2013; Проект SAFE, 2006).	Основы гендерного равенства и сексуальной этики лежат в основе доминирующих моделей полового воспитания. Обучение уважительным отношениям является ключевым компонентом программы. В программу включены критические навыки и расширение личных возможностей. Рамки поддерживают открытые дискуссии о сексуальности, гендере, здоровье, границах и удовольствии (Де Мелкер, 2015: Проект SAFE, 2006) 2015).	Создан для поддержки либерального подхода, поощряющего ответственность и уважение (Де Мелкер, 2015). Половое воспитание в школах поддерживается социальным маркетингом и услугами по сексуальному здоровью, ориентированными на молодежь (Bell, 2009).

Ресурсы

По аналогии с Австралией по всему миру были созданы бесплатные онлайн-источники, предоставляющие информацию об электронной безопасности и онлайн-порнографии, специально предназначенную для родителей/опекунов, учителей, детей и молодежи. В Таблице 8 представлены ключевые ресурсы из Новой Зеландии, Великобритании и Европы, а также обсуждаются ключевые аспекты предоставляемых ими материалов и их оценки.

Таблица 8:Международные ресурсы

Нация	Ресурс	Ключевые аспекты	Оценка
Новый Зеландия	Нетсейф	<p>Информация для родителей/опекунов о том, как контролировать воздействие онлайн-порнографии на своих детей.</p> <p>Эффективное посредничество:</p> <ul style="list-style-type: none"> л Открытое и честное обсуждение Развитие л технических навыков и навыков Участие л родителей в цифровой жизни детей л Нормализация реакции детей <p>Неэффективное посредничество:</p> <ul style="list-style-type: none"> л Интернет-фильтры л Чрезмерная реакция л Обвинять. <p>Доступен механизм онлайн-отчетности.</p>	<p>Недоступен. Подкреплено принципами, ориентированными на детей, благодаря которым детей поощряют осмысливать свой опыт здоровыми способами.</p> <p>Netsafe, рекомендованная государственными органами, является утвержденным агентством в соответствии с <i>Законом о вредных цифровых коммуникациях</i>.</p>
Великобритания	Национальный Общество для Профилактика жестокости детям (НСПКЦ)	<p>Тактика минимизации вреда, рекомендуемая родителям/опекунам:</p> <ul style="list-style-type: none"> л Родительский контроль (настройка правил, фильтры) л Открытые и честные дискуссии между родителями/опекунами и детьми л Участие родителей в цифровой жизни детей. <p>Механизм онлайн-отчетности. ChildLine также действует как механизм отчетности, который записывает жалобы и опасения детей и молодых людей по поводу онлайн-проблем. Недавнее исследование ChildLine показало, что дети и молодые люди в Великобритании обеспокоены онлайн-порнографией и зависимостью от порнографии (Howse, 2015).</p>	<p>Недоступен. Подкреплено принципами защиты детей, согласно которым защита детей от онлайн-порнографии является обязанностью правительства, а также обязанностью родителей/опекунов.</p>
Канада	Медиа-умность	<p>Описывает себя как Центр цифровой и медиаграмотности.</p> <p>Информация для родителей/опекунов о том, как контролировать воздействие онлайн-порнографии на своих детей.</p> <p>Эффективное посредничество:</p> <ul style="list-style-type: none"> л Открытое и честное обсуждение для развития критической грамотности у детей л Интернет-фильтры. <p>Неэффективное посредничество:</p> <ul style="list-style-type: none"> л Чрезмерная реакция. 	<p>Недоступен. Использует принципы, связанные с защитой детей, а также модели, ориентированные на детей. Например, детей учат навыкам критического мышления, которые можно применять в самостоятельной жизни, но родителям/опекунам по-прежнему рекомендуется осуществлять родительский контроль для защиты цифровой деятельности своих детей.</p>

Часть Б: Обзор литературы

Мы рассмотрели имеющиеся данные исследований о влиянии просмотра и потребления онлайн-порнографии на детей и молодых людей с точки зрения детей и молодежи:

- л знание секса и отношение к нему;
- л сексуальное поведение и практики;
- л отношения и поведение в отношении гендерного равенства;
- л поведение и практика в их собственных интимных, сексуальных или романтических отношениях; и риск
- л подвергнуться или совершить сексуальное насилие.

В таблице ниже указаны объем и стратегия проведения проверки доказательств.

Таблица 9: Стратегия поиска

Элемент	Направления деятельности	Стратегия поиска
Порнография и другие социальные/культурные практики, ведущие к сексуализации детей, и ее влияние на детей и молодых людей	<ul style="list-style-type: none"> л распространенность и характер воздействия онлайн-порнографии среди детей и молодежи л масштабы потребления порнографии среди детей и молодежи л что известно о влиянии порнографии на сексуальную практику, сексуальное поведение, отношения, отношение к полу и сексуальности, самооценка л какие факторы риска и защиты в социальной экологии связаны с этими эффектами л какие концептуальные и объяснительные модели доступны для объяснения этих ассоциаций 	<ul style="list-style-type: none"> л ученый и коллега рассмотрел исследования через ключевые базы данных, такие как PsychInfo, SocIndex, Запрос л серая литература л диапазон дат публикации 2005–15 л соответствующие международные контекст: Канада; Новая Зеландия; США; ВЕЛИКОБРИТАНИЯ; Ирландия.
Современные подходы и меры по устранению негативных последствий порнографии	<ul style="list-style-type: none"> л образовательные кампании л веб-сайты кампаний по просвещению сообщества, л наборы инструментов, ресурсы, учебные программы л 	

Цифровая жизнь детей и молодежи

Мы живем в мире, богатом технологиями (Бойд, 2014; Джеймс, 2009; Парк, 2014; Пренски, 2001; ван Дейк, 2013). С появлением Web 2.0 Всемирная паутина превратилась из статического хранилища информации в динамичный сайт взаимодействия, сделав возможным использование социальных сетей и других одноранговых и совместных онлайн-платформ (Thomas & Sheth, 2011).

Цифровая революция последнего десятилетия создала «широкий доступ к персонализированным, интерактивным, конвергентным, повсеместным технологиям для организации сетевых информационных и коммуникационных процессов» (Ливингстон и Хэддон, 2012, стр. 1). Технологические разработки, такие как смартфоны, беспроводные сети и платформы социальных сетей, повлияли на серьезные изменения в бизнесе, маркетинге, развлечениях и образовании, создав заметные различия между поколениями (Австралийское управление по коммуникациям и средствам массовой информации [ACMA], 2016; Bolton et al., 2013; Holmes, 2011; Парк, 2014).

Поколение можно определить как «возрастную когорту, которая приобретает социальную значимость благодаря конституированию себя как культурной идентичности» (Edmunds & Turner, 2002, стр. 7). Исследования влияния новых технологий описывают детей, владеющих цифровой грамотностью, как «сетевое поколение» (Tapscott, 1996) и «цифровых аборигенов» (Prensky, 2001).

Австралийское статистическое бюро (ABS) определило детей XXI века как «цифровое поколение», то есть «подкованных в компьютерных технологиях детей, которые никогда не знали жизни без компьютера или Интернета» (ABS, 2011, стр. 1). В этом смысле сегодня мир становится свидетелем взросления второго поколения цифровых аборигенов (Orlando & Attard, 2016). Хотя некоторые ученые сомневаются в полезности термина «цифровые аборигены» (Boyd, 2014; Buckingham & Willett, 2006; Helsper & Eynon, 2010), существует неоспоримая «связь между молодежью и технологической компетентностью», часто начинающаяся на ранней стадии развития у детей (Орландо и Аттард, 2016, стр. 109). Для сравнения, тех, кто вырос без Интернета, часто называют «цифровыми иммигрантами» (Пренски, 2001). Интернет имеет большое значение для многих детей и молодых людей, и его использование изучалось в области психологии, человеческого развития и образования (Burnett & Daniels, 2015; Cooper, Quayle, Jonsson & Svedin, 2016; Lynch & Redpath), 2014; Orlando & Attard, 2016; Stephen & Plowman, 2008), а также представляют новые проблемы в области права и политики (Arcabascio, 2010; *Закон о повышении безопасности детей в Интернете 2015 г.*; Ли и Крофтс, 2015 г.; Стоун, 2011; Таллон и др., 2012).

Эта глава разделена на три раздела, которые описывают контекст и ключевые характеристики цифровой жизни детей и молодых людей и служат основой для обзора исследований последствий онлайн-порнографии. В первом разделе описаны основные особенности использования Интернета детьми и молодыми людьми в возрасте от 5 до 18 лет, проживающими в Австралии и сопоставимых странах. Во втором разделе описываются риски, связанные с использованием Интернета детьми и молодыми людьми, особенно их сексуальное поведение и воздействие онлайн-порнографии. Смысловой аспект использования Интернета будет обсуждаться в заключительном разделе, подчеркивая культурное значение Интернета для проекта построения идентичности в детстве и подростковом возрасте.

Ранняя цифровая грамотность

ABS обнаружило, что в период с 2011 по 2012 год вероятность выхода детей в Интернет увеличивалась с возрастом за счет:

- л семьдесят девять процентов детей 5–8 лет; девяносто шесть
- л процентов детей 9–11 лет; и девяносто восемь процентов детей в
- л возрасте 12–14 лет (ABS, 2012).

В Великобритании 39% детей в возрасте 3–4 лет пользовались Интернетом, при этом вероятность выхода в Интернет у детей старшего возраста увеличивается, как и в Австралии, и 98% детей в возрасте 12–15 лет получают доступ к Интернету (Ofcom, 2015). На возраст и условия первого доступа детей к Интернету и его использования влияют многие факторы, в том числе влияние старших братьев и сестер, семейные условия, образовательные возможности и культурный капитал, который относится к «формам личных знаний, навыков, образования и преимуществ», которые родители/опекуны передают вирус своим детям (Bourdieu, 1986; Dunt, Hage, & Kelaher, 2010, стр. 291; McLean & Edwards, 2015; O'Hara, 2011).

Важно отметить, что культурный капитал влияет на здоровье и результаты образования детей (Andersen & Jaeger, 2015; Dunt et al., 2010; Huang & Liang, 2016). Действительно, культурный капитал оказывает большое влияние на цифровую грамотность, определяемую как «многомерную конструкцию, включающую в себя способности доступа, анализа, оценки и создания онлайн-контента» (Ливингстон и Хелспер, 2010, стр. 3), а также «гибрид функционального навыка и социальные практики» (Dodge, Husain & Duke, 2011, стр. 87). Цифровой разрыв, или различия в цифровой грамотности как внутри, так и между поколениями, частично вызван культурным капиталом, то есть возможностью, способностью и уверенностью в использовании цифровых технологий (Buckingham & Willett, 2006). Как и другие виды грамотности, цифровая грамотность — это приобретенный навык, на который существенно влияет домашняя обстановка ребенка и более широкий социальный и культурный контекст (Livingstone & Helsper, 2010). Цифровая грамотность сейчас развивается с раннего детства, а технологии, удобные для детей, такие как планшетный компьютер, «выступают в качестве платформ для потребления детьми цифровых медиа и связанной с ними популярной культуры» (Гарвис, 2015, стр. 28).

Начиная обучение в раннем возрасте, «многие маленькие дети приносят с собой обширные знания и опыт создания значений с использованием цифровых инструментов и в цифровой среде» (Burnett & Daniels, 2015, стр. 19). Действительно, исследования показывают, что «раннее и ограниченное использование Интернета детьми младшего школьного возраста означает, что с точки зрения социальной интеграции Интернет обеспечивает возможности для обучения, игры и социального развития» (Нансен, Чакраборти, Гиббс, Макдугалл, и Ветере, 2012, с. 239).

Дети, молодежь и доступ в Интернет

The *Дети Австралии онлайн* Исследование изучило места, откуда дети и молодые люди в возрасте 9–16 лет чаще всего получали доступ к Интернету, и выявило:

- л девяносто шесть процентов выходят в Интернет из школы и дома; и
- л тридцать один процент заходят в Интернет, когда они «отсутствуют» (Green, Brady, Olafsson, Hartley & Lumby, 2011).

Более половины всех онлайн-подростков в Австралии выходили в Интернет более чем на одном устройстве и в разное время в течение дня, что соответствует последним тенденциям в онлайн-поведении взрослых австралийцев (АСМА, 2016). И дети, и молодые люди в Австралии выходят в Интернет с помощью множества устройств, отличных от настольных компьютеров и ноутбуков, включая конвергентные технологии, такие как планшетные компьютеры и смартфоны, использование которых зависит от того, где и когда они подключаются (ABS, 2011, 2012; АСМА, 2016). Конвергентные технологии описывают сочетание отдельных форм медиа и коммуникации в одном устройстве (АСМА, 2009). Например, смартфон выступает в качестве точки конвергенции «социальных, репликативных и мобильных медиа» и является популярной формой конвергентной технологии (Hjorth, Burgess & Richardson, 2012, стр. 1).

Домашний доступ в Интернет

За последние десять лет в Австралии произошел значительный прогресс в домашнем доступе в Интернет, а также в качестве и простоте доступа к Интернету в целом. Такие изменения обусловлены технологическим развитием, в основном переходом от коммутируемых подключений к домашним широкополосным сетям (ABS, 2011; АСМА, 2016).

- л ABS (2016) обнаружило, что общий доступ к Интернету в домашних условиях увеличился с 83% в 2013 году до 86% в 2016 году.
- л По данным Австралийского управления по коммуникациям и средствам массовой информации (АСМА; 2013), уровень домашнего доступа в Интернет среди детей 8–17 лет колеблется от 93 до 97%.

Австралийцы, имеющие домашний доступ в Интернет, чаще имеют детей в возрасте до 15 лет. Действительно, ABS (2016) сообщает, что:

- л девяносто семь процентов людей с детьми имели домашний доступ в Интернет; и
- л восемьдесят два процента людей без детей имели домашний доступ в Интернет.

Это показывает, что Интернет в привычках австралийских родителей необходим для обучения и развлечений, и в 2015 году большинство австралийских молодых людей имели доступ к Интернету дома (АСМА, 2016). Аналогичным образом, в США уровень доступа в Интернет был выше в домах, где проживают дети и молодые люди (File & Ryan, 2014).

Мобильные телефоны

Мобильные телефоны изменили поведение детей и молодых людей в Австралии в Интернете, причем вероятность того, что они будут владеть мобильным телефоном, увеличивается с возрастом. В 2012 году АСМА (2013) обнаружила, что уровень владения мобильными телефонами среди австралийских детей и молодых людей составлял:

- л одиннадцать процентов детей 8–9 лет; тридцать пять
- л процентов детей 10–11 лет; шестьдесят семь
- л процентов детей 12–13 лет; восемьдесят семь
- л процентов 14–15-летних; и девяносто четыре
- л процента 16–17-летних.

Аналогично вероятность выхода в Интернет с мобильного телефона увеличивается с возрастом:

- л из 14–15-летних 49% выходили в Интернет с мобильного телефона; и
- л из 16–17-летних 54% выходили в Интернет со своего мобильного телефона (АСМА, 2013).

Рост числа владельцев мобильных телефонов существенно изменил поведение в Интернете. Например, недавние разработки в области доступа в Интернет позволили выйти в Интернет из самых разных мест. Число молодых людей, использующих общественные и коммерческие беспроводные точки доступа, выросло с 17% в 2011 году до 36% в 2015 году (АСМА, 2016), демонстрируя более широкое использование портативных устройств среди австралийской молодежи так же, как и среди их сверстников в Великобритании и Великобритании. США (АСМА, 2016; Ofcom, 2016; Rideout, Foehr, & Roberts, 2010). Кроме того, отдельные интернет-сеансы на мобильных телефонах длятся меньше времени, но скорость, с которой они происходят, означает, что австралийцы теперь проводят «большую часть своего онлайн-времени на своем мобильном телефоне (42%), чем на любом другом устройстве» (АСМА, 2016).). Популярность мгновенной связи и «всегда на связи» можно объяснить увеличением числа владельцев мобильных телефонов и других конвергентных портативных устройств (Boyd, 2012). Исследования показали, что «колоссальный рост владения мобильными телефонами и МРЗ среди подростков и подростков, вероятно, является наиболее важным фактором, лежащим в основе увеличения использования средств массовой информации среди детей 8–18 лет» (Rideout, Foehr & Roberts, 2010, стр. 18). .

Планшетные компьютеры

Исследования раннего вовлечения детей в цифровые технологии в Австралии и Великобритании показывают, что:

- л Пятьдесят три процента австралийцев в возрасте 6–13 лет владели или пользовались планшетным компьютером (Roy Morgan Research, 2014).
- л Планшетные компьютеры являются «наиболее часто используемым устройством для выхода в Интернет» среди мальчиков и девочек в Великобритании в возрасте 5–11 лет (Ofcom, 2015, стр. 6).

Планшетные компьютеры, особенно используемые маленькими детьми, были названы «жизнеспособным контекстом обучения» (McLean & Edwards, 2015, стр. 157), а другие портативные устройства, такие как iPad и ноутбуки, теперь стали обычным явлением в школах (Lynch & Redpath, 2014). Планшетные компьютеры удобны для детей, поскольку они просты в использовании, портативны и обладают конвергентными технологиями, популярными для просмотра фильмов и игр (Ofcom, 2015; Roy Morgan Research, 2014). Дети младшего возраста в Австралии и Великобритании чаще используют планшетный компьютер, чем дети старшего возраста, что отражает «значительные возрастные различия в том, как дети и молодые люди используют Интернет» (Nansen et al., 2012, стр. 237; Ofcom, 2015). ; Исследования Роя Моргана, 2014).

Время онлайн

АБС установило, что в период с 2014 по 2015 год:

- л Больше всего времени среди всех возрастных групп в Интернете проводят молодые люди в возрасте 15–17 лет. Интернетом пользовались девяносто девять процентов молодых людей в возрасте 15–17 лет (ABS, 2016).

Австралийские молодые люди в возрасте 15–17 лет (во всех социально-экономических слоях и полах) представляют наибольшую долю пользователей Интернета в Австралии и проводят в Интернете около 18 часов в неделю (ABS, 2016). Большинство австралийских молодых людей, пользующихся Интернетом, выходят в Интернет более одного раза в день (АСМА, 2016). Эта тенденция отражается в США, где 92% молодых людей ежедневно пользуются Интернетом, 24% из которых утверждают, что они находятся онлайн «почти постоянно» (Lenhart, Smith, Anderson, Duggan & Perrin, 2015, p. 2).

Исследования, проведенные в Австралии, Великобритании и США, показывают, что время, проведенное в сети, увеличивается с возрастом (Livingstone et al., 2010; Green et al., 2011; Ofcom, 2015). Например, в Великобритании с 2005 года еженедельное время, проводимое детьми и молодыми людьми в Интернете, неуклонно растет. В 2015 году:

- л 8–11-летние проводили в Интернете 11,1 часа в неделю; и
- л Дети 12–15 лет проводят в сети в среднем 18,9 часов в неделю (Ofcom, 2015).

Различие между онлайн- и офлайн-пространствами (и, следовательно, измерение времени, проведенного в сети) — сложная задача для исследователей. Исследования поведения детей в Интернете показали, что «время, проведенное в Интернете, трудно измерить, поскольку дети выполняют одновременно несколько задач, выходя в Интернет и одновременно занимаясь другими делами, не выключая при этом Интернет» (Ливингстон и др., 2010, стр. 15). Одновременное использование различных медиа-технологий теперь является обычным явлением для детей и молодых людей, грамотных в области цифровых технологий, при этом мобильные телефоны и другие конвергентные цифровые технологии особенно подходят для многозадачности с другими типами медиа (АСМА, 2007, стр. 9).

Интернет-мероприятия

Дети и молодые люди демонстрируют большое разнообразие в своей онлайн-деятельности. *Дети Австралии онлайн* исследование (Green et al., 2011) изучило, как дети и молодые люди в возрасте 9–16 лет проводят время в Интернете, и обнаружило:

- л восемьдесят шесть процентов использовали Интернет для учебы;
- л восемьдесят пять процентов использовали Интернет для доступа к аудиовизуальным материалам;
- л семьдесят восемь процентов использовали Интернет для игр; шестьдесят семь процентов
- л использовали Интернет для отправки электронной почты; и
- л шестьдесят три процента использовали Интернет для общения в социальных сетях.

Совсем недавно в отчете АСМА (2016) об онлайн-деятельности австралийской молодежи в возрасте 14–17 лет сообщалось:

- л семьдесят восемь процентов используют Интернет для поиска информации и просмотра сайтов;
- л семьдесят восемь процентов для электронной почты;
- л шестьдесят четыре процента для потоковой передачи аудиовизуального
- л контента; пятьдесят четыре процента для социальных сетей; и сорок семь
- л процентов — для онлайн-игр (АСМА, 2016).

Как и в случае с исследованиями способов доступа детей и молодых людей к Интернету (например, планшет или смартфон), в их онлайн-деятельности существуют значительные возрастные различия. ABS (2011, стр. 3) обнаружило, что способы использования Интернета детьми меняются по мере их взросления: «В раннем возрасте дети относились к Интернету больше как к источник развлечений. Когда дети стали старше, они стали воспринимать Интернет скорее как арену для получения информации и общения». Этот вывод соответствует поведению в Европе и США. Например, исследование американских детей и молодых людей показало: «Подростки старшего возраста чаще используют Интернет для поиска информации, чем младшая молодежь» (Кац, Ли и Бирн, 2015, стр. 584). В Великобритании большая часть онлайн-времени детей в возрасте 9–16 лет проводилась за школьными занятиями, за которыми следовали игры, потребление аудиовизуального контента и общение в социальных сетях (Ливингстон и др., 2010, стр. 7). Кроме того, *Дети ЕС онлайн* исследование сообщило следующее:

Некоторые виды деятельности охватывают возрастной диапазон (использование Интернета для учебы, игры на компьютере и, что гораздо реже, проведение времени в виртуальном мире). В подростковом возрасте значительно увеличивается количество других видов деятельности (просмотр и публикация видеоклипов или сообщений, общение в социальных сетях, электронная почта, обмен мгновенными сообщениями и загрузка музыки или фильмов). (Ливингстон и др., 2010, стр. 20)

Цифровое обучение

ABS (2012) установило, что с 2011 по 2012 год:

- л 2,3 миллиона детей имели домашний доступ в Интернет;
- л два миллиона (90%) из них вышли в Интернет в целях образовательной деятельности

В 2013 году АСМА (2013) сообщил о следующем количестве детей и молодых людей, которые использовали Интернет, чтобы помочь с домашними заданиями:

- л семьдесят пять процентов детей 8–9 лет;
- л восемьдесят семь процентов детей 10–11 лет;
- л девяносто пять процентов детей 12–13 лет;
- л девяносто четыре процента 14–15-летних; и
- л девяносто процентов от 16 до 17 лет

Использование Интернета в образовательных целях описывается как «положительный фактор академической успеваемости», и сегодня более половины детей во всем мире «используют Интернет для выполнения школьных заданий» (Кац, Ли и Бирн, 2015, стр. 577). Австралийские данные подчеркивают, что активность цифрового обучения увеличивается с возрастом, достигая пика в когорте детей 12–13 лет. Родители/опекуны и учителя поддерживают сегодняшнюю среду обучения, насыщенную средствами массовой информации. Орландо и Аттард (2016, стр. 108) отметили, что первая волна цифровых аборигенов сейчас – это взрослые люди, «некоторые из которых составляют новое поколение учителей ранней карьеры» и могут включать цифровые технологии в свою педагогическую практику в большей степени, чем предыдущие поколения. Отношение родителей/опекунов также влияет на использование Интернета в учебных целях, и многие из них положительно относятся к использованию Интернета в образовательных целях (Кац, Ли и Бирн, 2015; Трипп, 2011).

Аудиовизуальный контент

Австралийцы в возрасте до 18 лет чаще, чем взрослые, используют Интернет для развлечения и просматривают такие материалы через свои мобильные телефоны (АСМА, 2014). АСМА (2016) сообщил:

- л «Шесть из 10 онлайн-подростков просматривали видеоконтент на таких сайтах, как YouTube, в июне 2015 года, по сравнению с третьим в июне 2011 года... в то время как доля подростков, просматривающих потоковый аудиоконтент, включая записанную музыку и радио, увеличилась более чем вдвое и достигла 40%» С июня 2011 по июнь 2015 года («Это не все развлечения и игры, но часто...», пункт 2).
- л Пятьдесят шесть процентов всего времени онлайн-серфинга подростки в возрасте 14–17 лет тратили на доступ к аудиовизуальному контенту, включая видео, фильмы, игры и музыку.

Подобные результаты отражены в отчетах Великобритании и Канады, где 51% канадских детей в возрасте 9–17 лет изучают онлайн-аудиовизуальные материалы (Steeves, 2014a). В Великобритании молодые люди в возрасте 12–15 лет сообщили, что «они предпочитают смотреть видео на YouTube, чем телепрограммы» (Ofcom, 2015, стр. 72). В том же британском исследовании были обнаружены гендерные различия в потреблении аудиовизуального контента. В отчете сообщалось, что девочки в возрасте 8–15 лет «чаще мальчиков говорили, что предпочитают смотреть телепрограммы» и смотрели аудиовизуальный контент по запросу на устройстве, отличном от телевизора (Ofcom, 2015, стр. 72).

Потребление аудиовизуального контента в Интернете является продолжением более широких изменений в сфере развлечений, которые в равной степени повлияли на зрительское поведение как взрослых, так и детей. Большая часть недавнего потребления онлайн-СМИ представляет собой не строго новые материалы, а материалы, которые используются с помощью новых технологий, особенно массового просмотра.

такие платформы, как YouTube, Netflix и iTunes (Rideout, Foehr & Roberts, 2010). Увеличение количества «новых способов потребления телевизионного контента фактически привело кувеличивать... ежедневного просмотра телепередач», просмотр которых может осуществляться с помощью конвергентных технологий, таких как смартфоны и iPod (Rideout, Foehr, & Roberts 2010, стр. 3). В этом смысле «контент, который потребляют дети, все чаще курируется цифровыми посредниками, включая таких поставщиков, как YouTube и Google» (Ofcom, 2015, стр. 4). Действительно, в июне 2015 года австралийская молодежь предпочитала транслировать аудиовизуальный контент с таких сайтов, как YouTube, а не загружать его (АСМА, 2016).

Игры

В 2011 году ABS (2011) сообщило о следующем количестве детей и молодых людей в возрасте до 15 лет, которые играли в онлайн-игры:

- л семьдесят семь процентов детей 5–8 лет; и пятьдесят
- л девять процентов детей в возрасте 12–14 лет

Было обнаружено, что маленькие дети чаще играли в «игры с решением проблем для одного игрока», тогда как дети старшего возраста больше играли в «интерактивные ролевые игры» в Интернете (ABS, 2011, стр. 4). Исследуя современное «технологически сконструированное детство» детей, Флир (2011) изучил, каким образом цифровая игра может влиять на то, как дети взаимодействовать и играть в игры в физической среде. Флир отметил, что «имеет значение то, что дети испытывают в своей повседневной жизни», а распространение игр из цифрового мира в физический важно для понимания современного детства, что может способствовать «разработке учебных программ для детей дошкольного возраста» (Fleer, 2011, стр. 19).

Гендерные различия

Исследования, проведенные в Австралии, Великобритании, США и Канаде, выявили гендерные различия в поведении в онлайн-играх. Эти различия резко усиливаются в подростковом возрасте, когда мальчики проводят больше времени в Интернете, чем девочки – факт, который часто связывают с онлайн-играми (Rideout, Foehr & Roberts, 2010).

- л В Австралии *Дети Австралии онлайн* Исследование показало, что среди подростков 13–16 лет мальчики чаще играют в онлайн-игры, чем девочки (Green et al., 2011).
- л В Великобритании мальчики чаще играют в онлайн-игры, чем девочки, что отражает глобальную тенденцию, начинающуюся у детей в возрасте 9 лет и продолжающуюся до 16 лет (Ливингстон и др., 2010).
- л В США исследование американских подростков в возрасте 13–17 лет показало, что девочки чаще используют визуально-ориентированные социальные сети, тогда как мальчики чаще участвуют в онлайн-играх (Lenhart et al., 2015).
- л В Канаде 60% мальчиков проводят большую часть своего времени в сети, занимаясь играми, и сообщают, что в основном подключаются к Интернету через игровые консоли (Steeves, 2014a).

Социальные сети

В 2013 году АСМА сообщила о следующих показателях доступа детей и молодых людей в возрасте 12–17 лет к сайтам социальных сетей:

- л шестьдесят девять процентов детей 12–13 лет; восемьдесят шесть
- л процентов 14–15-летних; и девяносто два процента молодых людей в
- л возрасте 16–17 лет (АСМА, 2014).

Кроме того, *Дети Австралии онлайн* (Green et al., 2011) исследование показало, что большое количество детей в возрасте до 13 лет имеют профиль в социальных сетях:

- л двадцать девять процентов детей 9–10 лет; и
- л пятьдесят девять процентов детей 11–12 лет.

В этом исследовании сообщается о высоком уровне использования социальных сетей среди детей в возрасте 11 и 12 лет, несмотря на то, что большинство сайтов социальных сетей устанавливают, что минимальный возраст для владельцев учетных записей составляет 13 лет (Green et al., 2011). *Дети Австралии онлайн* исследование показало, что «именно начало средней школы, а не минимальный возраст... запускает активность в социальных сетях» (Green et al., 2011, стр. 8). Аналогичным образом, канадские дети уже в возрасте 9 лет имеют профили в социальных сетях, несмотря на минимальные возрастные требования на таких сайтах, как Twitter и Facebook (Steeves, 2014a).

Более того, недавняя тенденция в Великобритании и США показывает высокий уровень вовлеченности детей младшего возраста в визуальные социальные сети, такие как Instagram и Snapchat. В США подростки в возрасте 15–17 лет чаще использовали Facebook, а подростки в возрасте 13–14 лет — Instagram (Lenhart, 2015, стр. 5). Исследование 2015 года, проведенное в Великобритании, показало, что среди детей и молодых людей в возрасте 12–15 лет:

- л пятьдесят восемь процентов считали Facebook своим основным профилем в социальной сети; и одиннадцать
- л процентов считают Snapchat своим основным профилем в социальной сети (Ofcom, 2015).

Гендерные различия

Недавние исследования, проведенные в США и Великобритании, выявили существенные различия в том, как мальчики и девочки используют сайты социальных сетей:

- л Девочки в Великобритании и Европе в возрасте 9–12 лет использовали электронную почту и сайты социальных сетей чаще, чем мальчики, и чаще использовали веб-камеру (Livingstone et al., 2010).
- л Девочки из Великобритании в возрасте 12–15 лет имели профиль в Snapchat и Tumblr чаще, чем мальчики; и большинство девушек считают Facebook своим основным профилем в социальных сетях, за ним следуют Instagram и Snapchat (Ofcom, 2015).
- л Американские мальчики в возрасте 13–17 лет чаще, чем девочки, использовали Facebook, но реже использовали такие платформы, как Instagram и Tumblr (Lenhart et al., 2015).

Девочки чаще публикуют фотографии и видео в Интернете и пытаются поделиться ими с другими через социальные сети (Ливингстон и др., 2010). Привлекательность сайтов социальных сетей может быть обусловлена их сочетанием «чата, обмена сообщениями, контактов, фотоальбомов и функций блогов» (Ливингстон и др., 2011, стр. 36). Кроме того, отчеты показывают, что «девочки используют больше социальных сетей, чатов и блогов, а также больше сайтов, где можно загружать фотографии для всеобщего обозрения (например, Instagram), в то время как мальчики играют больше в игры и смотрят больше видеоклипов» (Fridh et al., 2015, с. 2).

Онлайн-риски

Об использовании Интернета детьми и молодыми людьми часто говорят как о балансе риска и возможностей, причем в литературе о цифровой жизни молодых людей преимущественно уделяется внимание риску (Boyd, 2014; Kirwil & Laouris, 2012; Livingstone & Helsper, 2010). Нансен и др., 2012). В отчетах о детях младшего возраста особое внимание уделяется цифровому участию и положительному использованию новых технологий в процессе обучения детей (Burnett & Merchant, 2011; Garvis, 2015). Однако цифровая жизнь подростков часто концептуализируется с точки зрения посредничества рисков, которое «учитывает больше вопросов, ориентированных на здоровье или благополучие, связанных с различными рисками, которые могут сопровождать использование Интернета» (Nansen et al., 2012, стр. 238; Dunkels, Франберг и Халлгрен, 2011 г.; Митчелл, Финкельхор и Волак, 2007 г.); Ниже будут рассмотрены основные риски, связанные с использованием Интернета, такие как онлайн-порнография, секстинг, киберзапугивание и контакты с незнакомцами в Интернете.

Хотя в этом отчете основное внимание уделяется детям и молодежи, взрослые также сталкиваются с онлайн-рисками, особенно в отношении сексуального насилия с использованием технологий. Чтобы обеспечить контекст для дискуссий о детях и молодых людях, в этом разделе обсуждаются риски, с которыми сталкиваются взрослые, работая над тем, чтобы дать комплексное определение сексуального насилия с использованием технологий, гендерных различий в опыте такого насилия и того, что мы в настоящее время знаем о его последствиях. на молодых людях.

Риск как возможный вред

Онлайн-риски, с которыми сталкиваются дети и молодые люди, классифицируются как риски, связанные с *содержание*, *контакты* *руководить* (Ливингстон и Хэддон, 2012 г., Нансен и др., 2012 г.). Эти три категории были описаны следующим образом:

- л *содержание* риски включают «просмотр неприемлемых или незаконных материалов»;
- л *контакт* риски связаны с «формами нежелательных, оскорбительных или вредных сообщений»; и *руководить*
- л риски «вращаются вокруг личного поведения детей в Интернете» (Nansen et al., 2012, стр. 238).

Многие действия в Интернете сопряжены с такими рисками, будь то в форме воздействия аудиовизуального контента сексуального или насильственного характера (*содержание*), секстинг (*руководить*), киберзапугивание (*руководить/или контакт*), или непрошеное внимание незнакомца (*контакт*). Интернет-риски, как они определены в австралийском контексте, включают «доступ к неприемлемым материалам, обращение незнакомцев к личной информации или получение доступа к ней, а также онлайн-запугивание или угрожающее поведение» (ABS, 2011, стр. 5). В 2016 году на веб-сайте Управления комиссара по электронной безопасности был перечислен ряд проблем электронной безопасности, в том числе:

- л киберзапугивание;
- л цифровая репутация;
- л оскорбительный или незаконный контент;

- л онлайн-игры;
- л защита личной информации;
- л секстинг;
- л троллинг; и
- л нежелательный контакт.

Хотя не все риски приводят к вреду, исследования негативного онлайн-опыта австралийских детей и молодых людей показали:

- л 72 000 (3%) детей в возрасте до 15 лет «испытывали одну или несколько проблем с личной безопасностью или безопасностью в Интернете» в период с 2008 по 2009 год (ABS, 2011, стр. 5);
- л тридцать процентов детей в возрасте 9–16 лет были «беспокоены или расстроены» чем-то во время своего онлайн-опыта в 2011 году (Green et al., 2011, стр. 9); и
- л двадцать процентов детей в возрасте 8–13 лет были обеспокоены тем, что они смотрели в Интернете в 2012 году (АСМА, 2013, стр. 7).

Кроме того, недавние исследования, проведенные в Канаде и Великобритании, показали:

- л семьдесят восемь процентов канадских подростков в возрасте 12–16 лет «сталкивались с расистским или сексистским» онлайн-контентом (Стивс, 2014b, стр. 2); и
- л одиннадцать процентов детей в возрасте 8–11 лет и 16% детей в возрасте 12–15 лет в Великобритании «видели в Интернете что-то тревожное, неприятное или оскорбительное» (Ofcom, 2015, стр. 9).

Увеличение возраста является одним из факторов, определяющих, подвергаются ли дети и молодые люди онлайн-рискам (Abiala & Hernwall, 2013). Дети младшего возраста чаще находятся под присмотром во время их онлайн-активности, а их родители/опекуны, как правило, лучше осведомлены об их онлайн-поведении и местах, откуда они выходят в Интернет, например, на домашних или школьных компьютерах с активным программным обеспечением фильтрации (АСМА, 2007). ; Грин и др., 2011 г.; Ливингстон и др., 2010 г.; Rideout, Foehr & Roberts, 2010 г.; Однако подростки чаще имеют собственные личные устройства для выхода в Интернет и бесконтрольного использования Интернета (Greenfield, 2004; Horvath et al., 2013). Кроме того, подростки проводят больше времени в Интернете, чем дети младшего возраста, что увеличивает вероятность их подверженности онлайн-риску (ABS, 2016; Rovolis & Tsaliki, 2012).

Родители/опекуны детей младшего возраста лучше осведомлены о своем негативном онлайн-опыте, чем родители/опекуны подростков (АСМА, 2013; Ofcom, 2015). Было обнаружено, что: «Хотя родители детей в возрасте 15 лет и младше довольно точно сообщают о том, что их ребенок испытывает что-то, что их беспокоит, родители 16–17-летних, как правило, занижают это». (Газета, 2013, стр. 7). Исследование, проведенное в Великобритании, показало, что дети в возрасте 8–11 лет с большей вероятностью будут воздерживаться от раскрытия негативного онлайн-опыта в 2015 году, чем в 2014 году (Ofcom, 2015). Более того, дети в возрасте 12–15 лет неохотно раскрывали негативный онлайн-опыт, при этом 6% никому не рассказывали о таком опыте (Ofcom, 2015, стр. 111).

Воздействие онлайн-порнографии

Педагоги, исследователи и политики все больше осознают высокий уровень воздействия онлайн-порнографии на детей и молодых людей в Австралии и сопоставимых странах. Хотя определения порнографии различаются, этот термин обычно относится к спектру сексуального контента, варьирующемуся от наготы (включая изображения гениталий) и/или участия отдельных лиц в сексуальной активности до жесткой порнографии, включая насильственные сексуальные действия (Bleakly, Hennessy, и Фишбейн, 2011 г.; Краббе, 2016 г.; Хорват и др., 2013 г.; Мартеллоццо и др., 2016 г.; Разнообразие и доступность порнографии в онлайн-среде затрудняют ее предотвращение (Crabbe, 2016), увеличивая как легкость доступа для тех, кто сознательно ее ищет, так и риск непреднамеренного воздействия. Действительно, недавнее исследование, проведенное в Великобритании, под названием *Я не был уверен, что это нормально смотреть* обнаружили: «Дети с такой же вероятностью наткнулись на порнографию, как и искали ее в Интернете» (Martellozzo et al., 2016, стр. 8).

Исследования европейских детей и молодых людей в возрасте 9–16 лет показали:

- л Вовлечение детей в рискованную офлайн-деятельность увеличивает вероятность воздействия онлайн-рисков, особенно сексуальных изображений.
- л Дети старшего возраста и мальчики чаще подвергаются воздействию сексуальных изображений в Интернете, чем дети младшего возраста и девочки.
- л Использование детьми Интернета в частных, неконтролируемых местах и «менее ограничительное родительское посредничество» приводит к большей вероятности воздействия онлайн-порнографии (Rovolis & Tsaliki, 2012, стр. 170–1).

The *Дети Австралии онлайн* исследование детей и молодых людей в возрасте 9–16 лет показало:

- л сорок четыре процента «сталкивались с сексуальными изображениями за последние 12 месяцев, онлайн или офлайн»; пока

л двадцать восемь процентов детей в возрасте 11–16 лет «видели сексуальные изображения в Интернете» (Green et al., 2011, стр. 9).

л Исследование показало, что среди подростков 11–16 лет, которые видели в Интернете контент сексуального характера:

- двадцать четыре процента «видели в Интернете изображения сексуального характера, включая обнаженную натуру»;
- семнадцать процентов «видели чьи-то гениталии в Интернете»;
- шестнадцать процентов «видели изображения людей, занимающихся сексом»; и
- шесть процентов «видели жестокие сексуальные изображения» (Green et al., 2011, стр. 9).

The *Дети Австралии онлайн* В исследовании участвовал широкий диапазон возрастных групп, и существуют значительные различия между опытом просмотра детьми младшего возраста и молодыми людьми онлайн-контента сексуального характера (Green et al., 2011). Например, 16% детей в возрасте 11–16 лет, которые «видели изображения занимающегося сексом человека», состояли в основном из подростков и в меньшей степени из детей младшего возраста (Green et al., 2011). Кроме того, важно отметить, что *Дети Австралии онлайн* Исследование, содержащее исчерпывающие статистические данные о онлайн-поведении и воздействии порнографии, было проведено в 2011 году, и распространение онлайн-порнографии, а также характер этой порнографии (т. е. жесткая и с жестким содержанием) сильно изменились с тех пор (Crabbe, 2016).

The *Я не был уверен, что это нормально смотреть* (Martellozzo et al., 2016) изучил опыт просмотра онлайн-порнографии подростками 11–16 лет в Великобритании и обнаружил:

- л Пятьдесят три процента опрошенных хотя бы раз видели онлайн-порнографию, из которых 94% сообщили, что смотрели онлайн-порнографию до 14 лет.
- л Двадцать восемь процентов вышеупомянутой когорты сообщили, что впервые случайно просмотрели онлайн-порнографию (например, через всплывающую рекламу).
- л Шестьдесят процентов сообщили, что впервые смотрели онлайн-порнографию дома.

Что касается обстоятельств просмотра ими онлайн-порнографии и роли в этом детей и молодежи, исследование показало:

- л двадцать шесть процентов получили онлайн-порнографию или ссылки на нее;
- л девятнадцати процентам кто-то показывал онлайн-порнографию, даже не прося об этом и не ожидая этого;
- л девятнадцать процентов искали его самостоятельно; и
- л четыре процента сообщили, что отправляли другим порно в Интернете или ссылки на него.

Аналогичным образом, исследование, проведенное по заказу Управления комиссара по делам детей в Англии, показало, что непреднамеренное воздействие онлайн-порнографии может происходить «через веб-сайты, которые сами по себе не являются «порнографическими» или «взрослыми»» (Horvath et al., 2013, стр. 25). Например, сайты онлайн-игр, сайты обмена файлами, видеохостинги и сайты социальных сетей могут содержать онлайн-порнографический контент (Horvath et al., 2013). Действительно, молодые люди, которые используют Интернет для доступа к информации медицинского и сексуального характера, подвергаются большому риску воздействия онлайн-порнографии (Horvath et al., 2013). Молодые люди нередко используют Интернет, чтобы узнать о своем здоровье и проблемах, связанных со здоровьем, и «иногда молодые люди, ищущие медицинскую информацию о заболеваниях, передающихся половым путем, случайно попадают на порнографические сайты» (Katz, Lee & Byrne, 2015, стр. . 580–1).

Отношение к онлайн-порнографии

Исследование, проведенное в Великобритании (Martellozzo et al., 2016), выявило диапазон аффективных реакций детей и молодых людей на онлайн-порнографию и показало, что отношение к порнографии зависит от пола и варьируется с возрастом:

- л Девочки более негативно относятся к порнографии, чем мальчики.
- л Мальчики придерживаются более позитивного мнения о порнографии, чем девочки, особенно в старших возрастных
- л когортах. «Негативные ощущения утихли благодаря неоднократному просмотру онлайн-порнографии» (2016, с. 9).

The *Дети Австралии онлайн* исследование (Green et al., 2011) включало интервью с родителями/опекунами о воздействии на детей младшего возраста в возрасте 9 и 10 лет онлайн-контента сексуального характера и выявило:

- л Сорок девять процентов родителей/опекунов сообщили, что их дети никогда не видели в Интернете контент сексуального характера.
- л Тридцать восемь процентов родителей/опекунов сообщили, что их дети видели в Интернете контент сексуального характера.
- л Четырнадцать процентов родителей/опекунов сообщили, что они не знали, видел ли их ребенок онлайн-контент сексуального характера.

Кроме того, исследование, проведенное в Великобритании (Horvath et al., 2013), показало, что родители/опекуны «вероятно, переоценивают воздействие порнографии на детей младшего возраста и недооценивают детей старшего возраста» (стр. 30).

Гендерные различия

В литературе показаны различия в том, как девочки и мальчики потребляют онлайн-порнографию и страдают от нее (Beyens, Vandenbosch, & Eggermont, 2014; Flood, 2009; Martellozzo et al., 2016; Sabina, Wolak, & Finkelhor, 2008). Девочки из Великобритании реже смотрят онлайн-порнографию, чем мальчики, а мальчики потребляют онлайн-порнографию «чаще и более сознательно, чем девочки» (Martellozzo et al., 2016, стр. 9). В связи с этим мальчики, как правило, более благосклонно относятся к просмотру онлайн-порнографии, чем девочки.

The *Я не был уверен, что это нормально смотреть* найден отчет:

- л Мальчики чаще находили онлайн-порнографию забавной, возбуждающей и захватывающей, тогда как девочки чаще находили ее шокирующей и пугающей.
- л Мальчики в возрасте 11–16 лет «примерно в два раза чаще сообщают об активном поиске, чем девочки» (Martellozzo et al., 2016, стр. 29).

Секстинг

«Секстинг» представляет собой комбинацию слов «секс» и «текстовые сообщения» и используется для описания «цифровой записи обнаженных, полуобнаженных изображений сексуального характера или откровенные изображения и их распространение по электронной почте, посредством сообщений мобильного телефона или через Интернет на сайтах социальных сетей» (Lee et al., 2013, стр. 36). Секстинг стал популяризоваться в середине 2000-х годов благодаря «появлению удобного, недорогого, доступного и мобильного доступа к Интернету», а также «конфиденциальности и анонимности», обеспечиваемых таким общением (Ливингстон и Горциг, 2012, стр. 151). В литературе выдвигаются различные концептуализации использования секстинга молодыми людьми, часто деконструирующие значения, придаваемые этой практике с точки зрения сексуального развития и социализации молодых людей (Abelee et al., 2014; Albury & Crawford, 2012; Cooper et al., 2016). ; Ли и Крофтс, 2015 г.; Нильсен, Паасонен и Списак, 2015 г.); Существует широко распространенное мнение, что трудно провести различие между секстингом по принуждению и без принуждения, и исследователи признают потенциально вредное воздействие секстинга на детей и молодых людей (Horvath et al., 2013; Livingstone & Gorzig, 2012).

Исследования австралийской правовой базы, используемой для определения секстинга и управления им, подчеркивают процессы проб и ошибок, связанные с регулированием этого сложного вопроса, одновременно выявляя разрыв между цифровыми аборигенами и цифровыми иммигрантами, а также демонстрируя серьезные проблемы, создаваемые цифровыми технологиями для защиты детей (Аркабасио, 2010; Ли и др., 2013; Стоун, 2011; Определение изображений, сделанных молодыми людьми самостоятельно, как детской порнографии было особенно чревато и трудно охарактеризовать с точки зрения юридической вины. Уточнение определения детской порнографии было проведено в ходе исследования секстинга (Crofts & Lee, 2013). Некоторые предположили, что сам термин «секстинг» неадекватно описывает «спектр поведения, который варьируется от частного обмена изображениями между сексуально интимными молодыми партнерами», и расширили определение, включив в него конкретные сайты социальных сетей, такие как Facebook и YouTube (Stone, 2011, стр. 267; Crofts & Lee, 2013). Таким образом, отмечается, что некоторые цифровые технологии «подпитывают эксплуатацию детей» (Crofts & Lee, 2013, стр. 87).

Хотя во многих случаях молодые люди говорят о секстинге как о нормальном (хотя порой и нежелательном) занятии среди сверстников, многие относят его к категории незаконного поведения. В недавнем отчете британского Национального общества по предотвращению жестокого обращения с детьми (NSPCC) утверждается, что дети и молодые люди «могут просматривать изображения сверстников того же возраста, которые можно классифицировать как соответствующие возрасту, хотя и незаконные, сексуальные изображения». поведение» (NSPCC, 2016, стр. 13-14). Эта незаконность была поставлена под сомнение на основании того факта, что секстинг по обоюдному согласию является обычным поведением среди детей и молодых людей, которые ведут половую жизнь и/или имеют личный доступ к мобильным телефонам (Австралийский институт семейных исследований [AIFS], 2015; McGovern et al., 2016). Макговерн и др. (2016) консультировались с австралийскими молодыми людьми, чтобы изучить их опыт секстинга, и обнаружили моральный и гендерный элемент в рекомендациях по управлению рисками, а также несоответствия между восприятием секстинга взрослыми (и средствами массовой информации) и восприятием самих молодых людей.

Исследования онлайн-поведения австралийских подростков 11–16 лет показали:

- л девять процентов получили секст;
- л шесть процентов «попросили поговорить с кем-нибудь о сексуальных действиях в Интернете»; пять
- л процентов «видели, как другие совершают сексуальные действия в сообщении»; и
- л три процента «попросили сфотографировать или снять на видео их «интимные места»» (Green et al., 2011, стр. 9).

Аналогичным образом, исследования, проведенные в сопоставимых странах, показывают, что:

- л двадцать четыре процента канадских подростков в возрасте 12–16 лет получили секст, а 8% отправили секст о себе кому-то другому (Стивс, 2014с, стр. 5);

- л Двенадцать процентов 11–16-летних подростков в Великобритании сфотографировались топless, 4% сфотографировались обнаженными ниже пояса и 3% сфотографировались полностью обнаженными (Martellozzo et al., 2016, с. 10).

Семь процентов детей из Великобритании, перечисленных выше, поделились этими изображениями с другими (Martellozzo et al., 2016). Австралийский институт криминологии (AIC; 2011) выразил обеспокоенность по поводу нормализации отношения молодых людей к обмену своими изображениями в Интернете. Ссылаясь на австралийскую статистику за 2007 год, AIC отметила, что:

- л пятьдесят восемь процентов детей были готовы делиться своей информацией или фотографиями в Интернете; и
- л сорок семь процентов детей чувствовали себя комфортно, когда другие делились их информацией или фотографиями в Интернете без их явного разрешения (AIC, 2011).

Купер и др. (2016, стр. 707) описал сайты социальных сетей и социальные сети в целом как «предоставляющие платформу для многих социальных взаимодействий подростков и все чаще их сексуальных исследований и поведения». Авторы предположили, что «дискурс нормальности» поддерживает восприятие молодыми людьми секстинга по обоюдному согласию «как нормальной, современной формы сексуального самовыражения и интимного общения в рамках романтических и сексуальных отношений» (2016, стр. 709). Эту теорию можно применить к исследованию девочек 11–18 лет в Финляндии, которые сообщили, что «сексуальные сообщения, ролевые игры, киберсекс-эксперименты и дискуссии, связанные с сексом среди сверстников, были определены как развлечение и удовольствие» (Nielsen, Paasonen, & Списака, 2015, с. 472). В том же исследовании сообщалось, что респонденты обнаружили, что «сообщения от неизвестных людей, идентифицированных как взрослые, часто обсуждались как неприятные или «жуткие»» (Нильсен, Паасонен и Списака, 2015, стр. 472).

Хотя нормализация сексуального обучения и игр посредством секстинга широко распространена в некоторых сообществах, распространение и обмен секстами без согласия могут нанести длительный «эмоциональный и репутационный ущерб» (Lee & Crofts, 2015, стр. 454) молодым людям и «правовые, социальные и психологические последствия» (Абели и др., 2014, стр. 8). Например, личные секс-сообщения, отправленные между двумя молодыми людьми, состоящими в интимных отношениях, могут быть распространены «после окончания отношений» (Cooper et al., 2016, стр. 711). Соответствующее обсуждение сексуального насилия с использованием технологий, включая распространение интимных изображений, таких как сексты, без согласия, представлено ниже.

Гендерные различия

Секстинг как форма цифрового общения, которая является «добровольной или непроизвольной, серьезной или юмористической, публичной или частной, тривиальной или значимой, приятной или вредной», несет в себе риски и проблемы для онлайн-детей и молодых людей (Livingstone & Gorzig, 2012, р. 152). Исследования, проведенные в Великобритании, показывают, что наибольшему риску подвергаются девочки и молодые люди разной сексуальной ориентации и пола:

- л Девочек чаще просят сфотографироваться обнаженными, тогда как мальчиков просят реже (Horvath et al., 2013; Martellozzo et al., 2016).
- л Молодые люди ЛГБТКИ+ чаще отправляют обнаженные селфи, чем гетеросексуальные молодые люди (Horvath et al., 2013; Rice et al., 2012).

Ли и Крофтс (2015) утверждали, что давление группы сверстников оказывает значительное влияние на поведение в сфере секстинга, особенно на девочек. Действительно, недавнее исследование, проведенное в Великобритании, показало, что девушки чувствуют давление, заставляющее раскрывать личную информацию и быть привлекательными в онлайн-пространстве. Установлено, что у детей в возрасте 12–15 лет:

- л четыре процента девочек «чувствовали необходимость отправить кому-то фотографии или другую информацию» по сравнению с 0% мальчиков (Ofcom, 2015, стр. 116);
- л десять процентов девочек чувствовали «принуждение казаться популярными или привлекательными» в Интернете по сравнению с 4% мальчиков (Ofcom, 2015, стр. 109).

Киберзапугивание

Киберзапугивание определяется как «запугивание, осуществляемое с использованием технологий, включая такое поведение, как преследование другого человека через мобильный телефон или сайт социальной сети в Интернете, создание клеветнического веб-сайта или намеренное исключение кого-либо из взаимодействия в социальных сетях» (Австралийское исследование) Альянс детей и молодежи [АРАСИ], 2014, стр. 9). Киберзапугивание может включать в себя «прямые, преднамеренные и агрессивные виды запугивания, а также более мягкие или косвенные проявления, такие как флейминг, выдача себя за другое лицо или социальная изоляция» (Nansen et al., 2012, стр. 244). Необходимо иметь отдельное определение киберзапугивания и важно концептуализировать его в терминах, отличных от издевательств в реальной жизни (Фрид и др., 2015, стр. 2). Как Фрид и др. (2015) утверждали, что «традиционные аспекты личного издевательства, такие как повторение и дисбаланс власти, труднее определить в киберконтексте» (Fridh et al., 2015, стр. 2).

The *Дети Австралии онлайн* исследование показало:

- л двадцать девять процентов детей и молодых людей в возрасте 9–16 лет подвергались издевательствам, «и 13% говорят, что это происходило в Интернете»;
- л семь процентов сообщили, что киберзапугивание происходило посредством «неприятных или оскорбительных сообщений, отправленных ребенку»; четыре процента заявили, что сообщения были «размещены или переданы»; и
- л три процента заявили, что им угрожали в Интернете (Green et al., 2011, стр. 9).

В более недавнем отчете АСМА отмечается:

- л четыре процента девятилетних детей подвергались киберзапугиванию; двадцать один процент подростков в
- л возрасте 14–15 лет подвергались киберзапугиванию; шестнадцать процентов подростков в возрасте 16–17 лет
- л подвергались киберзапугиванию (АСМА, 2013).

АСМА (2008) обсудила идею онлайн-этикета или « сетевого этикета » (Nansen et al., 2012) как ключевого фактора цифрового участия детей и молодежи. Он определил сетевой этикет как «надлежащее и ответственное поведение в сети» (АСМА, 2008, стр. 51). Поощрение детей и молодых людей брать на себя «ответственность за участие в онлайн-издевательствах» было отмечено как важное в дискуссиях о поведении и рисках в Интернете (Nansen et al., 2012, стр. 239). Действительно, поддержка детей и молодых людей в принятии на себя ответственности за свое поведение в Интернете может минимизировать риски для их цифрового благополучия, поскольку это «является защитным фактором для здоровья, связанным с более низкой распространенностью как кибер-виктимизации», так и традиционной виктимизации из-за издевательства (Fridh et al. ., 2015, с. 2; Нансен и др., 2012).

Большинство молодых людей, подвергшихся киберзапугиванию, сообщили о таком поведении своим родителям/опекунам или друзьям (АСМА, 2013). Дети младшего возраста в возрасте 8–9 лет «также имели тенденцию рассказывать об этом своему учителю» (АСМА, 2013). *Дети ЕС онлайн* проект обнаружил, что из всех онлайн-рисков, с которыми сталкиваются дети и молодые люди в возрасте 9–16 лет, «онлайн-запугивание привело к тому, что наибольшая доля детей расстраивалась, а «секстинг» и порнография воспринимались как менее расстраивающие» (Ливингстон и др., 2014, с. 272).

Существуют проблемы, связанные с раскрытием детьми и молодыми людьми информации о киберзапугивании, характеризующиеся мнением, что родители/опекуны не понимают их онлайн-реальности (Dunkels, et al., 2011). Авторы отметили, что киберзапугивание особенно беспокоит здоровье и благополучие молодых людей из-за того, что они назвали «постоянным присутствием», что подчеркивает, «что киберзапугивание потенциально может продолжаться целый день и преследовать ребенка в школе, а также на уроках». дома» (Dunkels и др., 2011, стр. 9). В этом смысле жертвам «негде спрятаться, и они могут стать жертвами в любое время и в любом месте» (Dunkels, et al., 2011, стр. 9).

Гендерные различия

В Соединенном Королевстве девочки в возрасте 12–15 лет больше беспокоились о киберзапугивании, чем мальчики того же возраста:

- л тридцать процентов девочек не любили «людей, распространяющих сплетни и слухи» по сравнению с 19% мальчиков; и
- л двадцать три процента девочек не любили, когда «люди были противными, подлыми или недобрыми по отношению к другим» по сравнению с 13% мальчиков (Ofcom, 2015, стр. 109).

Эта тенденция повторяется у канадских детей в возрасте от 9 до 16 лет, из которых «девочки с большей вероятностью будут обеспокоены расистскими или сексистскими комментариями, тогда как мальчики с большей вероятностью будут считать их безобидными» (Steeves, 2014b, стр. 5). Кроме того, было обнаружено, что девочки расстраиваются больше, чем мальчики, «когда в их адрес отпускают расистские или сексистские шутки» (Steeves, 2014b, стр. 6). Более того, было обнаружено, что мальчики «в три раза чаще, чем девочки, проявляют грубость или жестокость по отношению к кому-либо в Интернете, высмеивая его расу, религию, этническую принадлежность или сексуальную ориентацию или подвергая его сексуальным домогательствам» (Стивс, 2014b, стр. 6).

Незнакомцы онлайн

Онлайн-контакты с незнакомцами являются одним из основных рисков, связанных с цифровой деятельностью детей и молодых людей (Dunkels, et al., 2011; Green et al., 2011; Livingstone et al., 2014; Priebe, Mitchell, & Finkelhor, 2013). . Такой риск может возникнуть в результате нежелательного контакта, инициированного взрослым, и/или рискованного поведения со стороны ребенка или молодого человека. Первое обычно концептуализируется как онлайн-хищники, пытающиеся ухаживать за детьми в чатах и на сайтах социальных сетей (Boyd, 2014). Последнее относится к активному участию детей и молодых людей в социальных сетях, посредством чего они ищут «новых друзей в Интернете» или добавляют «неизвестных в список своих друзей или адресную книгу» (АСМА, 2013). АСМА обнаружила, что такое поведение «усиливается с возрастом»:

- л Примерно четверо из десяти подростков в возрасте 14–17 лет в 2012 году вели себя подобным образом.
- л Те, «с наибольшей вероятностью отправят фотографии или видео кому-то, с кем они никогда не встречались лично», были подростки в возрасте 14–15 лет (АСМА, 2013).

Кроме того, *Дети Австралии онлайн* Исследование, проведенное среди австралийских детей 9–16 лет, показало:

- л тридцать четыре процента «контактировали в Интернете с кем-то, с кем они не встречались лично»; и в этой когорте
- л подростки в возрасте 13–16 лет подвергались большему риску такого контакта (Green et al., 2011, стр. 9).

Гендерные различия

Исследования, проведенные в Канаде и Великобритании, выявили значительные различия в том, как девочки и мальчики воспринимают и испытывают риски онлайн-контактов, особенно нежелательное внимание и киберзапугивание со стороны незнакомцев. Например, когда их спросили о встречах с незнакомцами в Интернете, выяснилось, что канадские дети и молодые люди в возрасте 9–16 лет:

- л восемьдесят два процента девочек считали, что «незнакомцы в сети могут причинить им вред» по сравнению с 63% мальчиков; и девочки
- л «менее склонны воспринимать Интернет как безопасное место», чем мальчики (Стивс, 2014а, стр. 5).

Кроме того, среди детей в возрасте 12–15 лет в Великобритании больше девочек осознавали риск стать жертвой:

- л пятнадцать процентов девочек были обеспокоены тем, что незнакомцы в сети получили доступ к их личной информации, по сравнению с 7% мальчиков (Ofcom, 2015);
- л четырнадцать процентов девочек были обеспокоены тем, что «люди притворяются мной/взламывают мою учетную запись» по сравнению с 6% мальчиков (Ofcom, 2015, стр. 109); и
- л одиннадцать процентов девочек «лично связывались в Интернете с кем-то, кого они не знают» по сравнению с 5% мальчиков (Ofcom, 2015, стр. 116).

Сексуальное насилие, поддерживаемое технологиями

Несмотря на то, что в средствах массовой информации используется термин «порноместь», что привело к его широкому распространению в общественном достоянии, в этом исследовании сознательно используется термин «сексуальное насилие с помощью технологий», чтобы отразить диапазон видов деятельности, которые оно охватывает, и опыт, который он охватывает. из пострадавших. Многие считают, что термин «порноместь» является неправильным, поскольку он не охватывает весь спектр сексуального насилия, ставшего возможным благодаря быстрому развитию цифровых технологий (Clough, 2016; Funnell, 2015; Справочный комитет Сената по правовым и конституционным вопросам, 2016).

Определение

Первоначально считалось, что порноместь предполагает «распространение недовольным партнером в Интернете без согласия бывшего партнера (жертвы) фотографии или видео, изображающих жертву обнаженной или вступающей в половой акт» (Гоцис, 2015, с. 2). Однако текущие исследования показывают ряд мотивов и преступников, которые неточно отражены этим термином. С другой стороны, сексуальное насилие, поддерживаемое технологиями, отражает спектр оскорбительного поведения, которое может совершаться «знакомыми или незнакомцами, которые распространяют изображения с целью принуждения, шантажа, унижения или смущения другого человека, или тех, кто распространяет изображения для сексуального удовлетворения». , развлечение, общественная известность или финансовая выгода» (Генри, Флинн и Пауэлл, 2015, стр. 3). Такие вопросы непропорционально затрагивают женщин и девочек, что помещает их в более широкую структуру насилия в отношении женщин (Bates, 2016; Clough, 2016; Funnell, 2015; Powell & Генри, 2016). Таким образом, исследователи предполагают, что явление, известное как «порноместь», правильнее было бы назвать «сексуальным насилием, осуществляемым с помощью технологий, с участием *распространение без согласия изображений интимного и/или откровенного характера с целью причинения вреда*» (Клаф, 2016 г.; Пауэлл и Генри, 2016).

Действия, которые обычно относят к сексуальному насилию с применением технологий, включают ситуации, в которых преступник:

- л сознательно или по неосторожности записывает интимное изображение без согласия;
- л сознательно или по неосторожности делится интимными изображениями без согласия; и
- л угрожает сделать и/или поделиться интимными изображениями без согласия, независимо от того, существуют ли эти изображения (Справочный комитет Сената по правовым и конституционным вопросам, 2016).

Согласие является ключевым моментом в приведенном выше списке, а определения как «согласия», так и «интимного» имеют решающее значение для законодательства, регулирующего сексуальное насилие с использованием технологий. Как отметил директор государственной прокуратуры Содружества, даже материалы личного или интимного характера могут вызвать аналогичные страдания, если распространяться без согласия (Henry et al., 2015).

Сенатское расследование феномена, в просторечии называемого порноместью, дало разъяснение относительно того, что можно назвать интимным изображением, заявив, что оно «может варьироваться в зависимости от общественных стандартов», и использовало пример мусульманки без хиджаба как менее -нетипичный интимный образ (Справочный комитет Сената по правовым и конституционным вопросам, 2016, стр. 2). В исследованиях сексуального насилия с использованием технологий также может использоваться термин «сексуальная эксплуатация на основе изображений» вместо «порномести», поскольку он переформулирует проблему, сосредоточив внимание на преступнике, и охватывает более широкий спектр поведения (Henry & Powell, 2016).

Гендерные различия

Сексуальное насилие с применением технологий в основном затрагивает женщин и девочек и в основном совершается мужчинами и мальчиками (Clough, 2016). Таким образом, оно рассматривается как охватывающее новые формы сексуального насилия и/или насилия в семье, особенно сексуальное насилие с участием более чем одного преступника и насилие со стороны интимного партнера (Bates, 2016; Citron & Franks, 2014; Funnell, 2015; Powell & Генри, 2016). Как и в случае с более традиционными формами насилия в отношении женщин, распространение интимных изображений без согласия имеет долгосрочные последствия во многих контекстах, начиная от чувства стыда за то, что его публично характеризуют как «сексуально доступный, сексуально выразительный или сексуально покорный» (Урбас, Урбас, & Boer, 2015, стр. 2) к «потере трудоустройства или будущих перспектив трудоустройства» (Генри и др., 2015, стр. 3). В контексте домашнего насилия сексуальное насилие с использованием технологий может использоваться «как средство угрозы, принуждения или контроля над женщинами» (Пауэлл и Генри, 2016, стр. 6), вынуждая их «участвовать в действиях без согласия, оставаться в отношениях или воздерживаться от предъявления уголовных обвинений» (Генри и др., 2015, стр. 3). Последствия такой виктимизации для психического здоровья также аналогичны тем, которые испытывают жертвы/пережившие контактное сексуальное насилие, и включают такие заболевания, как посттравматическое стрессовое расстройство и клиническая депрессия (Bates, 2016).

Хотя важно отметить, что мальчики и мужчины также страдают от сексуального насилия с помощью технологий, исследования показывают, что «женщины и девочки могут стать жертвами определенных форм цифрового насилия (например, сексуального насилия или порнографии) именно из-за их пола и намерение преступника «позорить шлюху»» (Henry & Powell, 2016, стр. 399). Кроме того, серьезный вред жертвам, такой как «преследование, потеря профессиональных и образовательных возможностей, а также психологический ущерб», усугубляется дальнейшим риском причинения вреда тем, кто рассказывает о своем опыте (Citron & Franks, 2014, стр. 347). Последствия сексуального насилия с применением технологий сами по себе носят гендерный характер, «поскольку женщины и девочки могут испытывать неблагоприятные последствия из-за существования устаревших мифов и ожиданий, касающихся сексуальных норм и ожиданий, особенно в отношении женщин» (Генри и Пауэлл, 2016, стр. 399). Этот момент подчеркивается в исследованиях сексуального насилия с применением технологий в США. Тщательный анализ судебных дел и количественных исследований, проведенных в США, показал, что это «затрагивает женщин и девочек гораздо чаще, чем мужчин и мальчиков, и создает для них гораздо более серьезные последствия» (Citron & Franks, 2014, стр. 348).

Влияние на молодых людей

Национальный опрос 600 молодых девушек и женщин в возрасте 15–19 лет выявил гендерные закономерности в сексуальном насилии, содействуемом технологиями, что делает эту группу особенно уязвимой для обмена их интимными изображениями без согласия (Plan International Australia & Our Watch, 2016). Более половины респондентов опроса «согласились, что девушек часто заставляют делать свои «сексуальные» фотографии и делиться ими», и такие запросы «почти всегда были нежелательными и незваными» (Plan International Australia & Our Watch, 2016, стр. 3). Другие исследования показывают, что «молодые люди в возрасте 18–24 лет с большей вероятностью, чем другие возрастные группы, подвергаются цифровым преследованиям и насилию» (Пауэлл и Генри, 2016, стр. 1), и что сами молодые люди признают наличие двойных гендерных стандартов в отношении секстинга и насилия. распространение изображений без согласия (McGovern et al., 2016).

Существует дополнительная обеспокоенность тем, что нормализация секстинга может привести к эксплуататорским действиям, совершаемым взрослыми в отношении детей и молодежи. Пауэлл и Генри выражают обеспокоенность по поводу «сексуальной эксплуатации» или «сексуального вымогательства» молодых людей, часто со стороны взрослых преступников, когда сексуальные образы [используются] для принуждения молодежи к контактному сексуальному насилию или в ситуациях, когда взрослые создают «ложную картину», онлайн-идентификацию с целью получения от молодого человека изображений сексуального характера, содержание которых затем используется как угроза для получения дальнейших изображений (2016, стр. 3–4).

Кроме того, случаи оскорбительного сексуального поведения, когда дети и молодые люди принимали участие в принудительном секстинге и обмене интимными изображениями без согласия, недавно стали юридическими дилеммами (Powell & Генри, 2016). Обеспокоенность по поводу применения уголовного законодательства к детям и молодым людям в случаях секстинга была отмечена в дискуссиях о юридическом управлении сексуальным насилием с использованием технологий, и общепринято, что к делам с участием молодых людей в возрасте до 18 лет следует относиться по-другому, к делам с участием взрослых (Генеральная прокуратура, 2015 г.; Справочный комитет Сената по правовым и конституционным вопросам, 2016 г.).

Молодежная культура и цифровая культура

Развитие цифровых технологий – особенно потому, что они стали «более конвергентными, мобильными и индивидуализированными» – повлияло на изменения в молодежной культуре (Boyd, 2014; Livingstone & Haddon, 2012, стр. 4). Современные дети и молодые люди «регулярно и эффективно используют Интернет» и часто конструируются как ведущие цифровую жизнь, дополняющую их существование в автономном режиме (Моссбергер, Толберт и МакНил, 2008, стр. 1). Цифровая жизнь протекает в онлайн-новых «сетевых публиках», где дети и молодые люди выражают себя и взаимодействуют с другими (Boyd, 2014). Точно так же, как «публичная культура связывает участие в популярной культуре с практикой участия в общественной сфере», сетевая публика «способствует развитию общественной идентичности и

практики в Интернете, основанные на дружбе» (Купийнен, Суонинен и Никунен, 2012, стр. 99). Отделение молодого человека от его родителей/опекунов в сетевых сообществах играет решающую роль в построении идентичности, а цифровые технологии создали «виртуальный мир, в котором группы детей младшего возраста (и старше) живут вместе. *без их семьи*» (Флир, 2011, стр. 18).

Сетевые сообщества демонстрируют центральную роль Интернета в образе жизни, особенно в социальном взаимодействии (Boyd, 2014). Это имеет особое значение в проекте построения идентичности в подростковом возрасте и ранних способах самопрезентации в группах сверстников. Как утверждает Бойд (2014, стр. 201), люди «развивают понимание того, что является нормативным, коллективно корректируя свое поведение на основе того, что они видят в обществе, в котором живут и которое понимают». Сетевая общественность представляет собой серьезную проблему в этом отношении, поскольку молодые люди «борются с тем, что значит *быть общественным* и *быть в общественности*» (Бойд, 2014, стр. 204). Действительно, о «неизвестной бесконечной аудитории» Интернета легко забыть, особенно детям и молодым людям, которые пользуются социальными сетями. Построение онлайн-я и преодоление разрыва между публичным и частным контекстами являются основными проблемами современного цифрового поколения и будут обсуждаться в следующих разделах.

Создание онлайн-я

Основная задача детей и молодых людей уже давно описывается как задача построения идентичности (Boyd, 2014; James, 2009). Как заявили Капиджич и Херринг (2011, стр. 959), «подростковый возраст является решающим периодом в формировании и распространении идентичности». Экспериментирование составляет значительную часть этой задачи, поскольку как императив развития, «и нестабильность их «я» мотивируют [молодых людей] экспериментировать со своей идентичностью и самопрезентацией». (Кирвил и Лаурис, 2012, стр. 113). Кирвил и Лаурис (2012, стр. 113) писали о трёх аспектах экспериментирования:

- л социальная компенсация: «преодолеть застенчивость, трудности в общении или другую слабость»;
- л самоисследование: молодые люди перенимают «различные черты личности или идентичности, чтобы исследовать, как реагируют другие»; и
- л социальная помощь: «чтобы облегчить знакомства, приобретение друзей и формирование отношений» (2012, стр. 113).

Интернет идеально подходит для поддержки трех вышеупомянутых аспектов экспериментирования, поскольку «новые средства массовой информации предоставляют подросткам новые пространства для исследования идентичности» (Джеймс, 2009, стр. 24). Хорошо известно, что дети и молодые люди «используют онлайн-среду для изучения и экспериментирования с элементами своей идентичности, примеряя новые личности, характеристики и физические формы» (Бонд, 2010; Бойд, 2014; Флир, 2011; Кац и др.)., 2015, стр. 579; Линкольн и Робардс, 2016; Махири, 2011; В своем исследовании того, как Интернет помогает молодым людям развивать самосознание, Кац и др. (2015) рассказали о работе по созданию идентичности и о том, как Интернет поддерживает самовыражение. Они писали: «Самовыражение идентичности происходит во многих различных форматах, поскольку молодежь загружает тексты, изображения и видеоартефакты и взаимодействует с другими на досках обсуждений, в социальных сетях и других сообществах» (Кац и др., 2015, стр. 579).

Кроме того, Интернет поддерживает практику онлайн-анонимности, что может привести к большей подверженности риску и негативному онлайн-опыту (Dunkels et al., 2011; James, 2009). Молодые люди, у которых есть возможность представить фальшивые или измененные личности в Интернете, часто предпочитают вместо этого представить «аспекты своей оффлайновой личности» (Джеймс, 2009, стр. 24). Данкелс и его коллеги обнаружили, что «концепция анонимности не так проста, как может показаться. Часто, когда мы говорим об онлайн-анонимности, мы на самом деле имеем в виду псевдонимность, которая означает, что человек взял псевдоним» (2011, стр. 8). Хотя анонимность разрешена и даже поддерживается в онлайн-пространстве, дети и молодые люди воссоздают аспекты своей реальной идентичности в своих онлайн-идентичностях, особенно в отношении этнической принадлежности, класса и пола (Andersson et al., 2015). Действительно, Бойд утверждал, что «то, что подростки делают в Интернете, не может быть отделено от их более широких желаний и интересов, взглядов и ценностей» (2014, стр. 202).

Однако молодые люди особенно участвуют в «экспериментах по идентичности», посредством чего они модифицируют или изменяют аспекты своей идентичности в Интернете (Katz, et al., 2015; Kirwil & Laouris, 2012). Кац и его коллеги использовали пример девочки-подростка, представившейся «старше, чтобы ее воспринимали всерьез в политической дискуссии», который авторы описали как эксперимент по идентичности, поддерживающий саморефлексию через реакцию аудитории (2015, стр. 579).

Однако эксперименты по идентификации также могут нести в себе высокий уровень риска. Например, Кирвил и Лаурис (2012) обнаружили, что дети и молодые люди могут иметь негативный онлайн-опыт в результате экспериментов с идентичностью. Авторы сообщили, что:

- л Двадцать восемь процентов «детей, которые экспериментировали со своими «я», притворяясь людьми другого типа в сети... пострадали после встречи со своими контактами в оффлайне», по сравнению с 14% «детей, которые не экспериментировали таким образом».
- л Девяносто процентов детей, которые использовали сайты социальных сетей и «притворялись людьми другого возраста», имели негативный опыт «в результате воздействия сексуальных изображений» (Кирвил и Лаурис, 2012, стр. 121).

Эксперименты по идентичности являются результатом «эффекта онлайн-расторжения» (Suler, 2004), который исследователи объяснили как «тот факт, что мы действуем менее сдержанно в Интернете» (Dunkels et al., 2011, стр. 8). Кац и др. (2015, стр. 579) заявили, что молодые люди изобретательны в своем онлайн-поведении и «сохраняют свою онлайн-идентичность, одновременно занимаясь саморефлексией и управлением впечатлениями». Однако «уязвимость идентичности лежит в основе многих психологических экспериментов молодежи» (Abbott-Chapman & Robertson, 2009, стр. 420) и может привести к онлайн-вреде, наносимому детям и молодым людям.

Группы сверстников и осведомленность аудитории

Совместное построение идентичности является важным аспектом обучения и социализации и может происходить посредством самопрезентации детей и молодых людей и осведомленности аудитории в их цифровой жизни (Abbott-Chapman & Robertson, 2009). Многие исследователи значения взаимодействия молодых людей с новыми технологиями и поведения в Интернете применяли теории самопрезентации и перформативности Гоффмана (1959) (Abbott-Chapman & Robertson, 2009; Boyd, 2012; Hogan, 2010; Lincoln & Robards, 2014). Марвик и Бойд, 2010; Большая часть работ Гоффмана вращалась вокруг качеств личности, зависящих от аудитории, то есть того, как «аудитория часто воображается и конструируется человеком, чтобы представить себя соответствующим образом» (Marwick & Boyd, 2010). Таким образом, «самопрезентация – это *совместный*» (Марвик и Бойд, 2010, стр. 123). Такие ученые, как Марвик и Бойд (2010, стр. 123), отмечают важность реакции сверстников на проект построения идентичности, при котором «люди обычно следят за тем, как люди реагируют на них, когда представляют себя».

Дети и молодые люди склонны копировать одни и те же сети сверстников в своей цифровой жизни и физическом мире (Boyd, 2014; Robards & Bennett, 2011). Несмотря на то, что дети и молодые люди взаимодействуют с одними и теми же сетями сверстников как онлайн, так и офлайн, они с большей вероятностью экспериментируют и выражают себя онлайн из-за растормаживающего эффекта Интернета. Поведение молодых людей в сети является продуктом конструкций — как их самих, так и их аудитории, — часто отражающих вариации их поведения в реальной жизни. Реакция сверстников имеет решающее значение для формирования идентичности в детстве и подростковом возрасте. В раннем детстве Гарвис (2015, стр. 30) обнаружил, что социальное взаимодействие способствует «формированию знаний способами, подходящими для развития». Аналогичным образом, положительная поддержка со стороны сверстников и семьи важна для формирования идентичности, связанной с подростковом возрасте. Как отмечают Бар и Пендергаст, «сверстники являются мерилем того, насколько успешной была экспериментальная идентичность» (2007, стр. 159).

Публичное и частное в онлайн-контексте

Цифровую жизнь детей и молодых людей нельзя отделить от их развития как личности и социального существа (Boyd, 2014; Buckingham, 2013). Размытая грань, разделяющая онлайн- и офлайн-контексты, означает, что осведомленность аудитории важна для детей и молодых людей в то время, когда они делают первые шаги в экспериментировании с идентичностью и отношениями. Эксперименты и обучение молодых людей усложняют онлайн-контекст, особенно из-за создания цифрового следа или долгосрочного эффекта поведения в Интернете. Идея постыдного поведения и/или смущения, влияющего на будущую репутацию, не является новой для теорий построения идентичности и самопрезентации в подростковом возрасте. В прошлом дети и молодые люди экспериментировали с самопрезентацией в частных офлайн-пространствах «внутри ограниченного круга близких людей» (Abbott-Chapman & Robertson, 2009, стр. 420). Хотя эксперименты по самопрезентации в более традиционных местах не всегда безопасны, они вряд ли станут достоянием общественности.

Размытые границы между физическим и виртуальным миром для молодых людей, «которые используют личное пространство для исследования и самовыражения» (Lincoln & Robards, 2014, стр. 931–2), могут привести к деятельности с высоким уровнем риска. Исследование того, как молодые люди обсуждают публичное и личное в своей онлайн-жизни, показало, что они «иногда «забывают» аудиторию, что может «вызывать неловкие ситуации» (Lincoln & Robards, 2014, стр. 935). Линкольн и Робардс (2014, стр. 936) писали, что «молодые люди управляют своей идентичностью в различных контекстах, в которых им приходится думать и переосмысливать свои стратегии контроля, иногда в контексте смущения». Такие многочисленные контексты относятся к различным онлайн- и офлайн-сайтам, а также к перекрытию общедоступных и частных доменов (Lincoln & Robards, 2014; Pearson, 2009; Vitak, 2012). Наиболее распространенное размытие публичного и частного контекста происходит, когда молодые люди выходят в Интернет из своей спальни, таким образом связывая домашнее пространство с киберпространством, что делает «различия между «внутри» и «снаружи» и «частное и публичное пространство кажутся излишними или хотя бы жидкий» (Эбботт-Чепмен и Робертсон, 2009, стр. 421).

Взаимодействие онлайн- и офлайн-контекста влияет на то, как молодые люди используют Интернет (и сайты социальных сетей) как безопасное место для экспериментов со своей идентичностью и поведением. Деятельность в социальных сетях подкреплена процессами самопрезентации, которые «никогда не строятся на пустом месте» (Boyd, 2014, стр. 4). Было отмечено, что офлайн-контексты «ограничены во многих отношениях», в отличие от онлайн-контекста.

увеличивая их привлекательность (Джеймс, 2009, стр. 23). Например, Джеймс (2009) отметил, что такие факторы, как время, местоположение и возможности, ограничивают возможности детей и молодых людей общаться и выражать свою идентичность в офлайн-контексте. Бонд (2010) назвал индивидуальные и персональные устройства, такие как мобильный телефон, связанными с понятием конфиденциальности, и написал, что они «стирают границы между взрослой жизнью и детством, публичным и частным», а также являются «фундаментальными для детей». построение самоидентичности» (с. 594–7). Преимущества и риски таких технологий подчеркивают необходимость эффективного обучения осведомленности аудитории и публичному/частному контексту, поскольку «природа публичности фактически меняется каждый день в жизни людей» в онлайн-пространстве (Boyd, 2010, стр. 205).

Социальные сети и коллапс контекста

Интернет-деятельность детей и молодежи, особенно в социальных сетях, может достичь непредусмотренной аудитории. Социальные сети идеально подходят для проекта построения идентичности, поскольку они позволяют молодым людям «доступ к своим друзьям», а также предоставляют «возможность быть частью более широкого общественного мира, физически находясь в своих спальнях» (Boyd, 2014), стр. 201).

Однако, хотя Болтон и др. (2013, стр. 247) утверждали, что использование молодыми людьми социальных сетей имеет решающее значение для их социального мира и индивидуального «регулируемого эмоций». Они отметили, что такая деятельность также влияет на «отношение к конфиденциальности». Ван Дейк (2013, стр. 51) заметил, что сайты социальных сетей «предлагают отдельным пользователям платформу для создания собственного образа и популяризации этого образа за пределами интимных кругов», и подчеркнул, что «популярность и раскрытие информации — две стороны одной медали.» Действительно, раскрытие информации и обмен информацией составляют значительную часть взаимодействия молодых людей с социальными сетями. Молодые пользователи социальных сетей, в частности, могут чувствовать, что у них есть некоторый выбор в отношении того, какие из их публикаций сможет просмотреть их аудитория, что описывается как чувство «символического контроля» (Lincoln & Robards, 2014, стр. 932). Однако даже молодые люди, хорошо осведомленные об аудитории, могут столкнуться с неловкими или вредными (а иногда и длительными) последствиями, если они неправильно оценивают свою онлайн-аудиторию и свой контроль над ней.

В социальных сетях сложно управлять несколькими онлайн-аудиториями, поскольку они часто «сводятся в одну однородную группу» в результате коллапса контекста (Витак, 2012, стр. 454). Коллапс контекста означает «слияние различных сложных социальных миров (состоящих из семьи, друзей, старых одноклассников, романтических интересов, коллег по работе и т. д.) в единую перформативную среду: профиль, который лежит в основе социальной сети. сайт» (Линкольн и Робардс, 2014, стр. 928). Коллапс контекста важен для понимания того, как молодые люди обсуждают свою онлайн-идентичность, поскольку платформы социальных сетей (в частности, Facebook, Twitter) помещают «работодателей и романтических партнеров в одну плоскость общения», заставляя «пользователей сегментировать аудиторию и представлять различные версии Я» (Витак, 2012, с. 452). Кроме того, «технологии социальных сетей сжимают множество аудиторий в единый контекст, затрудняя людям использование в Интернете тех же методов, которые они используют для обработки множественности в личном общении» (Marwick & Boyd, 2010, стр. 114). Например, в физическом мире молодые люди взаимодействуют со своими сверстниками «иным образом, чем когда они разговаривают со своей семьей или учителями» (Boyd, 2014, стр. 36).

Коллапс контекста концептуализируется как вопрос, требующий постоянного контроля со стороны детей и молодых людей, использующих социальные сети, и исследования показывают, что молодые люди часто «выражают конкретное, прагматичное понимание аудитории» (Marwick & Boyd, 2010, стр. 120). Действительно, молодые люди способны «договариваться с многочисленными, пересекающимися аудиториями, стратегически скрывая информацию... и пытаться изобразить как свою подлинную личность, так и интересную личность» (Marwick & Boyd, 2010, стр. 122).

Однако молодым людям часто трудно договориться о коллапсе контекста. Это потому, что «коллапс контекста, с которым подростки сталкиваются в Интернете, редко происходит в тот момент, когда конфликтующие зрители реагируют одновременно. Вероятность того, что они будут испытаны со временем, гораздо выше, поскольку новая аудитория читает сообщения в новом свете» (Boyd, 2014, стр. 33).

Хотя молодые люди могут соответствующим образом менять свое поведение в соответствии с воображаемой аудиторией и осуществлять символический контроль для управления настройками конфиденциальности в социальных сетях, природа Интернета не гарантирует долгосрочную безопасность. В этом смысле «технологии усложняют наши метафоры пространства и места, включая веру в то, что аудитория отделена друг от друга» (Марвик и Бойд, 2010, стр. 115).

Использование мобильного порно и секстинг

Повсеместное распространение смартфонов среди молодежи привело к «исторической конъюнктуре, в которой представления об идентичности, индивидуализме, образе жизни и социальности – а также их взаимосвязь с технологиями и медиа-практиками – требуют переосмысления» (Hjorth, Burgess & Richardson, 2012, р. 1). Мобильные телефоны — это одна из технологий, которая включает в себя автономную динамику, «создавая новые пути навигации в физическом пространстве» (Boyd, 2012, стр. 211). Действительно, мобильные телефоны описываются как «важная опора» для детей и молодых людей, которая «представляет правильный имидж на публике» и «обеспечивает пространство для повседневных выступлений молодых людей» (Бонд, 2010, стр. 599). Делимся и общаемся

Использование социальных сетей важно для современных сверстников детей и молодежи, и Бонд (2010, стр. 591) писал, что «отсутствие мобильного телефона... может привести к социальной изоляции». Бэкингом (2013, стр. 11) указан интересный парадокс: хотя «технологии предлагают родителям повышенный потенциал для слежки», покупая своим детям мобильные телефоны, «они также позволяют детям уклоняться от контроля» из-за увеличения числа неконтролируемых онлайн-захватов. время. Таким образом, «индивидуализированное предоставление технологий подрывает потенциал родительского контроля и посредничества» (2013, стр. 11).

Мобильные телефоны могут по-новому обеспечить детям и молодым людям «конфиденциальность, свободу и безопасность» (Бонд, 2010, стр. 591), но также было обнаружено, что они играют большую роль в подверженности молодых людей онлайн-порнографии (Хорват и др., 2013, с. 24). Хотя мобильные телефоны «необходимы для формирования, поддержания и манипулирования близкими, интимными отношениями», они также способствуют «обмену материалами сексуального характера, как загруженными из Интернета, так и созданными пользователями» (Бонд, 2010, стр. 599). Было обнаружено, что дети старшего возраста «потребляют мобильное порно, по всей видимости, вращаются вокруг процесса обмена сексуальным контентом со сверстниками» (Abelee et al., 2014, стр. 9).

Исследование, проведенное в Великобритании, в ходе которого детей и молодых людей в возрасте 11–17 лет спрашивали об их потреблении порнографии в Интернете, показало, что девочки смогли «наметить стратегии и модели поведения, позволяющие обеспечить свою безопасность в контексте производства и рассылки материалов сексуального характера» (Bond, 2010). с. 596). Молодые люди в исследовании Бонда (2010), особенно в возрасте 14–15 лет, обсуждали загрузку, обмен и просмотр «визуальных материалов сексуального характера» как часть «своей повседневной жизни, направленной на избавление от скуки, создание юмора и завоевание популярности». (с. 598). Действительно, все участники этого исследования (мальчики и девочки) «говорили о просмотре материалов сексуального характера через мобильные телефоны (хотя и не обязательно свои)» (стр. 598). Одним из выводов, вызывающих особую озабоченность в этом исследовании, была «готовая доступность материалов сексуального характера» в Интернете (стр. 598).

Другие исследователи сообщили о подобных выводах, например, о том, что дети старшего возраста теперь подвергаются большему риску воздействия онлайн-порнографии, поскольку у них больше шансов иметь собственное личное устройство, через которое они получают доступ к Интернету (Horvath et al., 2013). Некоторые исследователи, такие как Abelee et al. (2014) указали на изменения в порноиндустрии, вызванные цифровыми технологиями: «Мобильное порно — это большой бизнес. Секс-индустрия получает значительные доходы от производства и продажи порноконтента для мобильного рынка» (стр. 9).

Проекты формирования идентичности молодых людей часто подлежат «одобрению и принятию со стороны сверстников» (Cooper et al., 2016, стр. 710). Утверждалось, что «существует необходимость соответствовать секстингу и использованию мобильного порно, чтобы добиться признания сверстников, что свидетельствует о том, что оба вида поведения используются для демонстрации или получения статуса в группе сверстников» (Abelee et al., 2014, р. 9). Однако секстинг можно считать «проблемным только в том случае, если сообщения достигают непреднамеренных получателей или ими манипулируют с целью причинения вреда»; трудно провести различие между секстами, которые являются «веселыми» и «принудительными» (Ливингстон и Горциг, 2012, стр. 152). Сексуальное развитие молодых людей важно для их проекта построения идентичности, и хотя такие задачи, как социализация, являются деятельностью на протяжении всей жизни, их роль в первые годы жизни человека особенно значительна. Таким образом, «взаимосвязь между использованием и воздействием средств массовой информации и сексуальным развитием подростков» (Abelee et al., 2014, стр. 7) является ключом к нашему пониманию жизни детей и молодых людей.

Исследования влияния порнографии на детей и молодых людей

Ключевые вопросы интерпретации литературы

В ходе исследования и интерпретации литературы было выявлено несколько проблем. Ключевыми вопросами были: понимание содержания порнографии, различия в определениях, образцах и методах, негативизм и предвзятость сексуальной морали, критическая грамотность и свобода действий молодых людей, а также понимание вреда в контексте.

Содержание порнографии

Существует много разных видов порнографии, «как профессиональных, так и любительских, и они включают в себя широкий спектр жанров, таких как эротика, хардкор, групповой секс, гомосексуализм, лесбиянство, БДСМ, женоненавистничество, феминизм и гомосексуализм» (Hare et al., 2014, с. 148). Подавляющее большинство порнографического контента в Интернете носит гетеросексуальный характер, создается мужчинами для мужчин, не предполагает использования презервативов, изображает секс как инструмент и может быть отнесено к категории унижающих достоинство или эксплуатации женщин.

В ходе контент-анализа 45 случайно выбранных бесплатных порнографических видеороликов с 15 популярных (гетеросексуальных) веб-сайтов Горман, Монк-Тернер и Фиш (2010) обнаружили, что презервативы использовались редко, только в 2% сцен. Их анализ также показал, что большинство исполнителей были белыми (76%), большинство фильмов были профессионального качества.

(61%) и, скорее всего, с участием двух актеров (56%). Наиболее часто изображаемыми половыми актами были стимуляция гениталий (90%), фелляция (79%) и вагинальный половой акт (68%), за которыми следовали поцелуи (50%), женская мастурбация (38%), куннилингус (37%), анальный половой акт (32%) и мужская мастурбация (13%). В большинстве видеороликов женщины чаще были обнажены, чем мужчины (55%), а наиболее распространенными темами были мужчины в позиции доминирования или эксплуатации над женщинами (55%) и женщины в позиции подчинения (47%). Исследователи описывают это следующим образом:

Обычно актер-мужчина руководил происходящими половыми актами. Это будет достигаться за счет того, что участник-мужчина будет перемещать женщину в любое желаемое положение или устно инструктировать женщину выполнять определенные действия или перемещать свое тело различными способами. (Горман и др., 2010, стр. 138)

Почти половина проанализированных видео включала женское рвение или готовность доминировать (49%) и эякуляцию на лицо участницы-женщины (45%). Аналогичный уровень изображенных сексуальных действий был обнаружен в ходе другого контент-анализа 100 бесплатных (гетеросексуальных) порнографических видеороликов с 10 популярных веб-сайтов (Vannier, Currie & O'Sullivan, 2014). Исследование Ванье и его коллег (2014) также отметило, что у большинства исполнителей-мужчин были ухоженные (46%) или отсутствовали (35%) лобковые волосы, а у женщин-исполнителей обычно не было лобковых волос (61%) или были ухоженные лобковые волосы (30%). Аналогичным образом было обнаружено, что использование презервативов «практически отсутствует»: оно встречается только в 2% видео (Vannier, et al., 2014, стр. 262). Исследователи также заметили, что во всех видео, где использовалось убеждение:

Актеры, выразившие нежелание или нерешительность, в конечном итоге были убеждены вступить в сексуальную активность и, казалось, получали удовольствие от сексуальной активности, которой они первоначально сопротивлялись. Эти изображения могут нормализовать то, что известно в исследовательской литературе как «символическое сопротивление». Символическое сопротивление определяется как возникающее, когда человек, обычно женщина, говорит «нет, хотя он имеет в виду да, и что его протесты не следует воспринимать всерьез». (Ванье и др., 2014, стр. 262)

В исследовании гендерного (не)равенства в интернет-порнографии Клаассен и Питер (2015) проанализировали 400 порнографических видеороликов с четырех наиболее посещаемых порнографических веб-сайтов и обнаружили, что мужчины чаще изображаются доминирующими (39%), а женщины — покорными. (43%). Крупные планы частей женского тела (61%) встречались гораздо чаще, чем крупные планы мужских частей тела (19%), что указывает на то, что в порнографических изображениях женщины инструментализуются (объективируются) чаще, чем мужчины (Klaassen & Peter, 2015). В этом исследовании насильственные действия по отношению к женщинам присутствовали в 37,2% сцен (по сравнению с 3%, в которых были изображены насильственные действия в отношении мужчин). Насилие по отношению к женщинам в проанализированных видео обычно включало шлепание (27%) или затыкание рта (19%). Реакция исполнительниц на эти действия была в основном нейтральной, «как будто это никак не повлияло» (Клаассен и Питер, 2015, стр. 728). Насильственные действия были обнаружены нечасто в образцах, исследованных Gorman et al. (2010) и Ванье и др. (2014), хотя каждый из них отмечает, что «жестокая порнография» представляет собой значительный поджанр гетеросексуальной порнографии, который доступен для поиска как таковой.

При сравнении содержания 50 DVD-дисков с гомосексуальной и 50 гетеросексуальной порнографией исследователи обнаружили, что контакт эякулята со слизистыми оболочками (включая слизистую оболочку полости рта, влагалища или ануса) значительно чаще встречается в гетеросексуальных видео (48%), чем в гомосексуальных видео (10%). (Грудзен и др., 2009). В этом исследовании презервативы также использовались значительно реже при гетеросексуальных (7%), чем гомосексуальных (64%) половых актах, что позволяет предположить, что гомосексуальные порнографические изображения гораздо чаще включают использование презервативов (Grudzen et al., 2009). Однако следует отметить, что гомосексуальная порнография без презервативов («без презерватива») представляет собой значительный поджанр гей-порнографии, принадлежащий меньшинству (см. Jonas et al., 2014).

Чтобы понять потенциальный вред порнографии, *содержание* быть потребляемым важно. Некоторые уместные вопросы включают в себя: изображаются ли действия как согласованные (как до, так и во время сексуальной активности)? Является ли контент жестоким? Изображаются ли женщины как объекты сексуального удовлетворения мужчин? Используются ли презервативы? Представлены ли какие-либо другие виды более безопасных сексуальных практик? Выглядит ли контент ласковым? Изображены ли отношения между сторонами? Какие отношения (т.е. между мужчиной, находящимся у власти, и женщиной, находящейся в подчиненном положении; они изображены как чужие)? Какие виды сексуальных удовольствий представлены и каким образом? Считаются ли изображенные действия культурно нормативными? Усиливают ли изображения расистские или сексистские стереотипы?

Определения

В разных исследованиях порнография, частое употребление и рискованное сексуальное поведение определяются по-разному, что затрудняет сравнение результатов. Часто не проводится различие между нежелательным воздействием и преднамеренным использованием. Мало что известно о *содержании* порнографии, просматриваемой подростками (что они на самом деле смотрят) (Owens et al., 2012; Peter & Valkenburg, 2016) или для кого ассоциации между порнографией и

¹ Исследователи определили насилие как «применение явной силы (например, кнутов, щипков, пощечин, выдергивания за волосы, связывания и ударов ногами» (Горман и др., 2010, стр. 135).

вредное воздействие является самым сильным. То есть «кто устойчив к сообщениям порнографии, а кто восприимчив?» (Питер и Валкенбург, 2016, стр. 526). Часто в исследованиях, описывающих последствия порнографии, не уделяется внимания «воспринимаемому реализму»; то есть, как потребители *понимают* этот материал и как это влияет на его восприятие. Например, в одном исследовании, посвященном использованию порнографии в фокус-группах с подростками, молодые люди описали этот материал как совершенно отдельный от их сексуальной жизни с другими людьми (Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010), оспаривая связь между использованием порнографии и сексуальными предпочтениями подростков. отношения и поведение.

Мы определяем «интернет-материалы откровенно сексуального характера» (SEIM) следующим образом: «онлайновые [изображения и] видео, которые открыто изображают сексуальные действия и гениталии и обычно предназначены для того, чтобы возбудить зрителя» (Hare et al., 2014, р. 148). SEIM «содержит широкий спектр явных, графических изображений действий, которые специально созданы для того, чтобы вызвать и усилить сексуальные реакции у потребителя» (Hare et al., 2014, стр. 148). Подростки могут по-разному определять, что считать порнографией; например, считаются ли неподвижные изображения обнаженных или полуобнаженных людей порнографией, или же порнография конкретно относится к изображениям сексуальных действий (Tomson, Byrne & Trust, 2014). Хотя для нас, возможно, было бы более уместным использовать фразу «интернет-материалы откровенно сексуального характера», было отмечено, что молодые люди лучше понимают термины «х-рейтинг» и «порнография» (Braun-Courville & Rojas, 2009).

Возможно, было бы более уместно использовать термин «порнография» (во множественном числе), чтобы подчеркнуть, что этот материал принимает множество различных форм и содержания (Barker, 2014).

В литературе термин «воздействие» используется по-разному для описания случайного (нежелательного) опыта, а также преднамеренного использования (потребление). Например, Питер и Валкенбург объясняют, что они используют воздействие для обозначения «активного, сознательного и целенаправленного контакта» (Питер и Валкенбург, 2006b, стр. 640), который мы бы назвали использованием или потреблением. Мы оставляем за собой возможность описать те события, связанные с SEIM, которые являются скорее случайными, чем преднамеренными.

Образцы

В литературе выборки исследований различаются по возрастным группам, а также по удобству, причем многие выборки составлены из студентов-психологов в США. Социально-политический и культурный контекст местонахождения образцов также важен. Два оппозиционных контекста провели больше всего исследований в этой области: во-первых, США, где сексуальный консерватизм доминирует в государственной политике, а половое воспитание, основанное только на воздержании, получает федеральное финансирование; и, во-вторых, Скандинавия (особенно Швеция и Нидерланды), где преобладают сексуально либеральные подходы к порнографии и подростковой сексуальности, а также более активное сексуальное образование. Оба эти подхода существенно отличаются от австралийского контекста, который, вероятно, чаще всего находится где-то между этими двумя подходами к порнографии и сексуальному образованию.

Методы

Во многих исследованиях отмечаются этические (и потенциально юридические) проблемы при проведении деликатных исследований с участием уязвимых групп населения, которыми являются исследования порнографии с участием несовершеннолетних. Например, они отмечают, что экспериментальные исследования на подростках не могут проводиться с этической точки зрения, и обычно уделяется большое внимание тому, чтобы не подвергать детей воздействию материала, с которым они еще не сталкивались (например, см. Livingstone et al., 2011). Два исследовательских отчета, в которых описывались для детей порнографические материалы или сценарии, не получили одобрения комиссий по этике человека (Romito & Beltrami, 2011; Tomson et al., 2014). В некоторых количественных исследованиях корреляции часто представляются так, будто использование порнографии является движущей силой или причиной проблемных отношений и поведения, особенно сексуального поведения, такого как случайный секс. Еще *объяснят* сексуальные практики и потребление порнографии могут быть связаны с индивидуальными предпочтениями, такими как сексуальный интерес. Корреляционные исследования не могут установить причинно-следственную связь, а лишь отмечают параллельные ассоциации, например, незащищенный секс и использование SEIM (см. Barker, 2014). Эту трудность при проведении психологических исследований порнографии резюмировал Баркер (2014, стр. 121):

Если более высокий уровень агрессии обнаруживается у людей, которые потребляют больше порнографии, остается неясным, делает ли порнография людей агрессивными, привлекают ли агрессивные люди к порнографии больше, или какой-то другой аспект (например, более традиционно мужественное поведение) приводит к этому независимо. В более высоких уровнях как агрессии, так и потребления порнографии.

Негатив и предвзятость сексуальной морали

Подавляющее большинство исследований исходят из предположения, что порнография имеет негативные последствия. Напротив, исследования, исследующие или делающие выводы о положительном влиянии порнографии, часто упускают из виду потенциально вредные последствия порнографии и, как правило, представляют позитивно предвзятые выводы (см. Corneau & van der Meulen, 2014). В обзоре опубликованных исследований о влиянии порнографии на несовершеннолетних авторы отмечают, что исследования в подавляющем большинстве негативны, а также в подавляющем большинстве гетеросексуальны и предполагают гетеросексуальность (Peter & Valkenburg, 2016). Действительно, однополюсные сексуальные контакты часто игнорируются

наборы данных (например, Hennessey et al., 2009). Культурные представления о том, что считается уместным *моральным* поведением часто смешиваются с негативными последствиями для здоровья или полностью затмевает их. Например, понятие «позволительного сексуального отношения» почти всегда основано на принятии «случайного секса» и наличии нескольких сексуальных партнеров. Исследование этих практик выявило предвзятость сексуальной морали; то есть считается само собой разумеющимся, что такие отношения и практики являются негативными, без учета фактических последствий этих практик для здоровья и благополучия. То есть они могут быть нежелательны с культурной точки зрения, но по своей сути они не более опасны, чем другие сексуальные практики. Этот вопрос подробно обсуждается ниже.

Критическая грамотность и свобода действий молодых людей

Исследования часто не обращают внимания на то, как влияет потребление порнографии. *опосредованный* вместо этого предполагает, что молодые люди пассивны и уязвимы, а не активны и критичны в своем взаимодействии с SEIM. То есть «в основном предполагается, что дети асексуальны или просто невежественны в сексуальных вопросах; и единственный способ понять их встречи с сексуальными репрезентациями – это вред или коррупция» (Chronaki, 2013, стр. 62; см. также Bragg & Buckingham, 2009). Качественные исследования, изучавшие то, как молодые люди понимают этот материал и взаимодействуют с ним, часто показывают, что они хорошо осведомлены о гиперстереотипных и нереалистичных изображениях пола, показанных в SEIM. Это особенно важно при рассмотрении потенциальных мер по снижению рисков вредных последствий.

Понимание вреда в контексте

Чтобы понять (и, таким образом, смягчить) потенциальные негативные последствия воздействия или использования порнографии в Интернете, нам необходимо осознать вред, связанный с воздействием или использованием SEIM (как мы опишем ниже) *и как создается такой вред*. Что вредно, чем это вредно и кто подвержен такому вреду?

Последствия, а, следовательно, и вред, можно понимать как индивидуализированные (относящиеся к людям с определенной предрасположенностью, например, уровнем сексуального интереса), контекстуализированные (относящиеся к конкретным ситуациям или окружающей среде, например, присутствию или отсутствию родительского общения) и связанные с деятельностью (относящиеся к содержанию и типу взаимодействия, например, частый просмотр насильственной порнографии). Многие ученые критикуют прямое сопоставление негативных последствий с использованием порнографии (то есть, вызванных ими) и ищут более тонкий подход, который понимает сложности и конкурирующие выгоды, которые могут быть связаны с этим (см. Attwood, 2011; McNair, 2014; Peter & Valkenburg, 2016 г.; Салливан и Макки, 2015 г.; Эта критика предполагает, что логика «причинения» является чрезмерно определяющей и индивидуалистической, *ириски, предлагающие вмешательства (направленные на отдельных лиц) с ограниченной эффективностью*.

Существуют также важные различия и степени вредного воздействия. Смерть и жестокое обращение представляют собой наихудшие возможные последствия, и нельзя сказать, что такие ситуации являются прямым результатом порнографии (для потребителей). Однако важно понимать, как порнография может способствовать *окружающая среда* в которых происходят эти инциденты, а также другие виды насилия, включая сексуальное принуждение, домогательства и членовредительство. Точно так же полезно серьезно рассмотреть и другие эффекты, которые могут показаться невинными, такие как ограниченность сексуальных сценариев или усиление сексистских взглядов, поскольку эти последние «менее вредные» эффекты способствуют созданию условий, которые делают возможными первые результаты. В этом духе подведение итогов *как конкретные ситуации причиняют вред* необходимо для того, чтобы вмешаться и свести к минимуму вред, и уменьшить вероятность причинения вреда.

В смежной (и гораздо более широкой) области, аналогично связанной с потенциально вредными практиками подростков (употребление наркотиков), исследователи предполагают, что «вмешательства, нацеленные на социальные условия, вызывающие вред от наркотиков, могут быть более эффективными, чем вмешательства, направленные на конкретные изменения поведения среди потребителей наркотиков» (Роудс, 2002, с. 199). Это связано с тем, что вредные последствия возникают в результате сочетания потенциально вредных практик в средах высокого риска. Как утверждает Роудс (2002):

Понимание среды риска помогает нам определить *предела* также *возможности* обеспечивается за счет доказавших свою эффективность... профилактических мероприятий... *в различные условия окружающей среды*. Это также помогает нам понять условия, которые создают окружающую среду. *восприимчивый* чтобы... навредить, а также *уязвимый* его последствиям. Таким образом, подход, основанный на рискованной среде, не только помогает объяснить условия, приводящие к причинению вреда... но также помогает *предсказание*, и, таким образом, также, *предотвращение их*. (Роудс, 2002, стр. 91; выделено автором)

Необходимо понимать потребление порнографии как совокупность *практики* которые формируются в определенной среде, и поэтому их последствия производятся в этих практиках и через них (а не изолируются как предшествующие таким взаимодействиям). Мы утверждаем, что это важно именно потому, что практика, вызывающая особенно вредные последствия, дает нам представление о том, как смягчить такие последствия. *и*, что особенно важно, как создавать и поощрять благоприятную среду для снижения вреда и устойчивости (менее вредные ситуации и последствия).

Ключевые темы в литературе

Сексуальные знания и саморазвитие

Существует обеспокоенность тем, что для молодых людей порнография действует как сексуальное воспитание и может отрицательно повлиять на их саморазвитие, особенно на их ожидания в отношении секса. Роль и влияние порнографии на половое воспитание разнообразны. Например, порнография может рассказать молодым людям о биологических фактах, о том, что интересоваться сексом — это нормально, о том, что секс доставляет удовольствие, а также о сексуальных техниках и позициях (Allen, 2006; McKee, 2010); получение знаний о сексуальности также может повысить уверенность в себе (Sabina, Wolak & Finkelhor, 2008). Одно исследование, проведенное в Великобритании, показало, что положительная реакция на порнографию увеличивается с возрастом, а отрицательная реакция снижается (Martellozzo et al., 2016). Тем не менее, есть опасения, что молодые люди будут копировать порнографические изображения секса или иметь нереалистичные ожидания в отношении секса в результате использования онлайн-порнографии. Однако эти гипотезы предполагают, что молодые люди в своем взаимодействии с SEIM пассивны и уязвимы, а не активны и критичны. Важно отметить, что мало исследований изучали *ВОЭ* восприимчивы или более восприимчивы к сообщениям порнографии (Peter & Valkenburg, 2016), что затрудняет обобщение о влиянии SEIM на молодых людей.

Есть некоторые предположения, что подростки из числа меньшинств (будь то меньшинства по этнической принадлежности или сексуальной ориентации) с большей вероятностью будут использовать порнографию в качестве сексуального воспитания и с большей вероятностью получат выгоду от ее положительных эффектов (см. Arrington-Sanders et al., 2015; Brown & L'Engle, 2009; Кубичек и др., 2010; Квалем, Трэин и Иантафи, 2016; Макнейр, 2013; Это может быть связано с недостаточной представленностью их меньшинства в основных средствах массовой информации. То есть сценарии сексуальных отношений и отношений, представленные в основных средствах массовой информации, в подавляющем большинстве являются белыми и гетеросексуальными, в результате чего подростки из разных культурных групп и/или странной сексуальной ориентации имеют меньше образцов для подражания, и поэтому у них может быть разный опыт взаимодействия с порнографией. Действительно, исследования показывают, что однополые подростки мужского пола находят изображения гомосексуализма в порнографии полезными для принятия собственной сексуальности (McCormack & Wignall, 2016; Tomson et al., 2014), а также познавательными в отношении сексуальных ролей и позиций (McCormack & Wignall, 2016; Tomson et al., 2014), см. McCormack & Wignall, 2016). Одно исследование молодых людей, влекущих к другим мужчинам, описывает этот эффект следующим образом:

Многие участники обнаружили, что порнография помогает интеллектуально обрабатывать свои сексуальные желания. Когда его спросили о том, как порнография связана с его пониманием своих сексуальных желаний, Мигель, в основном гей, ответил: «Надеюсь, это действительно помогло... Я смотрел на парней в порно, чтобы понять, нравятся ли мне девушки». Точно так же Маркус, бисексуал, склонный к гею, сказал: «Я помню, как смотрел гетеросексуальное порно, и думаю, именно тогда это началось с фразы «Я завидую этой девушке» и переросло в «Меня привлекает этот парень» (McCormack & Wignall, 2016, стр. 10).

Для других людей, идентифицирующих ЛГБТ, СЭИМ воспринимался как гетеросексуальный и ориентированный на мужчин и не имеющий для них большого значения (Smith, 2013; Tomson et al., 2014). Исследования этнических меньшинств в США, таких как афроамериканская и латиноамериканская молодежь, показали, что некоторые из них отдают предпочтение порнографическому контенту с участием афроамериканских и латиноамериканских актеров соответственно, а авторы выразили обеспокоенность по поводу гиперболических расовых стереотипов, изображенных в таких материалах (Ротман и др., 2015).

Многие исследования описывают использование подростками порнографии для изучения сексуальных действий, ролей, техник и телесных функций (Arrington-Sanders et al., 2015; Häggström-Nordin et al., 2006; Hare et al., 2014; Löfgren-Мортенсон и Монссон, 2010 г.; Ромито и Бельтрамини, 2011 г.; Смит, 2013 г.; Это исследование предполагает, что порнография может служить «сексуальным сценарием» в качестве ориентира для собственных сексуальных контактов (Brown & L'Engle, 2009; Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010; Morgan, 2011; Sun et al., 2016). особенно с учетом зачастую десекуализованного характера сексуального образования (см. Allen, 2006; Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010; Smith, 2013). Как этот сексуальный сценарий *действует* однако в собственных (реальных) сексуальных контактах подростков различаются.

Некоторые девушки, участвовавшие в итальянском исследовании, описали использование порнографии, чтобы «уменьшить тревогу, связанную с первым половым актом» (Скарчелли, 2015, стр. 243). В шведском исследовании молодые мужчины, которые часто использовали SEIM, с большей вероятностью пробовали сексуальные действия, которые они видели в порнографии, чем их сверстники, которые использовали SEIM реже (Mattebo et al., 2014; см. также Häggström-Nordin, et al., 2005). Тем не менее, в качественном исследовании, проведенном в Швеции, мальчики описали свой опыт взаимодействия с SEIM как «полностью отличающийся от сексуальности, переживаемой в более традиционных ситуациях и отношениях» (Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010, стр. 572). Участники этого исследования как мужчины, так и женщины считали SEIM «преувеличенным, искаженным или совершенно ложным» (Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010, стр. 573). Важно отметить, что национальный контекст сексуального образования в Швеции и Нидерландах заметно отличается от контекста в Австралии, и он вполне может быть причиной критической грамотности подростков в отношении порнографии.

В исследовании, проведенном в Великобритании, чуть менее половины подростков согласились с тем, что они использовали порнографические изображения, чтобы научиться тому, что делать во время собственных сексуальных контактов (Martellozzo et al., 2016). Однако без подробностей содержания того, что они смотрели или подражали, невозможно узнать, включало ли это «отыгрывание» безопасный, внимательный секс по обоюдному согласию (о важности которого, по словам 60% мальчиков, они узнали). от просмотр порнографии) или проблемное сексуальное поведение, включая принуждение, агрессию или насилие (Martellozzo et al., 2016). Понятие «воспроизведение» (разыгрывание сцен, засвидетельствованных в порнографии) проблематично, поскольку оно закрывает многие важные факторы, например, то, как происходят эти сексуальные контакты (по обоюдному согласию, принуждению и т. д.); он предполагает, что порнография имеет решающее значение, не принимая во внимание как подростки занимаются SEIM.

Например, как подростки *воспринимают* порнография является важным фактором, который редко исследуется. В двух голландских исследованиях, изучавших связь между «воспринимаемым реализмом» порнографии (т.е. ее сходством с «реальным» сексом) и ее эффектами, в среднем подростки *не* думают о порнографии как о реалистичном изображении сексуальных возможностей в их собственной жизни или как о том, что она была полезным источником сексуальной информации (Peter & Valkenburg, 2006b, 2010b, 2016). Однако более частое использование увеличило их уверенность в том, что порнографические изображения «менее нереалистичны» (Peter & Valkenburg, 2010b). Тем не менее, в обширном исследовании подростков Великобритании (в возрасте 11–16 лет) 53% мальчиков и 39% девочек согласились, что порнография *был* реалистичный (Мартеллоццо и др., 2016, с. 37). В другом исследовании, проведенном в Великобритании, 77% опрошенных старшеклассников не считают порнографию реалистичной, ссылаясь на такие причины, как «она превозносит секс» и «секс в реальной жизни вызывает больше чувств» (Baker, 2016, стр. 223). Эти ответы указывают на потенциал подростков к критическому чтению порнографии.

Отношение к сексу

Повышение сексуальной вседозволенности

Имеются убедительные доказательства того, что использование порнографии подростками связано с более сильным попустительским сексуальным отношением (Braun-Courville & Rojas, 2009; Häggström-Nordin et al., 2005; Häggström-Nordin et al., 2006; Peter & Valkenburg, 2006b), 2008b, 2010b, 2016; только для мальчиков, Brown & L'Engle, 2009; Doornwaard, Bickham et al., 2015), в том числе более терпимо относятся к добрачному/внебрачному/внебрачному сексу. Более частое использование также, как правило, было связано с более снисходительным отношением (Braun-Courville & Rojas, 2009; Peter & Valkenburg, 2006b). Тем не менее, существует некоторая двусмысленность в отношении того, что означает «позволяющее сексуальное отношение». Как правило, это относится к более сильной вере в случайный секс (между сторонами, не состоящими в серьезных отношениях) или секс как «инструментальный» (с целью удовлетворения возбуждения, а не как выражение привязанности). Порнография в подавляющем большинстве представляет секс таким образом; то есть как «просто физическая, потворствующая своим желаниям деятельность между случайными, ничем не связанными партнерами, которая игнорирует социальные и реляционные отношения».

аспекты секса» (Питер и Валкенбург, 2006b, стр. 640).

Также важно отметить, что в рамках вышеупомянутых исследований подростки в среднем *отклоненный* снисходительное сексуальное отношение; то есть в целом они не считали незанятый секс чем-то нормальным. Действительно, Питер и Валкенбург (2016) предположили, что эффект от использования порнографии правильнее понимать как *уменьшение ограничительного сексуального отношения*. Тем не менее, Питер и Валкенбург также отмечают, что подростковый возраст — это время, связанное с сексуальными экспериментами, и подростки расходятся во мнениях относительно того, считают ли они, что сексуальное исследование должно происходить в рамках отношений или со случайными партнерами, друзьями или свиданиями на одну ночь (Peter & Valkenburg, 2008b, стр. 582). По крайней мере, одно исследование показало, что попустительское сексуальное отношение в большей степени связано с тем, считает ли кто-то использование порнографии приемлемым, а не с тем, действительно ли он ее использует (Carroll et al., 2008). Эти результаты ставят под сомнение причинно-следственную связь между порнографией *использовать* снисходительное сексуальное отношение.

Подростки мужского пола старшего возраста, как правило, имеют более снисходительное отношение, чем девочки и подростки младшего возраста, а также с большей вероятностью являются пользователями SEIM (Cameron et al., 2005; Peter & Valkenburg, 2006b). Вероятно, это происходит потому, что, как указывает Флуд, порнография «работает в симбиотических отношениях с обычными конструкциями мужской гетеросексуальной сексуальности» (Flood, 2007, стр. 57). Питер и Валкенбург также обнаружили, что связь между использованием SEIM и попустительским сексуальным отношением не была прямой, а была вызвана тем, насколько подростки воспринимали порнографические изображения реалистичными (Peter & Valkenburg, 2006b). Чем чаще мужчины использовали SEIM, тем больше они воспринимали порнографию как реалистичную и тем больше у них было развлекательного отношения к сексу (Peter & Valkenburg, 2006b).

Снисходительное сексуальное отношение по своей сути не предсказывает негативных последствий для здоровья. Действительно, само это исследование выявляет предвзятость сексуальной морали; то есть это *предполагалось* что этот потенциальный эффект нежелателен. Если дать более широкое определение, менее ограничительное сексуальное отношение имеет положительные преимущества, например, меньший стыд по поводу сексуального поведения.

2 Неясно, восприняли ли участники этого исследования этот вопрос как вопрос о том, был ли изображенный порнографический секс реальным (а не смоделированным) или реалистичным в том смысле, каким они ожидали секс.

мастурбация (Йоханссон и Хаммарен, 2007), более спокойное отношение к сексу (МакКи, 2010) или мысли о «сексе без любви» и порнографии как о допустимом (Йоханссон и Хаммарен, 2007). Потенциальные проблемы с попустительским сексуальным отношением связаны с восприятием женщин как сексуальных объектов и возможностью того, что это приведет к сексуальной агрессии, принуждению или насилию, а также к более сексистским отношениям в целом. Но как эти сексуальные отношения влияют *ожидания* сексуальных отношений молодых людей со сверстниками остается неясным.

Ожидания от секса

Как мы уже говорили, подростковый возраст — это время сексуального развития и исследования, и поэтому стоит изучить, может ли использование порнографии повлиять на сексуальные ожидания подростков и каким образом. Например, молодые девушки в одном качественном исследовании выразили обеспокоенность по поводу ожиданий своих парней относительно того, что они будут делать вместе в сексуальном плане, если вместе будут смотреть порнографию (Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010). В других исследованиях девочки описывали тревогу по поводу того, чего от них ожидают мальчики в сексуальном плане (Häggström-Nordin et al., 2009; Martellozzo et al., 2016). Когда в британском исследовании Мартеллоццо и его коллег (2016) был задан вопрос, привел ли просмотр порнографии к убеждению подростков в том, что мужчины и женщины «должны вести себя определенным образом во время секса», респонденты старшего возраста (15–16 лет) были более склонны не соглашаться, чем молодые (в возрасте 15–16 лет). 13–14 участников (Martellozzo et al., 2016). Мартеллоццо и его коллеги описывают эти результаты как

свидетельства усвоения некоторыми подростками представлений об ожидаемом мужском и женском поведении во время физического секса. Данные не могут сказать нам, относятся ли идеи, которые они усваивают, к безопасным, внимательным, взаимно приятным сексуальным действиям с согласным партнером или к принудительному, оскорбительному, насильственному, эксплуататорскому, унижающему достоинство и потенциально незаконному сексу. Здесь мы также не можем знать, изменятся ли их идеи с опытом. (Мартеллоццо и др., 2016, стр. 44)

Эти авторы отметили, что доля детей в возрасте 13–14 лет (39%), сообщивших об усвоении идей из порнографии, почти вдвое превышала долю детей в возрасте 11–12 лет (21%). Исследование гетеросексуальных молодых людей, обучающихся в колледжах в США, показало, что те, кто чаще использовал SEIM, чаще интегрировали порнографию в секс, который у них был со своим партнером, и что эта связь была сильнее у тех, кто был моложе (Sun et al., 2016). В другом исследовании молодых людей «более частый просмотр и воздействие нескольких типов СЭМ было связано с сохранением сексуальных предпочтений, напоминающих те, которые часто представлены в СЭМ» (Морган, 2011, стр. 529). Таким образом, существуют важные соображения относительно того, как использование порнографии влияет на сексуальное поведение молодых людей. Однако кто наиболее подвержен этому влиянию и к какому эффекту на практике, остается неясным.

Питер и Валкенбург предположили, что подростки могут испытывать несоответствие между тем, чему их учили (в школе и семье) в области полового воспитания, и тем, что они видят в порнографии, что может вызвать «сексуальную неуверенность» (Peter & Valkenburg, 2008b). Они определяют сексуальную неопределенность в отношении изменения и неуверенности в сексуальных ценностях и убеждениях (а не в отношении сексуальной самооценки или сексуальной ориентации) и обнаружили, что использование SEIM связано с более позитивным отношением к «непривязанным к сексуальным исследованиям». и большая сексуальная неуверенность (Peter & Valkenburg, 2008b).

Одно исследование студентов колледжей в США показало, что сексуальные предпочтения коррелируют с сексуальными изображениями в порнографии, а также с сексуальной неудовлетворенностью. предполагая, что, возможно, молодежь, использующая SEIM, *делает* имеют нереалистичные ожидания от своих сексуальных отношений (Morgan, 2011). То есть, сравнивая свой собственный опыт с тем, что изображено в SEIM (даже непреднамеренно), они могут чувствовать себя все более неполноценными. По данным опроса 1052 голландских подростков (в возрасте 13–20 лет), использование SEIM последовательно снижало сексуальное удовлетворение как у мужчин, так и у женщин (Peter & Valkenburg, 2009b). Влияние было выше для тех, у кого мало или вообще не было сексуального опыта, а также для тех, кто считал своих друзей сексуально неопытными. Эти авторы пришли к выводу: «Когда сексуально неопытные подростки сталкиваются с вездесущностью секса в SEIM, они могут с большей вероятностью воспринимать отсутствие сексуального опыта как ограничение и, таким образом, становиться неудовлетворенными своей сексуальной жизнью» (Peter & Valkenburg, 2009b, p. 188). В исследовании Сан и его коллег (2016), проведенном среди мужчин в американских колледжах, более высокое потребление SEIM снижает удовольствие от сексуально интимного поведения с реальным партнером. Это говорит о том, что есть некоторые свидетельства того, что более частое использование SEIM снижает сексуальное удовлетворение, и это может стать полезным подспорьем для будущего образования по этому вопросу.

3 «Сексуальное удовлетворение» относится к степени удовлетворенности независимо от опыта.

Отношение к полу

Существует обеспокоенность тем, что использование порнографии влияет на отношение молодых людей к гендеру и, в частности, может привести к усилению веры в гендерные стереотипы, особенно сексуальные роли и представления о женщинах как сексуальных объектах, двойные сексуальные стандарты и мифы об изнасилованиях.

Гендерные стереотипные убеждения

«Гендерные стереотипы» относятся к традиционному пониманию соответствующих ролей мужчин и женщин и их связи; Принципиально, что женщины подчинены, а мужчины доминируют. Большая часть гетеросексуальной порнографии изображает мужчин и женщин именно таким образом, причем женщины готовы отчаянно служить желаниям мужчин (см. Gorman, et al., 2010). Как описывает Флуд, «в большинстве гетеросексуальной порнографии, продаваемой на массовом рынке, секс отделен от близости, любовной привязанности и человеческих связей; все женщины постоянно доступны для секса и имеют ненасытный сексуальный аппетит; и все женщины сексуально удовлетворены тем, что делают мужчины в фильме» (Флуд, 2007, стр. 56). Существуют доказательства того, что использование порнографии подростками связано с более сильными убеждениями в гендерных стереотипах, особенно о сексе, как для мальчиков, так и для девочек (Brown & L'Engle, 2009; Häggström-Nordin et al, 2006; Peter & Valkenburg, 2009a). хотя эта связь сильнее для подростков мужского пола (ter Bogt et al., 2010; Peter & Valkenburg, 2016). Хотя эти стереотипные убеждения часто связаны с сексуальными ролями, они также имеют более широкие последствия. Подростки в одном шведском исследовании описали, как SEIM:

представил недостижимый идеал тела через стереотипы порнозвезд, где тело было главной проблемой: женщина, символизируемая как «Барби», и мужчина, символизируемый как «Геркулес». Этот мужчина был лидером, сильным и хорошо сложенным. Женщину изображали худощавым телом с большой грудью, подчиненной мужчине. (Маттебо и др., 2012, стр. 42)

Эти сообщения о том, что мужчины (и должны быть) крутыми, а женщины являются (и должны быть) сексуальными объектами, проникают в средства массовой информации и общество и иллюстрируются подобными типами гетеросексуальной порнографии. В лонгитудинальных исследованиях с подростками, которые выясняли их представления о гендерных стереотипах на начальном этапе, а затем в последующем, частое использование SEIM коррелировало с более высоким принятием гендерных стереотипов (Brown & L'Engle, 2009). Важно отметить, что эти исследования показали, что, как правило, подростки не придерживаются гендерных стереотипных убеждений, но более широкое использование SEIM может повысить уверенность в том, что гендерные стереотипы являются точными и желательными. Согласно количественному исследованию, проведенному в пяти европейских странах, мальчики (в возрасте 14–17 лет) значительно чаще придерживались сексистских гендерных установок, если они регулярно использовали порнографию (Stanley et al., 2016). Эти авторы отметили, что: «Особенно примечательно то, что мальчики, которые регулярно смотрели порнографию, гораздо чаще, чем те, кто этого не делал, соглашались с утверждением об отношении к сексуальному насилию, которое было сформулировано так: «Женщины доводят мужчин до сексуального возбуждения, а затем жалуются». о внимании, которое они получают» (Stanley et al., 2016, стр. 18). Как ясно показывает это исследование, растущая вера в гендерные стереотипы увеличивает вероятность совершения сексуальной агрессии или насилия (в сочетании с другими факторами, такими как враждебность по отношению к женщинам и принятие насилия в отношениях, см. Clarke & Stermac, 2011; Murnen, Wright, и Калузный, 2002). По данным одного количественного и качественного исследования, проведенного в средних школах Лондона, наибольшую обеспокоенность девочек по поводу порнографии заключалось в том, что «она может поощрять сексистское поведение или убеждения» (Baker, 2016, стр. 221).

Кроме того, несколько исследований показали, что подростки как мужского, так и женского пола критически относятся к изображению гендерных отношений (мужчины как доминирующие, женщины как покорные) в порнографии (в Швеции, Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010; Mattebo et al., 2012; в США, Смит, 2013). Опять же, это помогает подчеркнуть, что способы взаимодействия молодых людей с порнографией в первую очередь не так пассивные поглотители сообщений СМИ. Молодежь в одном шведском исследовании «утверждала, что большинству удалось избежать психологического вреда»; то есть «они успешно ориентировались [в порнографическом ландшафте], и чем старше они становились, тем легче было это делать» (Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010, стр. 575). В другом исследовании фокус-группы из Шотландии подростки, критикующие порнографию, пронизательно отметили, что «вред, связанный с порнографией и сексуализированными СМИ, редко определялся как воздействие секса или тела как такового, а скорее касался конкретной версии этого, которая представляет женщин и мужчин узкими, нереалистичными и гетеронормативными способами» (Tomson et al., 2014, стр. 28). По данным другого шведского опроса, более трети старшеклассников считают, что порнография в некоторых отношениях унижает достоинство (Johansson & Hammarén, 2007).

Представления о сексуальных ролях и женщинах как сексуальных объектах

Кроме того, было обнаружено, что более частое использование порнографии увеличивает вероятность восприятия женщин (и девочек) как сексуальных объектов; то есть их основная цель — сексуальное служение мужчинам (ter Bogt et al., 2010; Peter & Valkenburg, 2007). В частности, объективация женщин «относится к снижению сексуальной привлекательности женщин с точки зрения внешнего вида и сосредоточению внимания на частях тела, особенно на гениталиях.

Это также означает, что женщины изображаются как сексуальные игрушки, ожидающие удовлетворения мужских сексуальных желаний» (Peter & Valkenburg, 2010a, стр. 359). Почти повсеместная кульминация порнографического повествования — «выстрел спермы», в котором мужчина эякулирует на тело или лицо женщины — является буквальным выражением этих отношений: она — средство для достижения его цели. Такая неравномерная сексуальная динамика находится в прямом противоречии с современным сексуальным образованием, которое подчеркивает взаимное уважение и взаимность (Peter & Valkenburg, 2010a, стр. 359).

В последующем исследовании Питер и Валкенбург уточнили, что «подверженность подростков SEIM была одновременно причиной и следствием их убеждений в том, что женщины являются сексуальными объектами» (Peter & Valkenburg, 2009a), имея в виду, что те, кто более склонен верить женщинам, являются ли сексуальные объекты более привлекательными для порнографии (в которой в основном изображены женщины)? В другом исследовании, в котором изучались различные медиа-платформы, использование SEIM мальчиками было наиболее сильно коррелирующим с представлением о женщинах как сексуальных объектах (ter Bogt et al., 2010). Эту обеспокоенность разделила ученица старшей школы в одном качественном исследовании, которая прокомментировала:

Я думаю, что откровенно сексуальные средства массовой информации играют особенно важную роль в том, как мальчики моего возраста относятся к девочкам. И более того, то, как девочки моего возраста реагируют на поиск внимания или одобрения со стороны своих сверстников или часто не реагируют, когда получают нежелательное внимание. (Бейкер, 2016, стр. 221)

Сексуальные двойные стандарты

Эти порнографические изображения сексуальных гендерных отношений также усиливают двойные стандарты между мужчинами и женщинами, когда мужчины являются желанными субъектами, а женщины являются объектами удовлетворения для мужчин (Häggström-Nordin et al., 2006; Tomson et al., 2014). Помимо сексуальных ролей мужчин и женщин, изображенных в порнографии, подростки также выражали обеспокоенность по поводу того, как мужчины, интересующиеся сексом или имеющие опыт, получают статус «парней», в то время как женщин унижают как шлюх (Mattebo et al., 2012; Tomson et al., 2014). Эти культурные двойные стандарты также относятся к *потреблению* порнографии, при этом использование порнографии считается нормативным или повышающим статус для мальчиков, но ненормальным и портящим репутацию для девочек (Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010; Mattebo et al., 2014; Scarcelli, 2015; Tomson et al., 2014). Хотя эти двойные стандарты явно проявляются в порнографии, они увековечиваются и усиливаются в самых разных средствах массовой информации.

Кроме того, некоторые мальчики в одном качественном исследовании выразили обеспокоенность тем, что SEIM их не интересовал и не возбуждал, но чувствовали, что они должны были (что от них, как от мужчин, этого ожидали) (Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010). Эту характеристику разделили мальчики, участвовавшие в шотландском исследовании: один из них описал [перспективу просмотра порнографии с другими мальчиками]: «Они будут наслаждаться этим и смеяться. Я бы притворился, но меня встревожило бы содержание» (Томсон и др., 2014, стр. 18). Это давление, направленное на то, чтобы мальчики использовали и наслаждались SEIM (или создавали видимость этого) для мальчиков, было описано как важное, чтобы показать, что они «мужчины», и гарантировать, что они не кажутся геями (Tomson et al., 2014). Авторы этого отчета пришли к выводу: «Хотя для молодых женщин считалось нормальным проявлять небольшой интерес к порнографии, существовало предположение, что молодые мужчины, не проявившие интереса, столкнутся с насмешками» (Томсон и др., 2014, стр. 18). Социальное давление на мальчиков, заставляющее их использовать SEIM и получать от него удовольствие, полезно для разработки образовательных стратегий по этим вопросам.

Психическое благополучие

Бедствие

Те дети того возраста или уровня развития, которые не знают о сексуальной активности и не интересуются ею, с большей вероятностью расстроятся из-за нежелательного воздействия порнографии. Например, в опросе среди 10–17-летних детей в США 10% описали этот опыт как очень или чрезвычайно расстраивающий (Mitchell, et al. 2007). В европейском исследовании, посвященном опасениям детей (в возрасте 9–16 лет) по поводу рисков в Интернете, порнография была упомянута 22% (Ливингстон и др., 2014). В этом опросе дети младшего возраста (9–12 лет) с большей вероятностью были очень расстроены этим, и продолжительность чувства расстройства была дольше. В том же опросе, проведенном в Австралии, этот показатель составил 27% (Green et al., 2013, стр. 5). Также может случиться так, что дети гораздо младшего возраста могут *не* быть огорчены SEIM, если они не осознают то, что видят; вместо этого этот опыт можно понимать как «бессмысленный или забавный» (McKee, 2010, стр. 28) или глупый (Martellozzo et al., 2016). Ливингстон и его коллеги пришли к выводу: «Сексуальные риски — просмотр сексуального или порнографического контента и получение сексуальных сообщений — встречаются чаще, но воспринимаются детьми как гораздо менее вредные, при этом в большинстве случаев сообщается о незначительном вреде или вообще о нем» (Ливингстон и др., 2011, с. 135). Эти авторы предполагают, что дети на самом деле гораздо лучше справляются с СЭИМ, чем «широко распространено мнение» (Ливингстон и др., 2011, стр. 135).

Помимо возраста, еще одним фактором, влияющим на восприятие детьми онлайн-порнографии, является пол: девочки с большей вероятностью находят такие изображения тревожными, смущающими, унижительными или отвратительными, тогда как мальчики с большей вероятностью будут испытывать сексуальное возбуждение от порнографических изображений (Cameron et al., 2005 г., Хронаки, 2013 г.;

2007 г.; Ливингстон и др., 2011; Лёфгрен-Мортенсон и Монссон, 2010 г.; Мартеллоццо и др., 2016; Ромито и Бельтрамини, 2011 г.; Сабина и др., 2008). Содержание SEIM также влияет на реакцию детей на него: подчиненные изображения женщин с большей вероятностью оскорбляют девочек. Сексуальные практики, изображенные в SEIM, которые могут выходить за рамки культурных норм, могут более шокировать и расстраивать несовершеннолетних.

Важно отметить, что просмотр порнографии в Интернете может вызывать как возбуждение, так и беспокойство. Как резюмировало одно исследование: «Подростки, зрители онлайн-порнографии, возможно, пытаются справиться с определенной степенью диссонанса в своей реакции на порнографию. Они понимают, что это нереально и что это может быть очень негативным, но они также сексуально возбуждаются этим и могут найти трансгрессивные аспекты захватывающими» (Мартеллоццо и др., 2016, стр. 35).

Самооценка и образ тела

Подавляющее большинство порнографии демонстрирует очень специфические типы тел (преимущественно белые, худые женщины и мускулистые мужчины) и сексуальное поведение (в подавляющем большинстве инструментальное и часто жестокое или «грубое»). Одно исследование показало, что повышенная самообъективация и наблюдение за телом связаны с использованием порнографии подростками мужского пола (Vandenbosch & Eggermont, 2013a), в то время как другие исследования описывают это влияние на молодежь женского пола (Hägglöf-Nordin et al., 2006; Martellozzo et al., 2016; Томсон и др., 2014). В качественном исследовании шведских старшеклассников мальчики описали неуверенность в своих способностях к сексуальной активности, особенно в отношении продолжительности (Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010). Девушки, участвовавшие в том же исследовании, сообщили о беспокойстве по поводу собственной сексуальной активности, а также об идеальном типе женского тела, изображенном в SEIM. И девочки, и мальчики (в возрасте 14–20 лет) в этом исследовании описывали усталость от стереотипных изображений тел в порнографии (Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010). Однако в других исследованиях молодые люди сообщили о том, что они использовали «реалистичные» изображения секса в жанре любительской порнографии, в которой они обнаружили «более разнообразный круг людей с точки зрения этнической принадлежности, внешности и сексуальности», что помогло им, чтобы обрести уверенность в себе (Смит, 2013, стр. 70–71).

Тревога и депрессия

Клинические симптомы депрессии были связаны с употреблением SEIM несовершеннолетними (Peter & Valkenburg, 2006a; Ybarra & Mitchell, 2005), а также с теми, кто подвергся нежелательному воздействию (Wolak, Mitchell & Finkelhor, 2007). В шведском исследовании, изучавшем, как эффекты варьируются в зависимости от частоты использования SEIM, не было обнаружено связи между депрессивными симптомами и частотой использования SEIM, хотя частые пользователи испытывали больше проблем в отношениях со сверстниками и употребляли больше алкоголя (Mattebo et al., 2013).). В голландском исследовании компульсивного использования SEIM у мальчиков-подростков с более высоким уровнем депрессивных симптомов и более низкой самооценкой, то есть с более низким психологическим благополучием, с большей вероятностью развивались симптомы компульсивного использования SEIM (Doornwaard et al., 2016). Другие исследования показывают аналогичную связь: подростки, которые менее удовлетворены своей жизнью (Peter & Valkenburg, 2006a) или у которых наблюдаются симптомы депрессии (Wolak, et al., 2007), с большей вероятностью будут использовать SEIM.

Зависимость и озабоченность

«Зависимость» можно определить как компульсивное использование вознаграждающих стимулов, несмотря на неблагоприятные последствия. Наркомания считается «первичным хроническим заболеванием мозга, мотивации, памяти и связанных с ним механизмов» (Американское общество наркологии [ASAM], 2011). Использование порнографии – это поведение, которое можно отнести к категории «процессуальной зависимости», а не зависимости от психоактивных веществ (например, зависимости от героина или никотина). Процессуальные зависимости состоят из «серии действий, которые подвергают человека воздействию «событий, изменяющих настроение», от которых он получает удовольствие и становится зависимым (например, азартные игры)» (Sussman, 2007, стр. 257). Вопрос о том, может ли человек стать «зависимым» от порнографии, остается спорным (Wery & Billieux, 2017), поэтому проблемное использование порнографии лучше всего рассматривать через призму, сосредоточенную на компульсивности и озабоченности. «Озабоченность» можно определить как сильное когнитивное увлечение идеями о сексе, иногда исключая другие мысли. Более частое использование порнографии подростками было связано с озабоченностью (Mattebo, Tydén et al., 2013; Peter & Valkenburg, 2008a). Другая литература предполагает, что сексуальное возбуждение связано с удовлетворением краткосрочных потребностей, а не с долгосрочными целями, такими как учеба (Beyens, Vandenbosch & Eggermont, 2015; Owens et al., 2012).

Молодежь, участвовавшая в исследовании в Великобритании, выразила обеспокоенность по поводу того, что сверстники «слишком много смотрят» и оказываются в социальной изоляции (Martellozzo et al., 2016, стр. 37). Следует отметить, что у большинства молодых пользователей SEIM «не развиваются компульсивные тенденции», однако для тех, у кого они развиваются, «модели использования могут иметь значительные и долгосрочные последствия во многих сферах их жизни» (Doornwaard et al., 2016, стр. 74; см. также Сассман, 2007). Одно голландское исследование, в котором изучались психосоциальные факторы, способствующие проблемному использованию SEIM у мальчиков, показало, что в группу риска входили подростки, которые использовали «откровенно сексуальные материалы из Интернета в качестве потенциального механизма преодоления трудностей; как временное бегство, отвлечение или способ снятия стресса или негативных аффективных состояний» (Doornwaard et al., 2016, стр. 74; см. также Wery & Billieux, 2015). Таким образом, цель использования SEIM становится важным для понимания потенциально

отрицательные эффекты. Важно отметить, что эти авторы отмечают, что для подростков «сексуальная «компульсивность» может представлять собой качественно иной феномен», чем для взрослых (Doornwaard et al., 2016, стр. 75; см. также Sussman, 2007). В этом исследовании проблемное компульсивное употребление определялось следующим образом: «отсутствие контроля над употреблением (пункт 1); озабоченность использованием (пункты 2 и 4); неблагоприятные последствия в результате употребления (пункт 3); переживание неприятных эмоций при невозможности использования (пункт 5); и использовать, чтобы справиться с негативными чувствами или уйти от них (пункт 6)» (Doornwaard et al., 2016, стр. 75).

Познание и социальное функционирование

В одном обзоре исследований, посвященных влиянию порнографии на подростков, отмечается: «В подростковом возрасте происходит множество значительных изменений [...] С точки зрения развития, поведение, связанное с принятием рискованных решений и поиском вознаграждения, способствует росту и обучению большинства подростков» (Оуэнс и др., 2012, с. 113). Соответственно, подростки более уязвимы к чрезмерно рискованной деятельности, чем взрослые или дети младшего возраста, и поведение, направленное на вознаграждение, может иметь более сильное воздействие. То есть подростки могут с большей вероятностью столкнуться с проблемным или компульсивным использованием SEIM. Важно отметить, что «большинство подростков способны рассуждать и понимать риски, связанные с их поведением» (Оуэнс и др., 2012, стр. 113). Хотя, что касается потребления SEIM, возможно, подростки не осознают потенциально вредных последствий, в отличие, например, от употребления алкоголя или других наркотиков, для которых в различных источниках проводятся значительные и общие образовательные кампании, предназначенные для сообщить о возможных рисках.

Использование порнографии также связано со снижением успеваемости. В бельгийском исследовании мальчиков-подростков (в возрасте 12–15 лет) чем больше они использовали SEIM, тем хуже были их школьные оценки шесть месяцев спустя (Veyens, et al., 2015). Кроме того, в исследовании греческих старшеклассников как редкое, так и частое использование SEIM было в значительной степени связано с «проблемами поведения», при этом вероятность возникновения таких проблем у нечастых пользователей была в два раза выше, а у частых пользователей — значительно выше вероятность (Tsitsika et al., 2009). Поведенческие проблемы также были связаны конкретно с Интернет-порнографияпотребление (Ибарра и Митчелл, 2005). В исследованиях молодежи с историей сексуальных преступлений раннее знакомство с порнографией было связано с антисоциальным поведением (Hunter, Figgeded & Malamuth, 2010), а те, кто был потребителями порнографии, с большей вероятностью проявляли агрессивное поведение (Alexy, Burgess, & Malamuth, 2010). Прентки, 2009).

Сексуальная уверенность в себе и устойчивость

Подростки в одном шведском исследовании описали, как они стали меньше использовать SEIM по мере того, как их уверенность в себе и самооценка возрастали (с возрастом), и что они лучше «справлялись» с изображениями в SEIM, если у них были позитивные отношения с друзьями и семья, с которой они могли бы поговорить (Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010). С ростом самооценки становится легче отстаивать сексуальные предпочтения и желания (Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010). В другом качественном исследовании молодые женщины рассказали, как разнообразие людей с точки зрения этнической принадлежности, внешности и сексуальности в «любительском» SEIM помогло им развить собственную сексуальную уверенность в себе (Smith, 2013). Одна участница этого исследования, Софи, описала:

Любительская порнография на удивление хорошо все меняет, и поэтому я никогда не чувствовал себя запуганным или плохим по отношению к себе во время ее просмотра. Я обнаружил, что, в некотором смысле, глядя на *Семнадцать* Журнал и тому подобное ранили меня еще больше, потому что там снова и снова мне показывали одних и тех же девушек. Оно показывало мне, как нужно выглядеть так же... И более того: ты должна выглядеть так и вот так, это единственные способы, которыми мужчины будут желать тебя. (Смит, 2013, стр. 70)

Таким образом, жанрилы типы SEIM, которые просматривают подростки, могут иметь разные и потенциально положительные эффекты.

Сексуальное поведение

Возраст сексуального дебюта

Есть некоторые свидетельства того, что более раннее воздействие SEIM увеличивает вероятность более раннего сексуального опыта; например, исследования показали, что подростки, которые чаще использовали SEIM, раньше имели свой первый сексуальный опыт (Häggström-Nordin et al., 2005; Morgan, 2011). Другое исследование показало, что несовершеннолетние, имеющие доступ к Интернету, сообщают о значительно более раннем возрасте начала половой жизни, чем те, у кого его нет (Kraus & Russell, 2008).

В лонгитудинальном исследовании с участием младших подростков в США исследователи обнаружили, что те, кто использовал SEIM в первой волне сбора данных (в возрасте 12–14 лет), кто не занимался сексуальной деятельностью на тот момент, с большей вероятностью занимались оральным сексом. или половой акт во время последующего наблюдения (в возрасте 14–16 лет; Brown & L'Engle, 2009). В этом исследовании подростки мужского пола, которые использовали порнографические журналы, видео и интернет-контент в возрасте 12–14 лет, почти в три раза чаще сообщали об оральном сексе и половых контактах в возрасте 14–16 лет, чем мужчины, которые не использовали порнографические журналы, видео и интернет-контент в возрасте 12–14 лет.

средства массовой информации откровенно сексуального характера (Brown & L'Engle, 2009). Девочки-подростки, использующие порнографию, также с большей вероятностью имели оральный секс или половые сношения при последующем наблюдении, но корреляция была слабее (вероятность в два раза выше для орального секса, в полтора раза выше для полового акта). Однако швейцарское исследование не обнаружило корреляции между использованием порнографии и более ранним сексуальным дебютом (Luder et al., 2011).

В ходе двухволнового опроса подростков 12–16 лет в Бельгии ученые изучали связь стадии полового развития с дебютом половой жизни и потреблением порнографии (Vandenbosch & Eggermont, 2013b). Авторы предположили, что *раннее* Пубертатная стадия может быть связана с повышенной восприимчивостью к сообщениям SEIM из-за того, что ранние подростки по-новому испытывают сексуальные чувства. Это исследование показало, что подростки на более ранней стадии полового созревания, которые часто смотрят порнографию, с большей вероятностью иницируют секс (Vandenbosch & Eggermont, 2013b). Тем не менее, исследование также показало, что подростки на более поздней стадии полового созревания, которые использовали SEIM, часто *менее вероятно* иницировать секс (Vandenbosch & Eggermont, 2013b).

Следует отметить, что большинство подростков, принявших участие в исследовании, сообщили, что у них *нет* имел половой акт. Кроме того, другие исследования показали, что воздействие неявного сексуального контента в основных средствах массовой информации (например, музыка, телевидение, журналы) предсказывает более раннюю сексуальную активность, включая половой акт (см. ter Bogt et al., 2010; Brown & L'Engle, 2009).). Другие исследования также показывают, что «сексуально ориентированное» телевидение, в частности, связано с ожиданиями в отношении секса, восприятием сексуального поведения сверстников, а также с сексуально-позволительным отношением (см. Hennessy et al., 2009).

Опасения по поводу возраста начала половой жизни отражают предвзятость сексуальной морали и также имеют тенденцию быть произвольными. Например, в одном исследовании «ранний сексуальный дебют» определялся как половой акт до 15 лет (Luder et al., 2011), в то время как в других исследованиях раннее начало половой жизни определялось как секс до 18 лет (см. Heywood, Патрик, Смит и Питтс, 2015). Хотя некоторые ученые утверждают, что раннее начало половой жизни представляет собой фактор риска «сексуальных действий высокого риска, таких как наличие нескольких сексуальных партнеров или секс в состоянии алкогольного опьянения» (Vandenbosch & Eggermont, 2013b, стр. 622), а также инфекций, передающихся половым путем, заболеваний, подростковой беременности и снижения удовлетворенности отношениями, важно отметить, что эти исследования *производят* эти ассоциации.

В целом, выводы относительно того, влияет ли просмотр или использование порнографии в Интернете на дебют половой жизни, и является ли возраст дебюта половой жизни проблематичным сексуальным поведением с точки зрения негативных последствий для здоровья. Похоже, что те, кто находится в начале полового созревания, могут быть более восприимчивы и, следовательно, более подвержены влиянию содержания SEIM, что позволяет предположить, что вмешательства также могут быть наиболее влиятельными для этой возрастной группы.

Более рискованные сексуальные практики

Утверждалось, что различные виды деятельности, изображенные в порнографии, «могут провоцировать, эротизировать и придавать им легитимность» (Flood, 2009, стр. 390), увеличивая вероятность того, что подростки будут участвовать в порнографии. *Более рискованный* сексуальная деятельность. Однако для того, чтобы сообщить о том, что *представляет собой* сексуально рискованное поведение и способы его изучения. Для наших целей сексуальная рискованность означает *отрицательные или нездоровые результаты*, то есть действия, которые приводят к нежелательной беременности или инфекциям, передающимся половым путем (ИППП, включая ВИЧ). Витимизация или совершение сексуальной агрессии обсуждается ниже, а сексуальная неудовлетворенность обсуждается выше. Поэтому мы определяем более рискованные сексуальные практики как: отказ от использования презервативов, глотание эякулята и состояние интоксикации (поскольку употребление психоактивных веществ может увеличить вероятность участия в первых двух практиках, например, см. Chaney, Vail-Smith, Martin и Cremeens-Matthews, 2016). «Следует отметить, что это определение существенно уже, чем то, которое обычно сообщается в литературе. Это связано с тем, что многие исследования определяют рискованное или проблемное сексуальное поведение таким образом, чтобы выявить предвзятость сексуальной морали. Например, во многих исследованиях оцениваются рискованные сексуальные практики, связанные с случайным сексом или с несколькими партнерами (Braun-Courville & Rojas, 2009; Carroll et al., 2008; Morgan, 2011). Такое сексуальное поведение можно считать *культурно* нежелательным, но они по своей сути не связаны с негативными *здоровье* результаты. Кроме того, некоторые исследования не выявили связи (Luder et al., 2011) или значимости (Kraus & Russell, 2008) между использованием порнографии и количеством сексуальных партнеров. Скорее, использование или неиспользование барьеров (презервативов) *тогдашний* фактор в отношении физического сексуального здоровья, который мы обсуждаем здесь. Согласие *тогдашний* фактор в отношении эмоционального сексуального здоровья.

Исследования связи между использованием или неиспользованием презервативов и потреблением порнографии среди подростков различаются. Некоторые исследования показали, что использование порнографии было связано с использованием презервативов как геями (Arrington-Sanders et al., 2015), так и гетеросексуальными (Braun-Courville & Rojas, 2009; Luder et al., 2011) мужчинами-подростками, однако у девочек-подростков этого не наблюдалось (Luder et al., 2011). Одно исследование, проведенное в Нидерландах, в ходе которого подростки неоднократно спрашивали об их сексуальных практиках и использовании порнографии, не обнаружило связи между использованием порнографии и сексом без презервативов (Peter & Valkenburg, 2011c). Эти

⁴ Сексуальные действия с использованием крови являются наиболее рискованными с точки зрения передачи вирусов, передающихся через кровь (гепатит С и ВИЧ), хотя эти действия не рассматривались в литературе, посвященной порнографии и сексуальному поведению подростков.

ассоциации могут различаться в зависимости от *содержания* порнографии, которую они потребляют, особенно между геями и гетеросексуальными подростками мужского пола, поскольку гей-порнография имеет гораздо более высокий уровень использования презервативов (секс без презервативов представляет собой существенное меньшинство гей-порнографий), чем гетеросексуальная порнография (секс без презервативов составляет подавляющее большинство контента). Кроме того, здесь также важен относительный культурный контекст сексуального образования и использования презервативов (т.е. в Нидерландах сексуальное образование является более всесторонним и внимательным к вопросам пола и согласия в целом, чем в Австралии, см. Bell, 2009).

По-видимому, только одно исследование изучало практику глотания эякулята, а именно исследование с участием афроамериканской молодежи мужского пола того же пола в США (Arrington-Sanders et al., 2015). Авторы обнаружили, что использование порнографии было связано с увеличением такого сексуального поведения. Однако, поскольку это произошло в пределах очень маленькой выборки, эта связь остается спорной и требует дальнейшего исследования.

Анальный секс, в частности, представляет сложности с точки зрения того, является ли он рискованным или проблемным сексуальным поведением. Это связано с тем, что взрослые, проводящие исследования, склонны рассматривать гетеросексуальный анальный секс как «маргинальную» сексуальную активность (McBride & Fortenberry, 2010), что может быть не так для молодых людей. Анальный половой акт, и особенно его связь с мужским гомосексуализмом, часто рассматривается как унижающий достоинство, и эта предвзятость проявляется в исследованиях анального секса между мужчинами и женщинами. Например, одно исследование пришло к выводу: «Кажется очевидным, что большинству женщин не нравится анальное проникновение, в отличие от идеи, которая распространяется в порнографических фильмах» (Häggström-Nordin, et al., 2005, стр. 106). Этот пример представляет собой острую форму морализаторства в исследованиях порнографии, хотя это мнение широко распространено в литературе.

В качественном исследовании, проведенном в Швеции, молодые мужчины «яростно отрицали», что они хотят имитировать порнографические практики в своих сексуальных отношениях (Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010, стр. 575). Однако молодые девушки, участвовавшие в том же исследовании, считали, что их парни *делают* хотят заниматься деятельностью, которую они видели в порнографии, и в качестве примера они привели анальный секс (Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010). Похожая реакция произошла в американском исследовании афроамериканской и латиноамериканской молодежи, в котором участницы женского пола связывали мужской интерес к анальному сексу с порнографией (Rothman et al., 2015). Сексуальное поведение, при котором на одного участника оказывается давление или принуждение, представляет собой сексуальную агрессию, которая обсуждается ниже.

Существуют доказательства того, что использование порнографии увеличивает вероятность того, что подростки примут и будут участвовать в сексуально разрешительных практиках (Braun-Courville & Rojas, 2009; Brown & L'Engle, 2009; Morgan, 2011; Peter & Valkenburg, 2006a, 2007, 2008b), хотя *последствия* вопросы сексуального и психологического здоровья остаются недостаточно изученными. Есть некоторые предположения, что использование порнографии связано с «более разнообразными сексуальными практиками», хотя более разнообразные практики необходимо оценивать с точки зрения рисков для здоровья, а не рассматривать как индикатор более общего сексуального риска. Например, исследования молодежи в Швеции показали, что девочки, просмотревшие порнографию, с большей вероятностью занимались анальным сексом, а мальчики, регулярно использующие порнографию, с большей вероятностью занимались анальным сексом с девушкой, а также пытались совершить другие действия, которые они видели в порнографии (Häggström-Nordin, et al., 2005; Johansson & Hammarén, 2007). В исследовании шведских старшеклассников частое использование SEIM было связано с сексом с другом, групповым сексом, оральным и анальным сексом (Häggström-Nordin, et al., 2005). По данным одного исследования, использование SEIM было связано с более высокой вероятностью участия в групповом сексе среди девочек-подростков (Rothman et al., 2012). Другие исследования, однако, *сделали* не найти убедительные доказательства того, что порнография связана с более разнообразными сексуальными практиками (Doornwaard, et al., 2015; Mattebo et al., 2014).

Подводя итог, учитывая, что использование, особенно частое использование, SEIM связано с более либеральным сексуальным отношением, из этого, похоже, следует, что такое использование может также привести к более либеральным сексуальным практикам. Более либеральные сексуальные практики могут включать в себя различные виды деятельности и определяются в литературе по-разному, часто выявляя в исследованиях предвзятость в отношении сексуальной морали. Однако связь между отказом от использования презервативов и потреблением порнографии позволяет предположить, что порнографические изображения могут влиять на поведение молодых людей, их принятие и переговоры о безопасном сексе; то есть они могут стать более терпимыми к незащищенному сексу. Тем не менее, важно отметить, что отказ от использования презервативов имеет широкий спектр причин, связанных с этим.

Сексуальная агрессия

Мы определяем сексуальную агрессию как сексуальное домогательство и принуждение, а также сексуальное насилие и насилие. Сексуально-агрессивное поведение, как правило, различается в зависимости от возрастной группы: мальчики младшего возраста с большей вероятностью будут проявлять поведение, которое взрослые определили бы как сексуальное домогательство, «такое как прикосновения, хватания или ущемления сексуального характера; стягивание или снятие одежды; принуждение к поцелую; или другое нежелательное сексуальное поведение» (Brown & L'Engle, 2009, стр. 134). Имеются данные о связи между использованием порнографии и совершением сексуальных действий.

5 Не существует исследований, изучающих анальный секс между женщинами и мужчинами в связи с использованием порнографии подростками, а исследования анального секса не делают различия между активными и восприимчивыми мужчинами, а скорее делают различие между мужчинами и женщинами. *предполагает* самцы активны, а самки восприимчивы, фактически не изучая этот вопрос.

домогательство мальчиков (Bonino et al., 2006; Brown & L'Engle, 2009) и сексуальное принуждение студентов колледжей (Simons et al., 2012). Согласно исследованию Брауна и Л'Энгла (2009), мальчики-подростки, которые использовали SEIM в раннем подростковом возрасте (в возрасте 12–14 лет), с большей вероятностью проявляли сексуально агрессивное поведение два года спустя при последующем наблюдении. Кроме того, частое использование порнографии связано с виктимизацией женщин (для девочек — Bonino et al., 2006; для студенток — Simons et al., 2012). В лонгитюдном исследовании 10–15-летних детей в США, проводившемся в течение трех лет, подростки, потребляющие жесткую порнографию, в шесть раз чаще были сексуально агрессивными, чем те, кто смотрел ненасильственную порнографию, и те, кто не использовал порнографию (Ybarra et al., 2011), предполагая, что *содержание* SEIM важен для понимания сексуально агрессивного поведения. В этом исследовании учитывались такие факторы, как гнев и другое агрессивное поведение. Одно ретроспективное исследование мужчин, осужденных за сексуальные преступления, показало, что порнография в подростковом возрасте значительно увеличивает вред и унижение жертвы (Mancini, Reckdenwald & Beauregard, 2012). В ходе исследования подростков, совершивших сексуальные преступления (сексуально реактивных детей), исследователи обнаружили, что те, кто использовал SEIM, с большей вероятностью совершали сексуальное принуждение или принуждали к сексуальным действиям (Alexy, Burgess & Prentky, 2009). В ходе школьного опроса в Швеции исследователи обнаружили, что отношение к изнасилованиям и сексуальная озабоченность тесно связаны с сексуально агрессивным поведением (Kellerman et al., 2010). В этом исследовании мальчики, совершившие сексуальную агрессию, а также те, у кого были проблемы с несексуальным поведением, с большей вероятностью часто использовали порнографию и когда-либо смотрели жесткую порнографию (Kjellgren et al., 2010). По данным школьного опроса, проведенного в Италии, девочки, подвергшиеся семейному психологическому или сексуальному насилию, с большей вероятностью смотрели порнографию, особенно жесткую порнографию и порнографию, в которой женщины, казалось, получали удовольствие от насильственных действий (Romito & Beltramini, 2011). У мальчиков подобных ассоциаций не обнаружено.

Важно отметить, что утверждается, что для большинства мужчин частое потребление порнографии *не могут* быть связаны с повышенной сексуальной агрессией (Ybarra & Mitchell, 2005). Скорее, существуют другие факторы риска, которые делают некоторых мужчин более предрасположенными к сексуально агрессивному поведению, такие как враждебность по отношению к женщинам, низкий интеллект, антисоциальные тенденции и повышенный интерес к безличному сексу и доминированию (Malamuth & Huppín, 2005; Ybarra & Mitchell, 2005). Это можно резюмировать так: «Степень, в которой человек обладает определенными комбинациями факторов риска, определяет, насколько вероятно, что он станет сексуально агрессивным после воздействия порнографии» (Malamuth & Huppín, 2005, стр. 316). Подростки с этими факторами риска, в свою очередь, с большей вероятностью будут использовать порнографию, с большей вероятностью будут использовать жесткую порнографию и с большей вероятностью будут подвержены влиянию гендерных и сексуальных посылов порнографии, которую они потребляют (Malamuth & Huppín, 2005; Ybarra & Mitchell, 2005). Потенциальные проблемы частого потребления порнографии связаны с уже существующими чертами характера. То есть, как формулируют Кингстон и его коллеги:

При рассмотрении в контексте множества взаимодействующих факторов результаты экспериментальных и неэкспериментальных исследований, а также различных групп населения очень согласуются, показывая, что использование порнографии может быть фактором риска сексуально агрессивных последствий, особенно для мужчин с высоким уровнем других факторов риска, и которые часто используют порнографию. (Кингстон и др., 2009, стр. 216)

Можно понимать, что использование порнографии увеличивает вероятность совершения сексуально агрессивных действий в *некоторый* мальчиков и повысить вероятность стать жертвой сексуально агрессивного поведения для *некоторый* девушки.

Описывая некоторые из своих собственных экспериментальных исследований с молодыми мужчинами в колледже, Маламут и Хуппин рассказывают, как демонстрация молодым людям образов сексуального насилия увеличила их принятие культурных стереотипов о том, что «женщины заслуживают или тайно желают изнасилования» (мифы об изнасиловании) (Malamuth & Huppín, 2005). Когда изображения сексуального насилия включали женщину, возбужденную условиями сексуального насилия, участники исследования сообщили, что считали, что более высокий процент женщин получает удовольствие от сексуального насилия. Этот эффект был особенно очевиден у мужчин, проявивших предрасположенность к сексуальной агрессии. *не* очевиден у мужчин, у которых не было такой предрасположенности. Это, как заключили авторы, свидетельствует о том, как жестокая порнография влияет на отношения мужчин с сексуально агрессивными тенденциями, что должно укрепить убежденность в том, что сексуальное насилие приемлемо и желательно, но *не* оказывают такое влияние на всех мужчин (Маламут и Хаппин, 2005, стр. 321; Vega и Маламут, 2007). Важно отметить, что мифология в поддержку изнасилований увековечена в ведущих мужских журналах (Horvath et al., 2012).

Однако в других качественных исследованиях ситуация просмотра порнографии может напрямую привести к сексуальным домогательствам и насилию, например, одна 17-летняя девушка описала следующий опыт в школе:

Некоторые парни просто открывают порно[сайт] и начинают его смотреть. А потом мальчики начинают лупить девочек по попкам, хватать их за сиськи и все такое. И на самом деле однажды этот чувак - на этот раз в десятом классе, этот чувак, он продолжал вот так подходить ко мне, он продолжал тянуться к моей груди, а потом, хм, я его шлепнул. Как будто очень тяжело. А потом он ударил меня в ответ, и я начал его бить, а потом меня исключили. (Ротман и др., 2015, стр. 740)

Некоторые молодые девушки сообщили, что их принуждали к сексуальным действиям, которые их парни видели в порнографии (Rothman et al., 2015). Сексуальная агрессия может также принимать форму съемок половых актов без согласия и/или обмена изображениями или видео с друзьями (см. Rothman et al., 2015). Это действие представляет собой производство порнографии и может быть незаконным как для подростков младше 18 лет, так и для обеспокоенных взрослых, пытающихся вмешаться в эту практику. В исследовании, проведенном в пяти европейских странах, молодые люди (в возрасте 13–19 лет) выявили сходство между отправкой/получением/распространением сексуальных изображений (известных как «секстинг» для взрослых, но подростки редко используют этот термин) и порнографией, такой как контроль и унижение (Stanley et al., 2016). Это исследование показало, что сексуальное принуждение связано как с регулярным использованием порнографии, так и с отправкой или получением сексуальных изображений или сообщений (Stanley et al., 2016). Мальчики с более сексистскими гендерными установками также чаще подвергались сексуальному принуждению (Stanley et al., 2016).

Сложные взаимодействующие факторы

Подростковый возраст — это время «критических и значительных изменений во множестве областей: физической, эмоциональной, когнитивной, социальной, духовной и сексуальной. Следовательно, подростки считаются одной из наиболее восприимчивых аудиторий к контенту откровенно сексуального характера» (Owens et al., 2012, стр. 101). В частности, младшие подростки начинают формировать свои собственные представления о сексе и отношениях (Brown & L'Engle, 2009; Malamuth & Huppin, 2005). Тем не менее, «не существует универсального использования онлайн-материалов откровенно сексуального характера, а также не существует универсального или прямого эффекта от воздействия [значения, использования] таких материалов» (Peter & Valkenburg, 2006b, стр. 655).

Использование или потребление порнографии предполагает множество способов взаимодействия с материалами, разнообразие контента, а также множество различных *перспектив* *мысл* которые влияют на то, как несовершеннолетние понимают SEIM, и каким воздействиям они могут быть уязвимы. Например, использование насильственной порнографии связано с реальным агрессивным поведением, включая сексуальное насилие. Это показывает, как *содержание* имеет значение, к каким типам порнографии осуществляется доступ. Есть также свидетельства того, что уже существующее понимание сексуальных норм (какие виды сексуальной деятельности уместны) влияет на то, насколько болезненным для детей младшего возраста является воздействие порнографических материалов, изображающих другие виды деятельности. Это показывает, как *оба* *возрасти* *культурный контекст* изменить эффект SEIM. Как несовершеннолетние *читать* порнография также производит различные эффекты, например, если они считают, что порнографические изображения изображают реалистичное или нереалистичное сексуальное поведение. Все эти факторы по-разному взаимодействуют друг с другом и, в частности, имеют тенденцию оказывать различное воздействие на мальчиков и девочек разных возрастных групп, поэтому важными факторами, которые следует учитывать, являются пол и возраст. В следующей таблице показаны некоторые важные факторы, влияющие на восприятие, участие и потенциальные последствия порнографии:

Таблица 10: Факторы восприятия, взаимодействия и потенциальные последствия онлайн-порнографии.

Характер Личные характеристики, влияющие на восприятие, участие и последствия порнографии	Контекст Ситуации просмотра порнографии, которые влияют на ее понимание	Содержание Содержание порнографии варьируется, при ее восприятии важны некоторые факторы.
Пол	Случайный	Использование/неиспользование презервативов
Возраст	Преднамеренный	Женщины как сексуальный
Пубертатное развитие	Первое воздействие	объект Изображения насилия
Культурный фон	Частота использования	Женщины, возбужденные насилием
Религиозность	Продолжительность просмотра	Расистские стереотипы
Социально-экономический статус (СЭС)	Цель	Точка зрения (POV)
Сексуальная ориентация	Эмпирическое состояние (например, возбуждение) с	Властные отношения
Сексуальный интерес	сексуальным партнером/сверстниками/одиночество	Привязанность
Сексуальный опыт	Воспринимаемый реализм	
История сексуального насилия/насилия	Сексуальное воспитание	
Семейное положение	Критическая грамотность	
В поисках сенсации	Семейная ситуация	
Агрессия	Родительское общение	
Отношение к насилию в отношении женщин	Общение с друзьями Возраст друзей	
Отношение к порнографии	Воспринимаемые нормы сверстников	

Пробелы в литературе и будущих исследованиях

Другие факторы

Исследования часто организуются вокруг гипотез и результатов без учета социального контекста и ряда других факторов. Также недостаточно внимания уделяется посредническим факторам и транзакционным отношениям; то есть, как другие переменные могут повлиять на использование порнографии. Исследования, включающие транзакционные отношения, «более реалистично и достоверно описывают последствия использования медиа», чем те, которые предполагают линейное представление о медиаэффектах (Peter & Valkenburg, 2016, стр. 512). Например, многие исследования сосредоточены на причинных утверждениях об использовании порнографии (т. е. о том, что использование порнографии причиняет вред), но не могут изучить, как вред может быть связан другими способами (т. е. что может существовать основная причина использования порнографии и, например, сексуально агрессивное поведение, вместо того, чтобы просто отображать сексуально агрессивное поведение как эффект использования порнографии). «Необходимо понимать, что воздействие SEM [откровенно сексуальных средств массовой информации] может формировать сексуальные предпочтения и что молодые люди часто избирательно ищут сексуальные средства массовой информации, сообщения которых соответствуют ранее существовавшим предпочтениям» (Морган, 2011, стр. 528).

Конструкции мужественности

«Исторически просмотр порнографии является мужским действием и редко совершается женщинами [...] Гетеросексуальная мужественность затем центральная часть этнографии порнографии, а также иллюстрирует связь с социальным миром ролей, ценностей и социальной структуры общества» (Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010, стр. 576). Сексуальное насилие над подростками-мужчинами связано с социальным давлением с целью доказать свою мужественность (см. Messerschmidt, 2000). Необходимы дополнительные исследования о том, как порнография влияет на формирование мужественности, в частности гетеросексуальной мужественности, и подростковой активности. *развивающийся* представления о том, что значит «быть мужчиной». Эта точка зрения была повторена в одном качественном исследовании: «Если программы сексуального образования будут направлены на решение проблем онлайн-СЭМ, то будет важно учитывать понимание подростками гендерных ролей в сексуальных взаимодействиях, и особенно норм мужественности, при предоставлении мальчикам-подросткам ресурсов для критического рассмотрения». SEM» (Смит, 2013, стр. 72–73).

Отношения внутри семьи

На удивление мало исследований посвящено внутрисемейным отношениям, связанным с использованием порнографии, например отношениям между отцами и сыновьями, братьями и сестрами (особенно старшими братьями), матерями и детьми, а также другим отношениям внутри семьи. Исследования показывают, что контекст, в котором используется SEM, влияет на то, как дети и молодые люди реагируют на материал, и что позитивное общение с родителями или другими взрослыми может смягчить вредные последствия за счет повышения уверенности в себе и самооценки (Löfgren-Mårtenson & Månsson, 2010). Одно исследование первого знакомства студентов колледжа с откровенно сексуальными изображениями (не обязательно порнографией) показало, что чаще всего это происходило дома в возрасте до 10 лет (Allen & Lavender-Stott, 2015). Исследователи противопоставляют эту «широко распространенную доступность» сексуальных образов «отсутствию явных указаний и объяснений» со стороны родителей или других взрослых (Allen & Lavender-Stott, 2015, стр. 401). Они также отмечают, что «сексуальная социализация — это постепенный процесс развития, происходящий на протяжении всей жизни, и это представление противоречит идее о том, что родители предоставляют своим детям одноразовый словесный «разговор о сексе»» (Allen & Lavender-Stott, 2015), с. 393). Существует необходимость в дополнительных исследованиях в этой области, особенно в отношении практики совместного просмотра, а также ограничительного (установление правил и временных ограничений) и активного (инструктирование, руководство) посредничества внутри семей.

Одно голландское двухволновое исследование подростков (в возрасте 12–17 лет) показало, что родительское посредничество в SEM имело эффект. *нет* приводят к меньшему сексуальному опыту при последующем наблюдении (Nikken & de Graaf, 2012). Девочки в этом исследовании, чьи родители *имел* ограничили использование ими средств массовой информации, были *болеескорее* всего, у них есть сексуальный опыт (Nikken & de Graaf, 2012).

Исследование, проведенное в США среди молодых людей (в возрасте 18–26 лет), наоборот, показало, что ограничительное посредничество родителей в СЭМ в подростковом возрасте перешло в их взгляды на порнографию как новых взрослых (Rasmussen et al., 2016). Эти исследователи пришли к выводу, что «установление родителями правил относительно просмотра порнографии в подростковом возрасте может сократить использование порнографии в будущем, прививая выраженное убеждение в том, что родитель не одобряет просмотр порнографии» (Rasmussen et al., 2016; см. также: Rasmussen, Ortiz & White, 2015). Эти конкурирующие утверждения подчеркивают необходимость дополнительных исследований общения родителей и детей о сексуальных средствах массовой информации и их эффектах, а также более широких культурных контекстов и ожиданий, в которых происходит это общение.

Различия между подростками и взрослыми

Были получены неоднозначные результаты относительно того, существуют ли различия в воздействии порнографии на взрослых и подростков и если да, то в какой степени. Существует мало исследований, сравнивающих эти группы, хотя одно исследование показало, что последствия не различаются (Peter & Valkenburg, 2011c). Хотя существует больше исследований о взрослых, это взрослые, которые выросли в существенно ином технологическом контексте, чем нынешняя ситуация (т. е. без смартфонов или подключений к Интернету, способных транслировать видео).

Чем отличаются эффекты для подростков (от взрослых)? *Который* подростки, скорее всего, пострадают? *ВОЗ* уязвим к каким вредным воздействиям? Считают ли подростки порнография более реалистичной, чем взрослые? Как подростки идентифицируют себя с изображенными половыми актами? Как они воспринимают влияние порнографии на свои отношения? Что *подростки* думаете, каковы последствия/вред? Исследования среди взрослых показывают, что многие женщины чувствуют себя преданными, обнаружив, что их партнер-мужчина потребляет порнографию (например, Tulka & Van Diest, 2014). Имеют ли подростки схожий (или разный) опыт и какой эффект?

Что *виды* SEIM смотрят подростки? Как формируются предпочтения? Формируют ли они привычки, которые становятся устойчивыми во взрослой жизни, или они продолжают двигаться дальше? Например, «сохраняют ли подростки, которые видят материалы откровенно сексуального характера на ранних этапах своего полового взросления, интерес к таким материалам и «переходят» к более откровенному контенту с течением времени, или, если они удовлетворяют свое любопытство, возможно, им становится скучно, и они переходят к другим видам контента? медиа-контента и/или деятельности?» (Brown & L'Engle, 2009, стр. 147) Если люди «уйдут» от порнографии, то когда? И имеет ли это отношение к развитию сексуальных отношений? Влияет ли родительство на использование SEIM и его положение в отношениях? Это важные вопросы для будущих исследований.

Подростковые отношения

Если, как показывают исследования, большинство мальчиков используют порнографию в Интернете, а большинство девочек не используют порнографию *ис*считают порнографию унижающей достоинство, то следует задать важные вопросы об отношениях *между* мальчики и девочки. Необходимы дополнительные исследования опыта подростков в отношениях и роли порнографии в развитии сексуального репертуара, а также сексуального давления и принуждения. *в отношениях*. В частности, как девушки воспринимают использование порнографии своими парнями?

Один онлайн-опрос студентов-психологов США (в возрасте 18–29 лет), состоящих в гетеросексуальных отношениях, показал, что «сообщения женщин о проблемном использовании порнографии их партнером-мужчиной отрицательно связаны с их самооценкой, качеством отношений и сексуальным удовлетворением» (Stewart & Szymanski, 2012), с. 265). Для мужчин, участвовавших в этом исследовании, качество отношений и сексуальное удовлетворение также были отрицательно связаны с использованием порнографии (Szymanski & Stewart-Richardson, 2014). В другом исследовании партнерши взрослых мужчин, использующих SEIM, сообщили о снижении сексуальной близости, снижении самооценки и требованиях участия в деятельности, которую они считают нежелательной (Manning, 2006). Важно признать, что для многих пар использование SEIM является общей частью их сексуальных отношений. Например, в одном исследовании гетеросексуальных пар 72% мужчин и 56% женщин сообщили об использовании SEIM, а совместное использование сексуальных медиа было связано с более высоким удовлетворением в отношениях по сравнению с использованием в одиночку (Bridges & Morokoff, 2011). В лонгитюдном исследовании молодых людей в Нидерландах исследователи обнаружили взаимную связь между использованием SEIM и меньшей удовлетворенностью отношениями мужей, что они объяснили следующим образом: «Мужья в плохих отношениях используют больше SEIM, а большее количество SEIM среди мужей приводит к ухудшению отношений» (Muusses, Керкхоф и Финкенауэр, 2015, стр. 83). Все эти результаты не обязательно указывают на *подростковый* отношения, однако.

Практика безопасного секса

Стоит отметить, что практика вывода (*прерванный половой акт*) *кажется*, никогда не учитывался в исследованиях, изучающих связь подростков между использованием порнографии и сексуальным поведением. Учитывая, что это сексуальный акт, характерный практически для всего жанра порнографии, такое упущение кажется примечательным. Если на молодых людей влияет то, что они видят в порнографии, то почему так мало исследований практики абстиненции и ее последствий? В Калифорнии, где производится большая часть профессиональной порнографии, правила безопасной работы требуют использования презервативов и коффердамов в качестве барьеров, а также «эякуляции вне тела партнера» (Grudzen et al., 2009, стр. S152). В будущих исследованиях было бы полезно более подробно рассмотреть такую практику с точки зрения последствий для сексуального здоровья, включая эмоциональные последствия.

В Приложении 1 представлена библиотека фактических данных, прилагаемая к данному отчету.

⁶ Половой акт, при котором пенис втягивается до эякуляции.